ЗАПИСКИ МАНШТЕЙНА О РОССІИ

1724—1744 гг.

ЗАМѢЧАНІЯ НА НИХЪ

ГРАФА

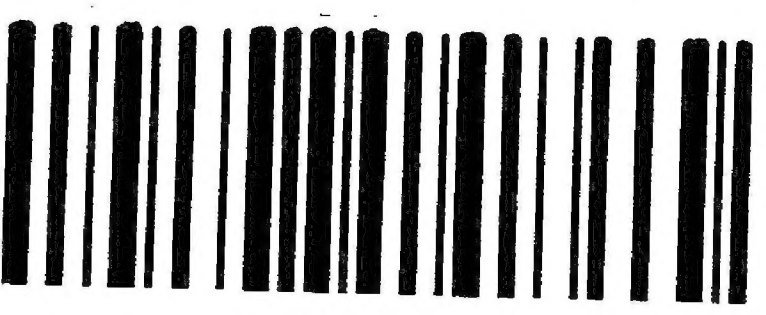
ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА

писаны въ 1770-хъ годахъ.

Оттиски изъ историческаго журнала «Русская Старина», изд. 1879 г. книги XI и XII.

XXIV
4387

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1879.



Въ 1875-мъ году при «Русской Старинѣ», въ приложеніи, напечатаны нами «Записки генерала Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг.»—въ переводѣ съ французскаго подлинника, автографа, принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу.

Переводъ и изданіе этихъ драгоцѣнныхъ по интересу и значенію Записокъ были исполнены съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго Владѣтеля города Павловска, въ дворцовой библіотекѣ котораго хранится помянутая рукопись.

Въ объясненіяхъ, примѣчаніяхъ и среди разныхъ документовъ, сопровождающихъ это изданіе—нами, между прочимъ, сказано:

«Независимо отъ помѣщенныхъ приложеній, мы предполагали дополнить настоящее изданіе «Записокъ Манштейна» замѣчательными примѣчаніями графа Іоанна Эрнеста Миниха (род. 1707, † 1788, сынъ фельдмаршала), оберъ-гофмейстера двора правительницы Анны Леопольдовны, сосланнаго, по восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Вологду, возвращеннаго оттуда въ 1762 г. и скончавшагося на службѣ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера. Примѣчанія эти помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ» изданія 1825—1828 годовъ, П. И. Свиньина, части XXI—XXV, XXV—XXXIX. Дополняя, исправляя и оспаривая нѣкоторыя извѣстія Манштейна, даже сами по себѣ, безъ отношенія къ его труду—Замѣчанія Миниха-сына принадлежатъ къ числу любопытныхъ историческихъ матеріаловъ для эпохи Анны Іоанновны, правленій Бирона и принцессы Анны Леопольдовны.

«Но перепечатывать историческій памятникъ изъ изданія Свиньина, притомъ напечатанный имъ не вполнѣ, мы не признали удобнымъ потому, что въ

эпоху издательской дѣятельности этого писателя не считалось предосудительнымъ (по крайней мѣрѣ со стороны Свиньина), исправлять и подновлять слогъ памятника и дѣлать въ немъ сокращенія и пропуски; въ послѣднемъ отношеніи весьма усердно помогала издателямъ ценсура. Всѣ же старанія наши отыскать подлинную рукопись этихъ Замѣчаній или возможно полный и исправный списокъ — до сихъ поръ оказались тщетными».

Вслѣдъ за выходомъ нашего изданія «Записокъ Манштейна»—К. А. Висковатовъ нашелъ въ бумагахъ своего покойнаго отца Александра Васильевича Висковатова, извѣстнаго въ свое время любителя отечественной исторіи и военнаго писателя, ту самую рукопись, которую мы тщетно искали, и передалъ ее въ распоряженіе ред. «Русской Старины».

Рукопись «Замѣчаній» переписана новымъ почеркомъ настоящаго вѣка, на 100 полулистахъ, и такъ какъ подстрочныя примѣчанія въ ней тѣ же самыя, какія находятся въ «Отечественныхъ Запискахъ» П. И. Свиньина, то несомнѣнно, что эта именно рукопись служила для напечатанія помянутыхъ «Замѣчаній на Записки Манштейна».

Сличая, однако, рукопись съ печатнымъ текстомъ «Отечественныхъ Записокъ», мы, какъ и предугадывали, нашли весьма существенныя разности—пропуски, сокращенія и измѣненія рукописнаго текста въ печати. Для образца приводимъ на выдержку слѣдующую страницу:

По тексту «Отеч. Зап.»
(стр. 224—226 XXI ч. «Отеч. Зап.»).

«Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамату Екатерины I, обнародованную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ тогдашняго времени? Хотя Остерманъ, съ другими, сосланъ былъ въ заточеніе, но замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ поступила такъ противу него и другихъ, съ нимъ сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство. Милосердіе императрицы Елисаветы Петровны

По рукописи.

«Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамату Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?

«Однако, Елисавета, по восшествіи своемъ на престолъ, не токмо обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами сосланъ былъ въ

простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго Бирона: возвративъ его изъ Сибири, государыня сія пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто Бирон, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ».

заточеніе. Все преступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою строгостію и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала жалость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы въ 1730 году исключили ее отъ права наслѣдія.

«Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго, Бирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей, ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Бирон, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ; почему и оказала ему таковое благодѣяніе».

Довольно этого обращика, чтобы понять, что новое изданіе «Замѣчаній»— на напечатанныя нами Записки Манштейна положительно необходимо.

Для нѣкотораго удобства и въ виду того, что «Замѣчанія» главнымъ образомъ касаются лицъ и событій, имѣющихъ отношеніе къ русскому двору второй четверти прошлаго вѣка, либо къ лицамъ, его составлявшимъ и къ нему приближеннымъ, мы дали заглавіе издаваемой рукописи:

«Русскій Дворъ въ 1725—1744 гг.».

Кто авторъ «Замѣчаній» и когда они писаны?

На этотъ вопросъ весьма положительный и, кажется, отнынѣ совершенно безспорный отвѣтъ находится въ особомъ изслѣдованіи П. Н. Петрова, которое мы помѣщаемъ въ настоящемъ же, XXVI-мъ, томѣ «Русской Старины» изд. 1879 г., послѣ текста «Замѣчаній». Здѣсь же скажемъ, что «Замѣчанія» писаны во второй половинѣ прошлаго вѣка, не позже 1770-хъ годовъ, и пи-

саны не Ѳедоромъ Андреевичемъ Остерманомъ, не гр. Иваномъ Андреевичемъ Остерманомъ, какъ то думали прежде, и не Минихомъ, сыномъ фельдмаршала, какъ то думали мы—вслѣдъ за П. К. Щебальскимъ, напечатавшимъ по сему вопросу особую статью: «Кто написалъ «Замѣчанія на Записки Манштейна» («Чтенія въ Москов. обществѣ исторіи и древностей» 1859, книга III)—но написалъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Доказательства справедливости этого предположенія до того убѣдительны, что мы не обинуясь приписали «Замѣчанія» и въ заглавіи ихъ этому знаменитому военному вождю и достопамятному государственному дѣятелю царствованія императрицы Екатерины II. Ред.

С. Меррекюль, 1879 г.

О происхожденіи Екатерины Алексѣевны I.

[Зап. Маншт., изд. 1875 г., стр. 1].

Г. Манштейнъ, начиная Записки свои повѣствованіемъ происшествій, воспослѣдовавшихъ въ Россіи по кончинѣ императрицы Екатерины I, ничего не упоминаетъ о происхожденіи этой необыкновенной жены, почему почитаю достойнымъ любопытства читателя сообщить слѣдующее о семъ извѣстіе, какъ самое достовѣрное.

Кажется, что желавшіе прикрыть низкость породы Екатерины I, производя оную отъ лифляндскаго или польскаго дворянства, не размыслили достаточно о томъ, что таковымъ вымышленнымъ происхожденіемъ ни мало не усугубляется слава чрезвычайнаго возвышенія ея, ибо онымъ обязана она единственно прелестямъ красоты и ума своего.

Екатерина родилась въ Якобштадтѣ, небольшомъ городкѣ въ Курляндіи [1]), принадлежавшемъ въ прежнія времена одному командору Тевтоническаго ордена. Отецъ ея, бывшій учителемъ при школѣ въ Якобштадтѣ, имѣя многочисленное семейство, нуждался въ содержаніи его. Глюкъ, лютеранскій пасторъ въ Маріенбургѣ [2]), съ которымъ отецъ Екатерины находился въ дружескихъ связяхъ, изъявилъ желаніе взять къ себѣ одну изъ дочерей послѣдняго и пристроить ее; жребій палъ на Екатерину. Пасторъ принялъ дѣвицу сію въ домъ свой, имѣлъ попеченіе о

---

[1]) Зельбургскаго уѣзда.

[2]) Лифляндской губерніи

воспитаніи ея, и въ 1702 году помолвилъ ее за одного шведскаго унтеръ-офицера, служившаго въ квартировавшемъ въ Маріенбургѣ полку.

Чрезъ нѣсколько дней по сговорѣ Екатерины, россіяне приблизились къ Маріенбургу, осадили, покорили оной приступомъ и всѣхъ жителей плѣнили [1]). По существовавшему тогда обычаю, таковые плѣнные отсылались внутрь Россіи, какъ для умноженія народонаселенія, такъ и для распространенія ремеслъ и художествъ.

Русскіе вельможи, возымѣвъ отличное мнѣніе о дарованіяхъ лифляндокъ и шведокъ, старались помѣщать ихъ въ домоводки и наставницы къ дѣтямъ своимъ. По покореніи Маріенбурга, Екатерина досталася въ удѣлъ генералъ-поручику Бауру, но не надолго оставалась у него; князь Меншиковъ увидѣлъ ее, пожелалъ имѣть у себя и получилъ согласіе г. Баура. Вскорѣ послѣ сего, Петръ Великій, посѣтивъ любимца своего, нечаянно встрѣтился съ юною, прекрасною Екатериною; восхитясь прелестями ея, немедленно спросилъ, кто сія дѣвица? Кн. Меншиковъ, разсказавъ о состояніи Екатерины, превознесъ похвалами способности ума и кротость нрава ея. Императоръ, пылкій въ страстяхъ своихъ, тотчасъ рѣшился соединиться съ Екатериною. Съ сего дня раздѣляла она съ государемъ ложе, хотя чрезъ долгое время потомъ не была еще объявлена супругою [2]) императора: торжественное бракосочетаніе Петра съ Екатериною послѣдовало [3]) по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

О родственникахъ Екатерины I.

Екатерина имѣла брата и двухъ сестеръ, которые съ семействомъ своимъ, во время жизни Петра Великаго, будучи призваны въ Россію, жительствовали въ Петербургѣ, получая пристойное содержаніе. По восшествіи на престолъ Екатерины, появились при дворѣ россійскомъ дѣти родныхъ ея: рожденныя

---

[1]) По одержаніи фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ двухъ побѣдъ надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, въ окрестностяхъ Дерпта и при рѣкѣ Эмбахѣ, вскорѣ одна за другою послѣдовавшихъ, россіяне овладѣли Маріенбургскимъ замкомъ 25-го августа 1702 года.

[2]) Объявленіе послѣдовало передъ отправленіемъ въ прутскій походъ 1711 г.

[3]) 19-го февраля 1712 г. Примѣч. рукоп.

отъ брата—подъ именемъ графовъ и графинь Скавронскихъ; происшедшія отъ старшей сестры—подъ названіемъ графовъ Гендрыковыхъ, а отъ младшей—подъ именемъ графовъ Ефимовскихъ.

О семействѣ пастора Глюка.

Прежній благодѣтель Екатерины пасторъ Глюкъ также не остался въ забвеніи. Щедро одаренный, по прибытіи его въ Россію, былъ опредѣленъ начальникомъ вновь заведенной гимназіи. Сыновья его вступили въ гражданскую службу, а дочери помѣщены были ко двору; старшая изъ нихъ, бывшая въ супружествѣ за адмираломъ Виллбоа, была изъ первыхъ статсъ-дамъ по учрежденіи сего достоинства при россійскомъ дворѣ.

Поступокъ Петра II противъ бабки его.

[Зап. Маншт., стр. 2—3].

Сочинитель въ разсказѣ своемъ долженствовалъ бы, по всей справедливости, поступокъ Петра II противу бабки его приписать точно родственной любви, а не относить оный къ благодѣтельному обыкновенію россійскихъ монарховъ, которые, желая вступленіе свое на престолъ ознаменовать благотвореніями, освобождаютъ нѣкоторыхъ преступниковъ, содержимыхъ въ заключеніи. Младый императоръ, равномѣрно какъ и сестра его царевна Наталья Алексѣевна, во многихъ случаяхъ явили, что они имѣли душу столь же сострадательную, сколько и благотворительную.

О царицѣ Евдокіи изъ рода Лопухиныхъ.

О царицѣ Евдокіи достаточно упомянуть вкратцѣ. Совершенная противоположность и несходство въ нравахъ ея и Петра I подавали поводъ къ непрестанному несогласію между супругами. Царь, коего возвышенный умъ и сердце заняты были единственно великими преднамѣреніями къ благоденствію отечества, не обрѣтая успокоенія въ чертогахъ своихъ, напослѣдокъ поте-

рялъ терпѣніе и соскучилъ всегдашнимъ неудовольствіемъ, прекословіями и сопротивленіемъ непокорливой супруги. По возвращеніи своемъ, въ 1698 году, изъ чужихъ краевъ въ Москву, не желалъ онъ уже и видѣть Евдокію, и сослалъ ее въ Суздаль, гдѣ и пострижена была въ дѣвичьемъ монастырѣ [1]). По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, будучи замѣшана въ дѣлѣ сына своего царевича Алексѣя Петровича, Евдокія была перевезена въ Старую Ладогу и содержалась тамъ подъ строгимъ присмотромъ. Въ семъ заключеніи пробыла она до вступленія на престолъ внука своего и токмо уже по паденіи кн. Меншикова призвана была Петромъ II въ Москву, гдѣ жительствовала въ Кремлѣ, имѣя при себѣ небольшой статъ. Вскорѣ, соскучивъ дворскою жизнью, удалилась въ дѣвичій Вознесенскій монастырь, что въ Кремлѣ, въ которомъ, въ царствованіе императрицы Анны, скончалась и погребена [2]) въ 1731 г. Братъ ея Авраамъ Ѳеодоровичъ Лопухинъ содѣлался жертвою приверженности своей къ царевичу Алексѣю и былъ казненъ; оставивъ двухъ сыновей, изъ коихъ младшій, Василій Авраамовичъ, дослужась до званія генералъ-аншефа, съ честію палъ на полѣ сраженія въ гроссъ-егерсдорфской битвѣ съ прусскимъ фельдмаршаломъ Левильдомъ, послѣдовавшей въ 1757 году.

Извѣстіе о графѣ Бассевичѣ, находившемся голштинскимъ посланникомъ при россійскомъ дворѣ.

[Зап. Манштт., стр. 3—4].

Графъ Бассевичъ, происходившій отъ одной древней мекленбургской дворянской фамиліи, нѣкоторое время находился въ большой силѣ при россійскомъ дворѣ. Графъ сей одаренъ былъ проницательнымъ умомъ, плодовитымъ воображеніемъ и твердостью въ предпріятіяхъ, ничѣмъ непоколебимою. Расточительный, веселонравный графъ, будучи великій говорунъ, не умѣлъ иногда сохранить ввѣренную ему тайну.

---

[1]) Евдокія Ѳеодоровна изъ дому Лопухиныхъ, по постриженіи ея въ Суздалѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, наречена была въ инокѝняхъ Е л е н о ю.

[2]) Вознесенскій монастырь, въ Москвѣ, воздвигнутъ въ 1329 году иждивеніемъ Евдокіи Димитріевны, супруги славнаго Донскаго, а въ 1721 году перестроенъ и возобновленъ по повелѣнію Петра Великаго. Примѣч. рукоп.

Онъ служилъ уже при голштинскомъ дворѣ въ то время, когда знаменитый баронъ Герцъ объѣзжалъ дворы главныхъ европейскихъ державъ, убѣждая ихъ водворить спокойствіе на сѣверѣ и примирить Карла XII съ Петромъ Великимъ, дабы общія силы сихъ монарховъ обратить противу прочихъ непріятелей несчастнаго героя. Герцъ, испытавъ искусство графа Бассевича, отправилъ его въ Петербургъ для открытія мирныхъ переговоровъ и предложенія о бракѣ шлезвигъ-голштинскаго герцога Карла Фридриха со старшею дочерью императора. Хотя первыя покушенія Бассевича были неудачны, но Петръ получилъ доброе мнѣніе о способностяхъ министра, а князь Меншиковъ, которому, во время осады Тенингена и, потомъ, въ Померанiи, Бассевичъ оказалъ многія услуги, имѣлъ къ нему полную довѣренность. Посланникъ сей, имѣя разныя порученія отъ государя своего и отъ самого Петра Великаго, неоднократно ѣздилъ въ Вѣну, Берлинъ и Штокгольмъ, и, возвратясь въ Россію, склонилъ императора на предложенное бракосочетаніе. Обрученіе царевны Анны Петровны съ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ совершилось въ Петербургѣ [1]) и тогда голштинскій дворъ возымѣлъ большую надежду получить возмездіе за понесенныя потери, какъ внезапная кончина императора россійскаго, послѣдовавшая чрезъ нѣсколько недѣль по обрученіи [2]), вдругъ разрушила всѣ лестныя ожиданія герцога.

Происки графа Бассевича къ возведенію на россійскій престолъ Екатерины I.

И такъ, надлежало графу Бассевичу истощить всѣ способы ума своего, дабы споспѣшествовать возведенію на россійскій престолъ такой особы, которая столько же бы принимала участія въ судьбѣ голштинскаго герцога, сколько оказывалъ Петръ Великій. Знаменитый сей государь, свершивъ преславное поприще, находился при послѣднемъ издыханіи, не учинивъ никакого распоряженія о наслѣдствѣ. Во всякомъ монаршескомъ правленіи, гдѣ наслѣдіе преходитъ по первородству мужескаго поколѣнія, не пред-

---

[1]) 24-го ноября 1724 г.
[2]) 28-го января 1725 г.

стало-бъ ни малѣйшаго затрудненія; въ самой Россіи долженствовали вѣдать какъ слѣдуетъ поступить въ семъ случаѣ, ибо существовалъ внукъ Петра Великаго. Но, поелику монархъ сей издалъ узаконеніе [1]), по коему самодержцы Россійской имперіи имѣютъ власть наименовать наслѣдника по избранію и волѣ своей, то право юнаго Петра, не бывъ утверждено императоромъ, казалось сомнительнымъ. Во власти Петра I состояло назначить преемницею престола или супругу, или которую изъ дщерей своихъ. И такъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда не былъ опредѣленъ преемникъ державы, кому принадлежало право наслѣдія? Екатеринѣ-ли, какъ вѣнчанной главѣ, или малолѣтному внуку, единственному отраслю мужескаго поколѣнія Романова дома? Первое мнѣніе не подкрѣплялось никакимъ обнародованнымъ объявленіемъ, ниже какимъ-либо тайнымъ постановленіемъ. Второе основано было на правѣ самой породы, и не имѣли ни малѣйшаго доказательства, чтобы императоръ намѣревался устранить внука своего отъ наслѣдія престола. Слѣдовательно, право Петра II не подвергалось прекословію. Хотя бо́льшая часть вельможъ, собравшихся по кончинѣ Петра Великаго, мыслили согласно съ симъ заключеніемъ,—однако, происки одного предпріимчиваго человѣка, который умѣлъ извлечь пользу изъ страха другаго честолюбца, разрушили самый естественный порядокъ наслѣдія. Съ одной стороны, выгоды голштинскаго герцога, обрученнаго со старшею дщерію покойнаго императора, требовали, дабы въ случаѣ, если нельзя будетъ невѣстѣ занять престолъ, возвести на оный матерь ея; съ другой стороны, Меншиковъ, мало любимый, или, справедливѣе сказать, ненавидимый боярами, не иначе могъ удержать за собою власть, какъ доставивъ скипетръ Екатеринѣ, постоянной его покровительницѣ и которая сама была ему много обязана.

Не трудно было Бассевичу преклонить князя Меншикова на рѣшительный поступокъ, успѣхъ котораго долженствовалъ вѣнчать честолюбіе сего князя. По внушенію голштинскаго ми-

---

[1]) Подробное свѣдѣніе о семъ узаконеніи Петра Великаго любопытный можетъ видѣть въ книжкѣ подъ заглавіемъ: «Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей». Примѣч. рукоп.

нистра, князь Меншиковъ, въ самое мгновеніе кончины Петра Великаго, овладѣлъ императорскою казною, обольстилъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи, окружилъ дворецъ войскомъ и предъ лицомъ онаго провозгласилъ всероссійскою императрицею Екатерину.

Все совершилось по желанію: Екатерина безпрепятственно вступила на престолъ; князь Меншиковъ содѣлался могущественнымъ и первымъ вельможею; бракосочетаніе царевны Анны Петровны вскорѣ послѣдовало и графъ Бассевичъ получилъ богатые подарки и оба россійскіе ордена. А герцогъ голштинскій, подкрѣпляемый могущественнымъ союзомъ съ Россіею, возымѣлъ твердую надежду пріобрѣсти Шлезвигскую область.

Что при семъ случаѣ получилъ герцогъ Голштинскій.

Тогда европейскія державы раздѣлены были на два большіе союза, ганноверскій и вѣнскій. Бассевичъ преклонилъ Россію приступить къ послѣднему, а въ пользу герцога голштинскаго исходатайствовалъ, чтобы императоръ и король испанскій выдали сему герцогу, до возвращенія ему шлезвигскаго владѣнія, ежегодно по пятидесяти тысячъ рейхсталеровъ.

Нѣчто о завѣщаніи Екатерины I.

Достопримѣчательная духовная грамота императрицы Екатерины, обнародованная и помѣщенная во всѣхъ публичныхъ актахъ тогдашняго времени, равномѣрно есть твореніе Бассевича. Въ оной, между прочими, находились и слѣдующія двѣ статьи: чтобы впредь навсегда содержать въ Москвѣ и Петербургѣ дома для помѣщенія посланниковъ голштинскаго герцога, и чтобы, въ возмездіе ревности, съ каковою графъ Бассевичъ не переставалъ содѣйствовать о возвращеніи герцогу Голштинскому достоянія предковъ его, наградить графа Бассевича Гусумскимъ помѣстьемъ въ Шлезвигѣ, по обратномъ пріобрѣтеніи сего герцогства.

Царевна Анна Петровна съ супругомъ своимъ отправлены въ Киль.

[Зап. Маншт., стр. 4].

Въ продолженіе царствованія Екатерины графъ Бассевичъ постоянно пользовался полною довѣренностію князя Меншикова; но, по кончинѣ сей императрицы, Меншиковъ, желая одинъ господство-

вать подъ именемъ юнаго государя, старался удалить всѣхъ опасныхъ надзирателей за поступками своими. Герцогъ голштинскій и супруга его Анна Петровна вынуждены были оставить Россію въ іюлѣ мѣсяцѣ 1727 года; со всею свитою отправились они въ Киль. Тамъ нѣкоторое время жили они пышно на счетъ милліона рублей, полученнаго царевною въ приданое и исправно выданнаго Меншиковымъ при отпускѣ ихъ изъ Россіи; но послѣ, когда желали продолжать тотъ же великолѣпный образъ жизни, вошли въ долги. Герцогъ, по кончинѣ супруги своей [1]), обрѣталъ единственную надежду въ переговорахъ, открытыхъ въ половинѣ 1728 года на конгрессѣ въ Соассонѣ. Державы, коихъ распри и требованія долженствовали разрѣшиться на семъ конгрессѣ, изъявили согласіе принять на оный и посланника голштинскаго герцога. Въ семъ качествѣ прибылъ графъ Бассевичъ, получивъ отъ герцога на содержаніе свое пятьдесятъ тысячъ рейхсталеровъ, ежегодно производимыхъ сему принцу отъ вѣнскаго двора. Посланникъ жилъ пышно, давалъ пиры, но ничего не исходатайствовалъ. Кардиналъ Флери сказалъ однажды: «Не понимаю, какъ государь, жалующійся на скудное положеніе свое, можетъ производить каждый годъ 50 тысячъ рейхсталеровъ на прожитокъ своему министру».

О князѣ Меншиковѣ.

[Зап. Маншт., стр. 8—10].

Общее мнѣніе о происхожденіи князя Меншикова, что онъ сынъ придворнаго конюха [2]); что въ бѣдномъ своемъ состояніи, ходя по городу, продавалъ подовые пироги. Однажды Петръ Великій, во время обѣденнаго стола услышавъ забавные и веселые напѣвы Меншикова, велѣлъ позвать его во дворецъ. «Продай мнѣ горшокъ съ пирогами»,—сказалъ смѣючись императоръ. Меншиковъ, нимало не робѣя, отвѣчалъ: «Пироги охотно продаю вашему величе-

---

[1]) Анна Петровна скончалась въ Голштиніи въ 1728 году, послѣ родовъ сына Карла Фридриха Ульриха, бывшаго потомъ россійскимъ императоромъ подъ именемъ Петра III; тѣло сей государыни перевезено водою въ Петербургъ и погребено въ Петропавловскомъ соборѣ.

[2]) Въ тогдашнее время придворные конюхи по бо́льшей части были изъ бѣдныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. См. примѣчаніе 2-е Болтина на исторію Леклерка, томъ II, стр. 463. Примѣч. рукоп.

ству; но горшка безъ приказанія хозяйскаго продать не могу, а если вашему величеству угодно купить и оный, то прошу позволить мнѣ спросить объ ономъ у хозяина». Отвѣтъ сей, показавшій отмѣнное послушаніе мальчика, крайне понравился государю, помышлявшему *о введеніи въ войскѣ строжайшаго* чинопочитанія. Продолжая разговаривать съ Меншиковымъ, царь доволенъ былъ скорыми и остроумными его отзывами. Благородная и осанистая наружность Меншикова равномѣрно понравилась Петру. Государь тотъ же часъ записалъ его въ новозаведенную потѣшную роту, *учрежденную по образцу европейскихъ войскъ*, и поручилъ особенному надзору и попеченію извѣстнаго Лефорта. Вскорѣ потомъ опредѣлилъ сего молодаго мальчика деньщикомъ при особѣ своей, и отмѣнно доволенъ былъ необыкновенною дѣятельностью его. Милость и довѣренность монаршая къ сему любимцу счастія непрерывно возрастали. Меншиковъ скоро производился въ чины, достигъ всѣхъ почестей, содѣлался первымъ богачомъ и важнѣйшею особою въ Россіи. Главное достоинство Меншикова состояло въ точнѣйшемъ исполненіи велѣній государя. Никогда не дерзалъ онъ представлять возраженіе, обрѣтаясь въ школѣ величайшаго изъ царей, каковый токмо появлялся въ мірѣ. Сопутствуя ему въ войнѣ и въ путешествіяхъ, Меншиковъ, опытомъ, долговременною службою и упражненіемъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, удобно пріобрѣлъ многія свѣдѣнія. Но просвѣщеніе его было вовсе неважное. Словомъ, князь сей былъ необразованный баловень фортуны.

О преднамѣренномъ бракосочетаніи царевны Елисаветы Петровны съ маргграфомъ Бранденбургскимъ.

[Зап. Маншт., стр. 18].

Можетъ быть, что при Петрѣ II помышляли выдать царевну Елисавету Петровну за маргграфа бранденбургскаго Карла; но вскорѣ *по восшествіи на престомъ императрицы Анны Іоанновны* прусскій дворъ чрезвычайно домогался о бракосочетаніи сего принца съ мекленбургскою принцессою Анною, племянницею императрицы. Переговоры о семъ приближались къ концу и даже портретъ маргграфа Карла былъ повѣшенъ въ комнатѣ младой принцессы, *какъ внезапно новая политическая система с.-петер-*

бургскаго кабинета, учрежденная по заключеніи союза съ вѣнскимъ дворомъ, перервала дальнѣйшія покушенія Пруссіи. Императоръ Карлъ VI предложилъ въ супруги принцессѣ Аннѣ племянника своего Антона Ульриха, принца брауншвейгъ-вольфенбютельскаго, который и не замедлилъ отправиться въ Петербургъ.

О нѣкоторыхъ случаяхъ при кончинѣ Петра II.

[Зап. Манш., стр. 19—20].

О подлогѣ духовнаго завѣщанія Петра II представили доказательства. Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгоруковъ обвиненъ былъ и признался въ сочиненіи онаго на-черно; за сіе князь Сергѣй Долгоруковъ лишенъ всѣхъ достоинствъ и колесованъ въ Новѣгородѣ 26-го октября 1739 года. Г. Манштейнъ заблуждается, разсказывая, будто князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ [1]), въ самое мгновеніе кончины Петра II, вышедши съ обнаженною шпагою изъ комнаты, гдѣ скончался государь, провозгласилъ императрицею обрученную сестру свою княжну Екатерину Алексѣевну [2]). Сего не было и на таковой дерзновенный поступокъ не могъ рѣшиться князь Долгоруковъ, не вѣдая еще о преднамѣреніяхъ верховнаго совѣта, собравшагося для сужденія и рѣшенія о наслѣдіи трона. Все же, что потомъ сочинитель говоритъ о избраніи герцогини курляндской, о причинахъ, побудившихъ предпочесть ее другимъ особамъ царскаго дома, и о условіяхъ, на коихъ желали вручить ей державу,—согласно съ истиною.

---

[1]) Князь Иванъ Алексѣевичъ, сынъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и члена тайнаго верховнаго совѣта, наперсникъ императора Петра II, при кончинѣ сего государя едва вступилъ на 19-й годъ; не смотря на таковую молодость, блистательныя связи, обрученіе сестры его съ монархомъ—доставили ему важнѣйшія почести: онъ былъ оберъ-камергеромъ, гвардіи Преображенскаго полка маіоромъ, кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Сей князь съ другими несчастными Долгоруковыми, при Аннѣ Іоанновнѣ, лишенъ былъ всѣхъ почестей и колесованъ въ Новѣгородѣ.

[2]) Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукова, дочь дѣйств. тайн. сов. князя Алексѣя Григорьевича, вторая невѣста Петра II, получила орденъ св. Екатерины въ день обрученія, въ 1730 году; по восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, лишена была ордена и сослана, вмѣстѣ съ родителемъ своимъ, въ ссылку, откуда при Елисаветѣ возвращена и вступила въ супружество съ генераломъ графомъ Александромъ Брюсомъ. Примѣч. рукоп.

О графѣ Остерманѣ.

[Зап. Маншт., стр. 21].

Можетъ быть, что графъ Остерманъ, старый и подверженный болѣзнямъ человѣкъ, находясь неотлучно, по званію оберъ-гофмейстера, при воспитаніи при умирающемъ отъ оспы Петрѣ II, дѣйствительно изнурился и занемогъ. Можетъ статься, что, подъ предлогомъ болѣзни, желалъ онъ и уклониться отъ присутствія въ совѣтѣ при крайне затруднительномъ разсужденіи о наслѣдіи. Не разрѣшая сего, замѣтимъ, что если бы графъ Остерманъ явился въ верховный совѣтъ и пожелалъ бы защищать духовное завѣщаніе императрицы Екатерины I-й, то не оказалъ бы важной услуги дочери ея. Завѣщаніе сіе, за два года предъ тѣмъ обнародованное, у всѣхъ находилось въ свѣжей памяти. Долгоруковы и Голицыны хорошо вѣдали о существованіи и о содержаніи онаго; но они никакъ не хотѣли видѣть на престолѣ дщерь Петра I, и рѣшительно объявили, что, по извѣстнымъ имъ причинамъ, царевна Елисавета долженствуетъ быть устранена отъ престола. Нельзя опровергать мнѣнія г. Манштейна, что, можетъ быть, если бы Елисавета Петровна предстала предъ народъ, то оный и войско, принявъ участіе въ судьбѣ сей царевны, вручили-бъ ей державу, но извѣстно, что болѣзнь, отъ которой тогда не совсѣмъ еще она оправилась, не допустила ея прибѣгнуть къ сему средству.

Впрочемъ, оставляемъ на судъ безпристрастнаго читателя рѣшить: можно ли было въ семъ случаѣ обвинять графа Остермана въ оскорбленіи величества, и объявить, что онъ утаилъ завѣщательную грамату Екатерины I, обнародованную во всей Россіи и напечатанную во всѣхъ публичныхъ вѣдомостяхъ того времени?

Однако Елисавета, по восшествіи своемъ на престолъ, не токмо обвинила графа Остермана, министра рѣдкихъ достоинствъ, оказавшаго Россіи важныя заслуги, но едва уже на самомъ лобномъ мѣстѣ остановила занесенную надъ главою его руку палача. Остерманъ, съ другими первѣйшими государственными мужами, сосланъ былъ въ заточеніе. Все преступленіе ихъ состояло въ томъ, что, сохраняя вѣрность присягѣ, учиненной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, признали они, согласно съ волею и опредѣленіемъ

ея, наслѣдникомъ всероссійскаго престола Іоанна Антоновича, коего, по силѣ узаконенія Петра Великаго, Анна Іоанновна имѣла полную свободу, право и власть назначить. Замѣтить надлежитъ, что та же самая государыня, которая съ толикою строгостью и неправосудіемъ поступила противу Остермана и другихъ съ нимъ сосланныхъ, оказала милость и снисхожденіе Долгоруковымъ, возвративъ ихъ изъ заточенія и возведя въ прежнее достоинство, хотя именно Долгоруковы, въ 1730 году, исключили ее отъ права наслѣдія. Благоволеніе ея простерлось и на бывшаго герцога курляндскаго Бирона: возвративъ его изъ Сибири, императрица пожаловала ему на содержаніе по шести тысячъ рублей ежегодно, и опредѣлила для жительства его домъ въ Ярославлѣ. Кажется, Елисавета думала, будто бы Бironъ, поссорясь во время регентства съ принцемъ Брауншвейгскимъ, помышлялъ о возведеніи ея на престолъ, почему и оказала ему таковое благодѣяніе.

Объ отправленіи Сумарокова гр. Ягужинскимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ съ извѣщеніемъ о замыслахъ верховнаго совѣта.

[Зап. Маншт., стр. 22].

Не чрезъ г. Сумарокова, отправленнаго графомъ Ягужинскимъ, Анна Іоанновна получила первое извѣстіе о избраніи ея на россійскій престолъ и объ условіяхъ, на коихъ верховный совѣтъ предполагалъ вручить ей скипетръ правленія. Графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, находившійся тогда камергеромъ при россійскомъ дворѣ, отправилъ тайнымъ образомъ нарочнаго къ старшему брату своему Рейнгольду, жившему въ Лифляндіи. Посланный, переодѣтый въ крестьянское платье, вышелъ пѣшкомъ за заставу города, сѣлъ въ приготовленныя въ нѣкоторомъ разстояніи сани, употребилъ возможную поспѣшность и удачно прибылъ въ Лифляндію съ письмомъ гр. Карла Левенвольда. Графъ Рейнгольдъ тотчасъ поскакалъ въ Митаву и первый подробно донесъ Аннѣ Іоанновнѣ о распоряженіяхъ московскаго верховнаго совѣта. Таковый опытъ приверженности графовъ Левенвольдовъ пріобрѣлъ полную довѣренность императрицы Анны, которая вскорѣ взвела ихъ на первыя степени въ государствѣ [1]).

[1]) Графъ Рейнгольдъ Левенвольдъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ св. Андрея и св. Александра. Въ 1742 году, по восшествіи на престолъ

О стараніи Анны Іоанновны пріобрѣсти на свою сторону приверженцевъ.

[Зап. Маншт., стр. 23].

Анна Іоанновна не имѣла ни малѣйшей надобности ссорить членовъ верховнаго совѣта, ниже обольщать подарками гвардію. По прибытіи въ Москву, она нашла множество къ особѣ ея сердецъ. Россійское дворянство, пріобыкшее въ теченіи многихъ столѣтій повиноваться самодержавной власти, дышущее неимовѣрною любовію къ монархамъ своимъ, съ сокрушеніемъ взирало на деспотическую аристократію, сосредоточествовавшуюся въ двухъ фамиліяхъ, которыя, по всѣмъ вѣроподобіямъ, всѣ почести и милости изливали бы единственно на однихъ своихъ приверженниковъ. Дѣйствительно, какое другое правленіе можетъ быть прочнѣе, полезнѣе, славнѣе для государства, а особенно для столь обширнаго, какова Россія, какъ самодержавное? Мудрый, человѣколюбивый, слѣдственно, и попечительный о благѣ подданныхъ своихъ, самодержецъ всѣ вѣтви народоправленія объемлетъ недремлющимъ взоромъ, всемогущественною дланію приводитъ въ безостановочное движеніе. И такъ, многіе дворяне, военные и гражданскіе чиновники, одушевленные любовію къ престолу, не хотѣли долѣе видѣть ограниченною власть государыни, прибѣгнули къ князьямъ Ивану Юрьевичу Трубецкому и Алексѣю Михайловичу Черкаскому, просили сихъ бояръ быть ихъ путеводителями и отъ имени всѣхъ ихъ поднести императрицѣ прошеніе, дабы она благоволила самодержавно царствовать, по подобію предшественниковъ своихъ. Упомянутые князья склонились на предложеніе. Оставалось токмо узнать образъ мыслей императрицы, за поступками коея тщательно присматривали князья Долгоруковы. Тайну сію ввѣрили госпожѣ Салтыковой, родной сестрѣ жены князя Черкаскаго, а князя Трубецкаго—племянницѣ. Г-жа Салтыкова, имѣвшая свободный

Елисаветы Петровны, съ другими знаменитыми вельможами, учинился несчастною жертвою неправосудія, и былъ сосланъ въ заточеніе въ Соликамскъ, гдѣ и умеръ въ 1758 году. Графъ Карлъ, умершій въ 1735 году, былъ оберъ-шталмейстеромъ, генералъ-поручикомъ, генералъ-адъютантомъ и гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ; имѣлъ орденъ св. Андрея. Прим. рукоп.

доступъ ко двору, немедленно извѣстила Анну Іоанновну о замышляемомъ въ пользу ея предпріятіи и легко получила соизволеніе государыни. Въ назначенный день императрица, восшедъ на тронъ, допустила предъ себя просителей и повелѣла позвать всѣхъ членовъ верховнаго совѣта. Въ присутствіи ихъ принявъ прошеніе, указала громогласно прочесть оное; потомъ, спросивъ перо, своеручно написала на прошеніи: Быть по сему, и, потребовавъ актъ, на который вынужденно согласилася она въ Митавѣ, изорвала его въ лоскутки. Вотъ все, что происходило при возстановленіи самодержавства въ Россіи; но рѣчей, ниже вопросовъ и отвѣтовъ, о коихъ упоминаетъ г. Манштейнъ, вовсе не было. Графъ Матвѣевъ не могъ произносить приписуемой ему рѣчи, ибо онъ умеръ до вступленія на престолъ Анны Іоанновны.

Тотчасъ по воспріятіи правъ предковъ своихъ, императрица пожаловала генерала Семена Андреевича Салтыкова генералъ-адъютантомъ и подполковникомъ л.-гв. Преображенскаго полка, а князю Василію Лукичу Долгорукову—котораго подъ предлогомъ начальства гвардіею, но въ самомъ дѣлѣ для надзора за поступками государыни, верховный совѣтъ помѣстилъ во дворцѣ,—повелѣла удалиться изъ онаго. Императрица могла совершенно полагаться на вѣрность умнаго и благородно мыслившаго Салтыкова: вельможа сей происходилъ отъ младшей линіи того самаго дома, отъ котораго рождена была матерь государыни царица Прасковья Ѳеодоровна. Потомъ Анна Іоанновна повелѣла собрать гвардію и приняла отъ нея новую присягу и для сего жъ посланы были нарочные во всѣ губерніи. Не замедлила также отправить гонца въ Курляндію съ повелѣніемъ Бирону въ самоскорѣйшемъ времени прибыть въ Москву. При подписаніи договора въ Митавѣ истребовано было, чтобы Бирон, какъ опасный для государства человѣкъ, отнюдь не въѣзжалъ въ Россію.

О фельдмаршалѣ князѣ Долгоруковѣ.

[Зап. Манш., стр. 27—28].

Напрасно г. Манштейнъ обвиняетъ принца Гессенъ-Гомбургскаго въ доносѣ на фельдмаршала князя Долгорукова [1]). Князь

[1]) Князь Василій Владиміровичъ при Петрѣ Великомъ былъ генералъ-поручикомъ и получилъ отъ сего монарха орденъ св. Андрея; при Екатеринѣ I пожалованъ въ полные генералы; при Петрѣ II возведенъ въ фельдмаршалы;

сей единственно за невоздержности языка своего дважды сосланъ былъ въ заточеніе: первый разъ за площадную пословицу, употребленную имъ въ разговорѣ съ царевичемъ, несчастнымъ сыномъ Петра I; другой разъ за оскорбительныя слова, произнесенныя на счетъ императрицы Анны. По возвращеніи изъ ссылки въ царствованіе Елисаветы Петровны, князь Долгоруковъ былъ пожалованъ президентомъ государственной военной коллегіи. Грубыми поступками и непристойными шутками лишилъ онъ Россію многихъ превосходныхъ иностранныхъ офицеровъ, и, между прочими, двухъ генераловъ, которые впослѣдствіи, предъ лицомъ всей Европы, ознаменовали отличныя и самыя блистательныя дарованія свои въ военномъ ремеслѣ: я говорю о Левендалѣ и Кейтѣ.

О перемѣнѣ Бирономъ настоящей своей фамиліи.

[Зап. Маншт., стр. 31].

Справедливо, что наперсникъ Анны Іоанновны перемѣнилъ настоящую свою фамилію Биренъ на Бирона; но ложно, что онъ принялъ гербъ сего дома французскихъ герцоговъ. Гербъ, пожалованный Бирону при возведеніи его императоромъ Карломъ VI въ графское достоинство, совсѣмъ различествовалъ отъ перваго. Впрочемъ, герцогъ Курляндскій, желая выводить происхожденіе свое отъ французскихъ Бироновъ, имѣлъ по сему предмету переписку со старшимъ герцогомъ сей фамиліи, который отвѣчалъ: «Мнѣ вовсе неизвѣстно, чтобы кто нибудь изъ фамиліи нашей переселился въ другія государства; но если одинъ изъ владѣтельныхъ европейскихъ государей почитаетъ себя происшедшимъ отъ французскаго дворянства, то симъ дѣлаетъ онъ честь народу французскому».

Продолженіе о Биронѣ.

[Зап. Маншт., стр. 31—32].

Биронъ былъ уменъ, и хотя онъ никакого языка не зналъ порядочно, но отъ природы одаренъ былъ краснорѣчіемъ. Кто сказалъ г. Манштейну, будто бы Биронъ не имѣлъ разсудка здраваго, тотъ худо зналъ сего герцога. Единственно исхитивъ титулъ регента, сей любимецъ счастія мгновенно потерялъ его.

находился членомъ тайнаго кабинета и л.-гв. Семеновскаго полка подполковникомъ, и получилъ иностранные ордены Бѣлаго Орла и Слона; въ 1730 году лишенъ всѣхъ чиновъ и знаковъ отличій и сосланъ былъ въ заточеніе; при Елисаветѣ возвращенъ изъ ссылки, получилъ прежнія почести и, сверхъ, орденъ св. Александра; будучи президентомъ военной коллегіи, умеръ въ 1746 году.
Примѣч. рукоп.

О португальскомъ принцѣ донѣ Эмануэлѣ.

[Зап. Манщт., стр. 35].

Весьма естественно, что Бирономъ не согласился и не одобрилъ намѣренія графа Вратислава, вѣнскаго министра, предлагавшаго о бракосочетаніи императрицы Анны Іоанновны съ португальскимъ принцемъ домомъ Эмануэлемъ. Принцъ сей пріѣзжалъ въ Москву; не взирая на любезность его, нимало не понравился; будучи принятъ весьма вѣжливо и получа богатые подарки, безъ всякаго успѣха возвратился онъ въ Вѣну. Но несправедливо заключеніе г. Манштейна: «къ счастію, что въ то время вѣнскій дворъ не имѣлъ надобности въ помощи Россіи»; ибо именно въ то время помышляли уже исходатайствовать отъ Россіи ручательство по прагматическому уложенію Карла VI, а щедрые подарки и почести отличныя, оказанныя симъ монархомъ Бирону, достаточно убѣждаютъ, что вѣнскій кабинетъ тщательно домогался о снисканіи дружества Россіи. Впрочемъ, вѣнскій ли дворъ намѣревался сочетать дона Эмануэля, или токмо самъ принцъ сей помышлялъ объ ономъ, но достовѣрно, что императоръ, желая сблизиться съ Россіею, не замедлилъ предложить о супружествѣ племянника своего съ принцессою Анною Карловною.

Объ адмиралѣ Сиверсѣ.

[Зап. Манщт., стр. 38].

Г. Манштейнъ несправедливо почитаетъ графа Миниха виновникомъ наказанія, претерпѣннаго адмираломъ Сиверсомъ и г. Финкомъ. Петръ II, отправясь въ Москву, ввѣрилъ главное начальство въ С.-Петербургѣ Миниху; императрица Анна, по вступленіи своемъ на престолъ, подтвердивъ его въ семъ званіи, препоручила ему тщательно наблюдать за поступками недовольныхъ. Когда графъ Минихъ приводилъ къ присягѣ на вѣрность службы новой императрицѣ войско и гражданъ Петербурга, г. Сиверсъ оказалъ нѣкоторыя затрудненія и медлилъ привести къ присягѣ подчиненныхъ ему морскихъ служителей. Въ то же время гг. Сиверсъ и Финкъ весьма неосторожно разсуждали о сдѣланномъ

неправосудіи въ исключеніи отъ наслѣдія престола царевны Елисаветы. Священный долгъ вѣрности повелѣвалъ Миниху довести сіе до свѣдѣнія двора. Слѣдующій случай еще болѣе показываетъ безразсудность г. адмирала. Графъ Минихъ, по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны, давалъ празднество, на которое приглашенъ былъ и г. Сиверсъ; за столомъ графъ, подавая бокалъ шампанскаго, предложилъ Сиверсу выпить за здравіе новой императрицы. Послѣдній отказался, сказавъ:

— «Тогда выпью, когда получу изъ Москвы достовѣрнѣйшія извѣстія». *Отъ самого графа Миниха слышалъ я о семъ.*

О китайскомъ посольствѣ.

[Зап. Манш., стр. 41].

Китайское посольство, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ, не есть первое къ россійскому двору. Присланное въ предшествовавшемъ году, таковое же прибыло въ Москву съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и съ испрошеніемъ свободнаго пропуска чрезъ Сибирскія губерніи для посольства, назначеннаго отъ китайскаго императора къ калмыцкому хану. Посольство сіе при россійскомъ дворѣ было принято милостиво, успѣло въ переговорахъ и возвратилось въ Китай съ особеннымъ удовольствіемъ. На слѣдующій годъ, т. е. въ 1732 году, прибыло въ С.-Петербургъ вторичное, упоминаемое г. Манштейномъ. Оно состояло изъ трехъ пословъ; главный изъ нихъ въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ, что китайскій императоръ повелѣлъ имъ принести россійской императрицѣ благодарность за благосклонное принятіе перваго посольства, засвидѣтельствовать о чувствахъ дружества повелителя ихъ и поднести ея величеству подарки.

Императрица, сидящая на тронѣ, окруженная пышнымъ дворомъ, приняла китайское посольство. Послы, вошедши въ тронную, немедленно стали на колѣна, и во все продолженіе аудіенціи находясь въ семъ раболѣпномъ положеніи, каждый разъ, при произношеніи имени ея величества, падали ницъ. Свита посольская, *при отверстыхъ дверяхъ изъ тронной, пребывала въ*

другой комнатѣ, такъ же на колѣнахъ стоя и падая ницъ вмѣстѣ съ послами своими.

Подарки состояли въ фарфорѣ, статуйкахъ, украшенныхъ кораллomъ и жемчужною маткою, въ шелковыхъ тканьяхъ, разрисованныхъ и позлащенныхъ обояхъ, въ небольшихъ лакированныхъ бумажныхъ приборахъ и въ превосходномъ чаѣ.

Несправедливо говоритъ г. Манштейнъ, что въ Петербургѣ недовольны были поведеніемъ сего китайскаго посольства. Напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные. Даже съ услугою своею, никогда не слыхано о дурныхъ поступкахъ сего посольства.

О размолвкѣ графа Миниха съ Бирономъ.

[Зап. Маншт., стр. 44—45].

Довѣренность, коею пользовался графъ Минихъ, поколебалася прежде путешествія императрицы Анны Іоанновны по Ладожскому каналу. Причины сему были слѣдующія. Въ Россіи весьма обыкновенно, что человѣка, пользующагося благоволеніемъ двора, если онъ успѣшно отправляетъ службу свою, почитаютъ способнымъ ко всѣмъ дѣламъ и возлагаютъ на него премножество разнообразныхъ должностей. Графъ Минихъ, честолюбивый, ревностный, дѣятельный, неутомимый, не отрекался ни отъ какого порученія. Въ одно и то же время былъ онъ фельдмаршаломъ надъ войскомъ, членомъ тайнаго кабинета, президентомъ военной коллегіи, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-директоромъ надъ фортификаціями, главнымъ директоромъ Ладожскаго канала и генералъ-полиціймейстеромъ. Занимая такое множество важнѣйшихъ обязанностей, можно ли отправлять ихъ успѣшно? можно ли угодить всему обществу?—Особенно преобразованіе, учиненное имъ въ гвардіи, навлекло на него негодованіе знатныхъ. Графъ Минихъ уничтожилъ въ гвардейскихъ полкахъ званіе капитанъ-поручика, не существовавшее въ царствованіе Петра Великаго, и всѣхъ капитанъ-поручиковъ перевелъ въ армію, старшихъ—подполковниками, а младшихъ—маіорами. Сіе

крайне не понравилось симъ господамъ, большею частію знатной породы; до того времени спокойно выжидали они въ гвардіи капитанскаго чина, и потомъ уже съ чиномъ полковника, а иногда и бригадира, переходили въ армію.

Младшій графъ Левенвольдъ былъ начальникомъ и основателемъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, именно Измайловскаго. Преобразованіе произведено во время отсутствія и, кажется, противу желанія его. Оскорбленный Левенвольдъ, находившійся при дворѣ въ большой силѣ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, старался мстить Миниху, и разными происками вредилъ ему. Съ другой стороны, жалобы, принесенныя на строгость, можетъ быть, справедливую, по должности генералъ-полиціймейстера, произвели надъ императрицею непріятное для Миниха впечатлѣніе. Представленіе же о слѣдующемъ предложеніи французскаго двора поссорило его съ Бирономъ.

Разстроенное здоровье Августа II, короля польскаго, предвѣщало скорую кончину сего государя. Станиславъ Лещинскій, вѣнчанный Карломъ XII, низверженный съ престола Петромъ I, и изгнанный изъ отечества непостоянствомъ польскаго народа, влачилъ съ собою пустозвучный титулъ короля изъ одного убѣжища въ другое. Наконецъ, среди жесточайшихъ бѣдствій сего государя, фортуна совсѣмъ неожиданно посадила на французскій тронъ дщерь его. Тогда версальскій кабинетъ возжелалъ возвратить родителю супруги Людвига XV утраченную корону. Вслѣдствіе чего, кардиналъ Флери поручилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, находившемуся при россійскомъ дворѣ, развѣдать мысли о семъ предметѣ с.-петербургскаго кабинета и сдѣлать оному внушенія, что, въ случаѣ согласія его на возстановленіе Лещинскаго, версальскій дворъ обязывается преклонить турковъ возвратить Россіи Азовъ и отказаться отъ нѣкоторыхъ статей прутскаго договора. Повѣренный первоначально отнесся къ графу Остерману, но, не получивъ успѣха, обратился къ фельдмаршалу. Отъ него онъ былъ принятъ лучше; Минихъ нашелъ предложеніе французскаго двора достойнымъ уваженія; представивъ объ ономъ императрицѣ, Минихъ весьма не кстати желалъ убѣдить Бирона о выгодахъ предложенія версальскаго министерства. Незадолго предъ тѣмъ безъ вѣдома фельдмаршала и скрытно отъ него заключили новыя обязательства съ вѣнскимъ

дворомъ. Императоръ никакъ не соглашался видѣть тестя французскаго короля, а Бирономъ, помышляя уже сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ, желалъ непремѣнно доставить польскую корону такой особѣ, отъ которой могъ онъ ожидать безпрекословнаго утвержденія въ семъ достоинствѣ.

Однако, до возвращенія графа Левенвольда, вещи оставались въ прежнемъ положеніи. Левенвольдъ прибылъ изъ Германіи, гдѣ онъ заключилъ новый союзъ съ вѣнскимъ дворомъ, избравъ въ женихи принцессѣ Аннѣ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго принца, не замедлилъ представить сильныя возраженія противу предложеній французскаго министерства; доказывалъ неосновательность оныхъ, осуждалъ въ семъ случаѣ поступокъ фельдмаршала, и убѣждалъ Бирона, дабы Миниха, какъ человѣка всею душою преданнаго французамъ, устранить отъ министерства.

Подъ предлогомъ помѣщенія принцессы Анны, графу Миниху (велѣно) очистить комнаты, занимаемыя имъ въ казенномъ домѣ, имѣвшемъ непосредственное сообщеніе съ дворцомъ. Въ то же время императрица подарила фельдмаршалу домъ, купленный у графа Остермана; впрочемъ, въ семъ случаѣ не требовали излишней поспѣшности, предоставляя Миниху свободу исподоволь перебираться въ новой домъ. Надлежитъ замѣтить, что послѣ этого происшествія фельдмаршалъ добровольно, не имѣя никакого особеннаго повелѣнія, пересталъ ѣздить въ собраніе кабинета.

Отправленіе графа Миниха въ Польшу.

[Зап. Маншт., стр. 52].

Трудно согласиться съ г. Манштейномъ, чтобы графу Миниху ввѣрена была Россійская армія, въ Польшѣ находившаяся, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы, удаливъ его отъ двора, погубить въ случаѣ неудачнаго дѣйствія противу Данцига. Хотя справедливо, что въ сіе время охладѣло дружество могущественнаго наперсника къ фельдмаршалу, но онъ не переставалъ уважать дарованія сего полководца. Предлежало предпріятіе, успѣхъ коего долженствовалъ рѣшить судьбу двухъ соперниковъ, состязавшихся о польскомъ престолѣ. Находили, что генералъ Ласси медленно производилъ военныя дѣйствія, а потому почли необходимымъ назначить въ Польшу предпріимчивѣйшаго и

дѣятельнѣйшаго предводителя. Графъ Минихъ отправился изъ Петербурга на́-скоро, ночью и весьма тайно, поспѣшно ѣхалъ, и по прибытіи въ Польшу немедленно принялъ начальство надъ войсками.

Ожиданіе петербургскаго двора оправдалось: несчастный Гданскъ убѣдился въ важной истинѣ, что малосильнымъ владѣніямъ не слѣдуетъ мѣшаться въ распри великихъ державъ. Свѣтъ видѣлъ съ коликимъ успѣхомъ россіяне дѣйствовали въ сей войнѣ. При каждой встрѣчѣ поражали они поляковъ, которые никогда не дерзали противостать десяти русскимъ. Таково превосходство ума и благоустройства надъ безпорядочнымъ многолюдствомъ.

Объ осадѣ Гданска.

[Зап. Маншт., стр. 55].

Главныя силы, предназначенныя къ осадѣ Гданска, находились еще въ окрестностяхъ Варшавы. Фельдмаршалъ, ослабленный потерею при неудачномъ нападеніи на Гагельбергское укрѣпленіе, предписалъ г. Люберасу, начальствовавшему упомянутыми войсками, немедленно выступить къ Гданску. Генералъ сей ослушался, угождая волѣ графа Левенвольда младшаго, бывшаго тогда въ Варшавѣ россійскимъ посломъ и помышлявшаго болѣе о личной своей безопасности въ такомъ городѣ, который окруженъ былъ войсками, сторону Лещинскаго державшими. Фельдмаршалъ далъ вторичное повелѣніе старшему по Люберасѣ генералу тотчасъ выступить къ Гданску, а Любераса, уповавшаго на покровительство могущественнаго Левенвольда, приказалъ за оказанное ослушаніе арестовать. Похвальная строгость, которую надлежитъ всегда употреблять противу тѣхъ, кои, въ безсмыслiи своемъ, возлагаютъ надежду на побочныя опоры, не дорожатъ пользами отечества и не повинуются повелѣніямъ начальства.

Прибытіе французской флотиліи на помощь къ Гданску.

[Зап. Маншт., стр. 57].

Флотилія французская, прибывшая на помощь къ городу Гданску, состояла токмо изъ трехъ военныхъ кораблей и нѣсколькихъ перевозныхъ судовъ. На сей эскадрѣ находились три

пѣхотныхъ баталіона десантнаго войска. Слабымъ этимъ отрядомъ расчетливый Флери думалъ споспѣшествовать возведенію Лещинскаго на престолъ польскій. Начальствовавшій эскадрою г. Бараль, высадивъ сухопутныя войска, успѣлъ благовременно отплыть, и такимъ образомъ избѣжалъ опасности быть обхваченнымъ россійскимъ флотомъ, прибывшимъ уже къ Пиллау. При семъ случаѣ удалось ему захватить одинъ русскій фрегатъ, много удалившійся отъ своей дивизіи. Капитанъ Фремери, начальствовавшій фрегатомъ, при встрѣчѣ онаго съ французскою эскадрою, былъ приглашенъ г. Баралемъ на корабль; не зная ничего о разрывѣ съ Франціею, Фремери согласился на приглашеніе, и едва вступилъ на корабль, какъ фрегатъ русскій былъ окруженъ всею французскою эскадрою съ угрозою потопить его. Силы были слишкомъ не соразмѣрны, не оставалось—какъ сдаться.

Объ отправленіи французскихъ военно-плѣнныхъ.

[Зап. Манштт., стр. 59].

Французы удержаны были въ Россіи до возвращенія захваченнаго Баралемъ фрегата; они содержались между Нарвою и Петербургомъ. Оттуда, когда версальскій дворъ возвратилъ упомянутый фрегатъ, отправили ихъ во Францію. Императрица, любопытствуя видѣть отличнѣйшихъ изъ плѣнныхъ офицеровъ, призвала въ Петербургъ бригадира Деламотта и полковниковъ Бельфона и Люцерна. Офицеры сіи были представлены государынѣ, милостиво ею приняты, и приглашались ко двору. Поелику французскіе плѣнные отправлялись поздно осенью, то императрица велѣла каждаго рядоваго снабдить овчиннымъ тулупомъ. Хотя, по монаршей милости, предохранены они были отъ стужи, но не менѣе того много потерпѣли отъ бурей, и едва половина сихъ плѣнныхъ возвратились въ отечество свое.

Почему мало пользы пріобрѣтено отъ турецкой войны.

[Зап. Манштт., стр. 64 и слѣд.].

Россія не извлекла пользы отъ турецкой войны, веденной при императрицѣ Аннѣ, потому что вѣнскій дворъ, встревоженный несчастіемъ оружія своего, поторопился заключить миръ съ Портою. Въ началѣ война сія предвѣщала конечное изгнаніе отто-

мановъ изъ Европы. Но фортуна обыкновенно прилѣпляется къ уму и искусству. Австрійцы плохо располагали дѣйствіями своими, а потому много утратили изъ прежней воинской своей славы. Предавшись страху, лишились они Бѣлграда, надежнѣйшаго оплота, ограждающаго предѣлы ихъ. Турки въ сей войнѣ вели себя благоразумно, по приличію противопоставляли они непріятелю мужественный отпоръ, или медленіемъ и уклоненіемъ отъ битвъ утомляли и разстраивали его. Россіяне похвально торжествовали надъ турками, покорили много крѣпостей и областей непріятельскихъ, покрыли оружіе свое славою. Истративъ на сію брань знатныя иждивенія, потерявъ множество народа, наконецъ россіяне были оставлены робкимъ союзникомъ, и единственно по сей причинѣ, не пріобрѣтя существенныхъ выгодъ отъ кровопролитной войны, долженствовали приступить къ миру.

О графѣ Ласси.

[Зап. Маншт., стр. 97—98].

Графы Минихъ и Ласси никогда не были въ явной ссорѣ. Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возрождающуюся славу россійскаго оружія при Петрѣ Великомъ, никогда невмѣшивавшійся въ дѣла государственныя, посѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человѣкъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ. Хотя всегда по службѣ и въ чинѣ генерала-аншефа былъ онъ старѣе Миниха, но терпѣливо перенесъ пожалованіе послѣдняго въ фельдмаршалы, и безъ малѣйшаго затрудненія служилъ подъ начальствомъ его при осадѣ Гданска. Къ чести Лассія упомяну, что и великій Евгеній уважалъ его. Ласси пожалованъ фельдмаршаломъ въ 1736 г., а въ 1739—графомъ Россійской имперіи; имѣлъ ордена св. Андрея и св. Александра; умеръ въ Ригѣ, гдѣ былъ генералъ-губернаторомъ, въ 1751 году.

Разсужденіе о кампаніи Россіянъ 1736 года.

[Зап. Маншт., стр. 96—100].

Бытописаніе всѣхъ временъ доказываетъ, что наилучшимъ образомъ предначертанныя и обдуманныя предпріятія главноначальствующаго не получаютъ часто успѣха, по нерадѣнію, оплош-

ности, безмыслію, а иногда по злонамѣреннымъ видамъ исполнителей и другихъ лицъ, долженствующихъ споспѣшествовать при произведеніи оныхъ. Г. Манштейнъ, выдающій себя за ревностнаго почитателя графа Миниха, напрасно приписываетъ ему ошибки кампаніи 1736 года. Ибо самъ г. Манштейнъ сознается, «что фельдмаршалъ истощилъ всѣ средства и употребилъ всю заботливость для учрежденія магазиновъ, и что не онъ, но военные комиссары были виновны за недостатокъ подводъ для перевоза провіанта» (стр. 96). Потомъ говоритъ: «лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже, нежели вести армію въ удаленную сторону и подвергаться опасностямъ голода, въ единственной надеждѣ, что, можетъ статься, возможно будетъ продовольствовать оную на счетъ непріятеля» (стр. 96). Заключеніе сіе вовсе несправедливо, потому что фельдмаршалъ учинилъ всѣ потребныя распоряженія къ продовольствію арміи, учредилъ въ Украинѣ знатные хлѣбные и другихъ жизненныхъ припасовъ магазины, собралъ потребное для перевозки число людей, лошадей и быковъ, дабы имѣть свободное сообщеніе съ главнымъ хранилищемъ, построилъ на пути, по коему шла армія, редуты съ приличною въ оныхъ обороною. Слѣдственно, Минихъ сдѣлалъ все, что требовать должно отъ умнаго и попечительнаго вождя, слѣдственно, вина въ неприбытіи подвозовъ непосредственно падаетъ на провіантскихъ чиновниковъ и на князя Трубецкаго, коему перевозка сія была препоручена. И могъ ли фельдмаршалъ, отправляясь въ армію, предвидѣть таковую пагубную неисправность? Говоря, что лучше-бъ было открыть кампанію двумя мѣсяцами позже,—то-есть въ исходѣ іюля мѣсяца,—г. Манштейнъ не обратилъ вниманія на одно важное обстоятельство. Въ сіе годовое время, въ степяхъ, чрезъ которыя графъ Минихъ долженствовалъ вести войска, трава совсѣмъ высыхаетъ и удобно возгорается. Татары не упустили-бъ зажечь степи, и тогда армія наша, лишенная возможности доставать кормъ для лошадей, никакъ не могла-бъ ни на шагъ впередъ подвинуться. Напослѣдокъ, г. Манштейнъ укоряетъ фельдмаршала въ жестокости, что онъ безъ надобности утомлялъ войско; что, вмѣсто того, дабы пользоваться прохладою ночей, выступалъ чрезъ два или три часа по восхожденіи солнца, отчего войско подверглось многимъ болѣзнямъ (стр. 96).

На сіи укоризны отвѣчаю: что часто называютъ генерала жестокимъ за то, если онъ, подобно графу Миниху, старается возстановить благоустройство и наказываетъ негодяевъ. Что невнимательнымъ людямъ кажется утомленіемъ войска то, когда полководецъ, поступая по правиламъ военнаго искусства, безостановочно преслѣдуетъ непріятеля, дабы отверзть себѣ пути въ страну, гдѣ ожидаетъ его избыточное продовольствіе. Вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ бы воспользоваться ночною прохладою,—время, въ которое татары, предаваясь сну, оставляютъ непріятеля въ покоѣ,—но тогда и россійское войско, утомленное ночнымъ походомъ, неминуемо бы долженствовало отдыхать уже днемъ для возстановленія силъ. Кто бы удержалъ бодрствующихъ татаръ? они бы безпрестанно нападали и тревожили русскихъ. И таковыя, среди успокоенія и отдыха, нападенія непріятеля, не болѣе ли бъ истощили войско наше, чѣмъ походъ въ знойный день?—И такъ, великій уронъ въ людяхъ (если справедливо показаніе о семъ г. Манштейна), понесенный россіянами въ эту кампанію, надлежитъ относить не малой проницательности главноначальствующаго, ниже упрямству его, по слѣдующимъ причинамъ: 1) армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коихъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно долженствовала отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчали ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись на другомъ. Ограждались отъ непріятеля рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу. Нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось иного средства, какъ на́-скоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя. Всѣ таковыя непрерывныя стычки не могли происходить безъ потери людей. Тягостный походъ, труды и работы неминуемо долженствовали изнурять войско. 2) На сихъ степяхъ часто не находили ручьевъ для утоленія жажды, и хотя фельдмаршалъ имѣлъ попеченіе везти въ обозѣ множество бочекъ и наполнить оныя прѣсною водою, но можетъ ли таковая вода вознаградить недостатокъ рѣчной или ключевой? Обстоятельство сіе такъ же немало споспѣшествовало потерѣ людей. 3) Бой на Черной долинѣ; покореніе перекопской линіи, охраняемой ту-

рецкимъ гарнизономъ и всѣми силами татарскими; покореніе Кинбурна и Бакчисарая; словомъ, занятіе Крыма стоило много народа. 4) Въ опустошенномъ полуостровѣ не обрѣтали пищи, приобычной русскому ратнику, и часто нуждались въ прѣсной водѣ. 5) Нездоровый климатъ, соединившись съ несносными жарами и засухою, произвелъ въ войскѣ многія болѣзни.

О покореніи Очакова.

[Зап. Маншт., стр. 109—115].

Здѣсь можно приложить графу Миниху извѣстное изреченіе: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Не взирая на мнѣніе сочинителя «Записокъ о Россіи», графъ Минихъ весьма искусно рѣшился на единственный способъ, во власти его остававшійся. Лишенный всѣхъ пособій, необходимыхъ при осадѣ; увидѣвъ пагубную неисправность нерадивыхъ чиновниковъ, долженствовавшихъ доставить подводы водою по Днѣпру; тщетно ожидая прибытія съ сими подводами кн. Трубецкаго; вступивъ въ землю безплодную; не имѣя, на нѣсколько миль вокругъ, потребнаго лѣса на дѣланіе фашинъ; нуждаясь въ лугахъ для корма лошадей,—что лучшаго могъ придумать гр. Минихъ, какъ не рѣшиться на средство, внушенное мужествомъ его? Однако, г. Манштейнъ осуждаетъ фельдмаршала, что онъ двинулъ на приступъ, не имѣя плана, не обозрѣвъ мѣстнаго положенія и безъ всякой пощады войска. Но порицатель долженствовалъ бы замѣтить: 1) что не всегда можно достать исправные и вѣрные планы чужихъ крѣпостей; что россійскій дворъ, при открытіи войны съ Портою, не имѣлъ никакого плана Очакова. Что надлежало довольствоваться тѣмъ, который на-скоро и, можетъ быть, во многихъ мѣстахъ по соображенію, снялъ инженеръ, посыланный въ крѣпость съ нѣкоторыми порученіями къ сераскиру. 2) Происшествія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что не оставалось фельдмаршалу времени изслѣдовать силу укрѣпленій, чего всеконечно не оставилъ бы учинить Минихъ, если бы предстояла правильная осада. 3) Не съ тѣмъ намѣреніемъ повелъ онъ войско къ сторонѣ крѣпости, лучше укрѣпленной, чтобы произвести приступъ,—но симъ средствомъ желалъ единствен-

но озаботить гарнизонъ и воспрепятствовать ему тушить усилившійся отъ бомбардированія пожаръ; напослѣдокъ скажемъ, что если осуждаютъ Миниха за то, что онъ учинилъ нападеніе на покрытый путь, въ который почти весь гарнизонъ бросился, укрываясь отъ пламени, пожиравшаго Очаковъ, и что при семъ случаѣ осаждающіе потеряли много народа, то съ равною несправедливостію можно укорять его и за покореніе въ двадцать четыре часа крѣпости, управляемой храбрымъ сераскиромъ, охраняемой двадцатью тысячами отборнаго войска, образованнаго извѣстнымъ Боневалемъ, и вооруженной многочисленною артиллеріею. Быть можетъ, что, отозвавъ на нѣкоторое время съ гласиса торжествующее войско, уменьшилъ бы фельдмаршалъ ужасное кровопролитіе, коему подвергся гарнизонъ: но подобныя движенія, въ виду непріятеля, въ отчаяніе приведеннаго, нельзя производить собственныхъ силъ безъ величайшей опасности. Разразившаяся бомба цѣлый пороховой погребъ подняла на воздухъ, потрясла и низринула прилежащія строенія, увеличила и пожаръ и ужасъ: и такъ, надлежало воспользоваться смятеніемъ гарнизона, и среди пламени, пожирающаго городъ, не теряя ни одного мгновенія, внести побѣдоносное оружіе внутрь крѣпости.

О ссорѣ гр. Миниха съ Кейтомъ.

[Зап. Маншт., стр. 115—116].

Не взирая на неудовольствіе, причиненное графомъ Минихомъ г. Кейту при нападеніи на покрытый путь Очакова, при чемъ г. Кейтъ опасно былъ раненъ въ колѣно; не взирая, что неудовольствіе сіе произвело между ими охлажденіе дружества,— не взирая на все это, оба полководца не преставали взаимно уважать другъ друга. Слѣдующій случай послужитъ доказательствомъ заключенію моему. Г. Кейтъ, послѣ возмущенія гвардіи въ станѣ передъ Выборгомъ, негодуя на безпорядокъ и ослушаніе, водворившееся въ войскахъ подъ начальствомъ фельдмаршала графа Лассія, въ присутствіи многихъ офицеровъ сказалъ:

— «Очень примѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ предъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы приняло иной видъ!»

О кампаніи, въ 1737 году произведенной.

[Зап. Маншт., стр. 150].

Фельдмаршалъ, вынужденный въ прошедшемъ году вести армію свою чрезъ необитаемыя степи, и тогда весьма желалъ взять направленіе чрезъ польскую Украину; но въ 1736 году россійскій дворъ тщательно уважалъ неприкосновенность областей польской Украины, всевозможно остерегаясь подать приверженникамъ Станислава малѣйшій поводъ къ вооруженію, желалъ весь польскій народъ расположить къ признанію Бирона курляндскимъ герцогомъ. Но когда все сіе совершилось и Бирон̀ъ былъ утвержденъ въ своемъ достоинствѣ, тогда перестали щадить поляковъ, и графъ Минихъ получилъ повелѣніе выступить въ Молдавію кратчайшимъ путемъ. Потребовали отъ республики позволенія провести армію, и, не дожидая отвѣта, немедленно ввели войска въ польскіе предѣлы. Предъявивъ, что необходимость, не покоряющая себя никакимъ законамъ, принудила предпринять сей походъ, обѣщали наблюдать строжайшее благочиніе и за всѣ припасы платить наличными деньгами. Сначала, когда россійскія знамена приближались къ границамъ республики, поляки громогласно кричали, что никакъ не допустятъ нарушить неутралитетъ. Но когда увидѣли себя окруженными россійскими силами,—въ мигъ умолкли и смирились.

О письмѣ графа Миниха къ князю Лобковичу.

[Зап. Маншт., стр. 168—173].

Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій, надѣлало много шума. Вѣнское министерство принесло жалобу за оное; но петербургскій дворъ изъявилъ свое удовольствіе графу Миниху. Сама Австрія не могла сокрыть справедливаго негодованія къ торопливости, съ коею Нейпергъ и Валлисъ, при посредствѣ французскаго министра маркиза Вилленева, заключили постыдный миръ. Миръ сей исхитилъ у Россіи весь плодъ побѣдъ и завоеваній, и вовсе разрушилъ принятое и обдуманное преднамѣреніе унизить гордость оттоманъ и предписать законы султану предъ стѣнами Константинополя.

Объ умерщвленіи шведскаго маіора Цинклера.

[Зап. Маншт., стр. 177—179].

До самаго происшествія съ Цинклеромъ, Россія не подавала Швеціи ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Напротивъ, штокгольмскій дворъ, не обрѣтая средствъ къ вознагражденію чрезвычайныхъ потерей, имъ понесенныхъ, не переставалъ оказывать недоброжелательство свое къ Россіи, пользовался всѣми случаями, дабы вредить сей державѣ, стараясь всегда слабыя силы свои подкрѣплять дѣйствіями какого нибудь могущественнаго союзника. Во время осады Гданска присланы были изъ Штокгольма къ полякамъ, державшимъ сторону Станислава, тридцать офицеровъ; они служили во все продолженіе осады, а по покореніи города графъ Минихъ отправилъ ихъ на фрегатѣ въ Штокгольмъ. Извѣстно было, что Швеція получила вспомогательныя деньги отъ версальскаго двора, и что она домогалась исходатайствовать денежныя пособія отъ Порты, обѣщаясь учинить развлеченіе россійскихъ силъ въ пользу турковъ. Но какъ штокгольмскій кабинетъ крайне мѣшкотно приступалъ къ совершенію предложеній своихъ, то Россія предуспѣла разрушить замыслы его, заключивъ миръ съ оттоманами. Что принадлежитъ до умерщвленія шведскаго маіора Цинклера, везшаго изъ Константинополя утвержденный со Швеціею союзный договоръ, то въ тогдашнее время представлены были убѣдительныя доказательства, что отправленнымъ для сего русскимъ офицерамъ приказано было токмо захватить бумаги, находившіяся у Цинклера. Посягнувшіе на жизнь его офицеры были преданы суду и за самовольный поступокъ достойнымъ образомъ наказаны, а къ оправданію памяти графа Миниха замѣчу, что онъ никакого участія въ семъ дѣлѣ не принималъ. Получивъ изъ Петербурга предписаніе, онъ токмо приказалъ избрать и отправить куда слѣдовало офицеровъ, которые исполняли и поступали по даннымъ имъ наставленіямъ отъ министерства.

Причины несчастія и казни кабинетскаго министра Волынскаго.

[Зап. Маншт., стр. 188—190].

Умный Волынскій зналъ совершенно, что крайне опасно явнымъ образомъ возставать противу могущественнаго временщика. Записка, о коей упоминаетъ Манштейнъ, не иное что была,

какъ переводъ на россійскій языкъ стариннаго италіанскаго сочиненія съ приложеніемъ письма къ императрицѣ, въ видѣ приношенія. Г. Волынскій страстно любилъ чтеніе, но, не зная инаго языка кромѣ природнаго, поручалъ переводить для себя разныя иностранныя книги; такимъ образомъ, между прочими, переведено было Макіавелево сочиненіе. Переводъ сей г. Волынскій предварительно показывалъ Бирону, а потомъ, съ согласія герцога, поднесъ государынѣ, присоединивъ къ оному письмо, въ коемъ, сказавъ много ласкательнаго на счетъ Анны Іоанновны, утверждалъ, что сочинитель желалъ единственно порицать тирановъ, и, изложивъ жестокія ихъ дѣянія, представилъ пути, по которымъ долженствуютъ шествовать добродѣтельные монархи. Поднесеніе сіе не имѣло никакихъ послѣдствій, и даже, при торжествѣ заключенія мира съ турками, г. Волынскій, наравнѣ съ другими государственными чиновниками, получилъ въ награжденіе двадцать тысячъ рублей серебромъ. Но, четыре мѣсяца спустя потомъ, злополучный сей министръ погубилъ себя безвозвратно. Императрица поручила тайному кабинету разсмотрѣть требованіе нѣкоторыхъ поляковъ, просившихъ вознагражденія за убытки, причиненные имъ при проходѣ россійскихъ войскъ. Дѣло сіе рѣшено было въ пользу просителей. Одинъ Волынскій былъ противнаго мнѣнія. Представивъ, что всѣ поляки вообще принимали сторону враговъ Россіи—турокъ, Волынскій доказывалъ, что требованія просителей вовсе неосновательны, показанія ихъ вымышленныя, доводы пустые, и заключилъ тѣмъ, что, не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ сей республики, не находитъ ни малѣйшей причины ласкать и щадить народъ, издревле враждебный отечеству нашему.

Таковое заключеніе не могло понравиться Бирону. Онъ оскорбился словомъ: вассалъ, и въ тотъ же день просилъ императрицу, чтобы она повелѣла судить его и Волынскаго. Легко вообразить можно, что предали суду одного послѣдняго, взяли его подъ стражу и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, среди жесточайшихъ пытокъ, вынудили отъ него признаніе, что, поднося императрицѣ Макіавелево сочиненіе, желалъ онъ представить изображеніе наперсника ея. Дабы обвинить Волынскаго въ оскорбленіи величества, исторгли у него признаніе, что заставлялъ онъ переводить сочиненную Юстомъ Липсіемъ исто-

рію Іоанны II, неаполитанской королевы, и противу нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ написалъ: она, она,—разумѣя подъ сими словами россійскую императрицу. Долговременная служба въ полѣ, судахъ, на конгрессахъ, напослѣдокъ—въ верховномъ мѣстѣ; умъ, отличная способность къ дѣламъ,—ничто не могло спасти несчастнаго министра отъ гоненія злобнаго и кровожаднаго временщика. Оберъ-шталмейстеръ и кабинетный министръ Артемій Петровичъ Волынскій, среди многолюдной толпы народа, привлеченнаго любопытствомъ и въ трепетъ ужасомъ поверженнаго, лишился головы на лобномъ мѣстѣ, въ Петербургѣ, въ 1740 году. Не укротилась симъ лютость тирана; вмѣстѣ съ Волынскимъ пострадали и другія жертвы: тайный совѣтникъ и сенаторъ графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ и генералъ-кригсъ-коммисаръ Соймоновъ—какъ друзья злополучнаго; тайный совѣтникъ Хрущевъ, гофъ-интендантъ Еропкинъ и секретарь Зуда—за переводъ книгъ, а кабинетскій секретарь Эйхлеръ—за то, что онъ сообщалъ Волынскому разговоры, каковые иногда императрица имѣла о немъ съ Бирономъ. Хрущевъ и Еропкинъ казнены; графъ Мусинъ-Пушкинъ и Соймоновъ, по лишеніи чиновъ — а первый и ордена св. Александра,—заключены въ заточеніе, а Эйхлеръ и Зуда наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. На столь безчеловѣчные приговоры склонялася Анна, постыднымъ образомъ управляемая иноплеменнымъ извергомъ!

Описаніе послѣднихъ дней императрицы Анны Іоанновны.

[Зап. Маншт., стр. 192-193].

Г. Манштейнъ не могъ достовѣрно знать о подробностяхъ, происходившихъ во время болѣзни императрицы Анны Іоанновны, ни о происках герцога Бирона, въ послѣдніе дни жизни благодѣтельницы его употребленныхъ; почему почитаю нужнымъ поправить погрѣшности сего сочинителя.

Анна Іоанновна нѣсколько лѣтъ страдала подагрою, но отнюдь не опасно. Скрытная и злѣйшая ея болѣзнь была каменная, ибо, по вскрытіи тѣла по кончинѣ императрицы, нашли въ чреслахъ камень такой величины, что онъ обнималъ всю внутренность утробы и совершенно обезобразилъ устроеніе оной. Въ полдень 6-го октября 1740 г., Анна Іоанновна, сѣвши за обѣдъ съ герцогомъ курляндскимъ и

его супругою, едва скушала нѣсколько ложекъ супа, какъ, вдругъ почувствовавъ тошноту, упала въ обморокъ. Немедленно перенесли ее въ почивальную и положили на кровать, въ совершенномъ безпамятствѣ. Бирономъ, приведенный симъ внезапнымъ несчастіемъ въ крайнее смятеніе, выбѣжалъ въ переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрѣвъ тутъ президента коммерцъ-коллегіи барона Менгдена, обыкновенно въ сей часъ посѣщавшаго его, поручилъ ему, какъ можно поспѣшнѣе, увѣдомить графа Миниха о болѣзни императрицы и просить его немедленно пріѣхать во дворецъ. Въ то же время послалъ за кабинетскими министрами княземъ Черкаскимъ и графомъ Бестужевымъ, и за оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольдомъ.

Графъ Минихъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ уже оберъ-гофмаршала г. Левенвольда. Едва лишь фельдмаршалъ вошелъ, какъ Бирономъ, выказывая крайнее отчаяніе и заливаясь слезами, произнесъ:

— «Ахъ! я самый злополучнѣйшій человѣкъ; теряю преждевременно и внезапно государыню, удостоивавшую меня неограниченною довѣренностью, осыпавшую меня благодѣяніями несчетными. Что послѣдуетъ со мною по кончинѣ ея? Чего ожидать мнѣ въ государствѣ, въ которомъ премножество людей, въ награду оказанныхъ мною отечеству заслугъ, питаютъ ко мнѣ не благодарность, а ненависть? Впрочемъ, личная моя польза не столько занимаетъ сердце мое, какъ бѣдствіе, неминуемо угрожающее государству по кончинѣ императрицы: наслѣдникъ еще въ пеленахъ, и права его требуютъ утвержденія государыни. Нельзя предвидѣть всѣхъ гибельныхъ послѣдствій, каковыя можетъ произвести о семъ манифестъ, обнародованный въ настоящихъ обстоятельствахъ, среди такого народа, который всегда во времена малолѣтія своихъ государей предавался возмущеніямъ и всякимъ неистовствамъ. Шведы, производящіе сильныя вооруженія, не преминутъ, среди безпорядковъ и несогласій, напасть на Россію. И такъ, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, крайне нужно, дабы правленіе ввѣрено было рукѣ такой особы, которая, вѣдая совершенно о положеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ, одарена бы была потребною твердостью для обузданія мятежныхъ головъ и удержанія благоустройства въ нѣдрахъ имперіи. Хотя, по справедливости, нельзя порицать характера принцессы Анны,

матери малолѣтняго наслѣдника, но должно опасаться, что, учинившись правительницею, а вмѣстѣ съ тѣмъ самовластною, призоветъ она въ Россію герцога мекленбургскаго, родителя своего, и допуститъ его мѣшаться въ дѣла государства. Своенравіе и суровость сего принца извѣстны, и онъ легко завлечетъ дщерь свою къ поступкамъ пагубнымъ. Что принадлежитъ до принца брауншвейгскаго, то еще менѣе можно ввѣрить ему кормило народоправленія: ибо нѣтъ сомнѣнія, что тогда Россія будетъ управляема австрійскимъ посломъ; слѣдственно, неизбѣжно завлечется *во всѣ брани вѣнскаго двора*».

Едва окончилъ Бирон рѣчь свою, какъ прибыли князь Черкаскій и г. Бестужевъ; и симъ господамъ повторилъ онъ сказанное фельдмаршалу и графу Левенвольду. Князь Черкаскій прежде всѣхъ сказалъ:

— «*Я не знаю никого способнѣе и достойнѣе вашей свѣтлости* къ управленію государствомъ. Во все продолженіе царствованія императрицы, съ толикою ревностію и успѣхомъ вы производили всѣ дѣла государственныя. Мудрость и искусство ваши всѣмъ извѣстны; частныя выгоды герцогства вашего тѣсно сопряжены съ пользами Россіи. И такъ, *для блага отечества нашего*, всеусерднѣйше прошу вашу свѣтлость продолжать ваше попеченіе о Россіи, подъ какимъ то ни было титуломъ».

Тайный совѣтникъ Бестужевъ повторилъ то же привѣтствіе; графы Минихъ и Левенвольдъ, ясно видя, что всякое противорѣчіе будетъ безполезно, долженствовали изъявить и свое согласіе. Дѣйствительно, обстоятельство сіе было самое затруднительное, въ каковомъ токмо можетъ находиться честный человѣкъ. Самая раболѣпная лесть, въ угожденіе императрицѣ, оказываема была всѣми царедворцами Бирону и всей его фамиліи; а непомѣрная строгость, съ коею наказывала за малѣйшее оскорбленіе, наперснику ея учиненное, привела всѣхъ въ страхъ. А потому никто не отваживался противорѣчить могущественному временщику. Хотя врачи не уповали, чтобы государыня выздоровѣла, однако не смѣли объявить и о приближеніи кончины ея. И такъ, еслибы получила она облегченіе въ болѣзни на нѣсколько токмо дней, то и сего времени достаточно-бъ было, дабы безвозвратно погубить дерзнувшаго оказать Бирону не токмо сопротивленіе, но и малѣйшее прекословіе.

Выманивъ отъ призванныхъ особъ желаемое предложеніе, коварный Бирон̀ъ произнесъ:

— «Чрезмѣрно бы изумило меня предложеніе ваше, еслибы не былъ я твердо увѣренъ, что оно внушено вамъ чувствами искренней ко мнѣ приверженности. Но размыслите, одобритъ ли общество желаніе ваше, на любви къ отечеству основанное? Я иноземецъ, и знаю, что благоволеніе императрицы навлекло мнѣ безчисленное множество завистниковъ. Знаю, что благонамѣреннѣйшія мои распоряженія всегда обезображиваемы были гнуснѣйшею клеветою. Что́ же послѣдуетъ въ то время, когда воспріиму я верховную власть? До сего дня единственно покровительство государыни охраняло меня. Кто пожелаетъ и въ силахъ будетъ защитить меня впредь? По милости и щедротѣ всемилостивѣйшей нашей монархини, я нахожусь въ столь счастливомъ положеніи, что не остается мнѣ ничего иного желать, какъ пристойнымъ образомъ возвратиться въ Курляндію и жить тамъ въ тишинѣ и спокойствіи. Я надѣюсь, что вы, лу́чшіе мои друзья, не пожелаете лишить меня сего утѣшенія».

Нельзя не похвалить сей рѣчи; но каково было заключеніе оной?

— «Впрочемъ,—продолжалъ Бирон̀ъ,—если что нибудь можетъ преклонить меня къ воспріятію тяжкаго бремени, вами предлагаемаго, то единственно чувство глубочайшей благодарности къ благодѣяніямъ, изліяннымъ на меня императрицею, и пламенное усердіе мое къ благоденствію и славѣ Россіи. Однако, не вѣдая о семъ важномъ предметѣ мнѣнія другихъ благонамѣренныхъ патріотовъ, ни на что не могу я рѣшиться, и прошу васъ собрать завтрашняго дня совѣтъ изъ первѣйшихъ государственныхъ чиновъ».

Сказавъ сіе, Бирон̀ъ присовокупилъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ всего нужнѣе объявить скорѣе наслѣдникомъ престола малолѣтняго принца Іоанна; для чего просилъ призванныхъ господъ немедленно отправиться къ графу Остерману, согласиться съ нимъ о всѣхъ потребныхъ распоряженіяхъ и приготовить къ завтрешнему утру манифестъ.

Покоряясь волѣ Бирона, всѣ вышеупомянутыя особы тотчасъ поѣхали къ Остерману. Министръ сей, страдавшій разслабленіемъ въ ногахъ, уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжалъ изъ дома. Узнавъ

о бывшемъ разговорѣ съ герцогомъ, крайне осторожный во всѣхъ своихъ поступкахъ, графъ Остерманъ не токмо поспѣшилъ изъявить согласіе, но и присовокупилъ, что въ случаѣ если герцогъ отречется принять на себя предлагаемое достоинство, надлежитъ просить императрицу, дабы она благоволила преклонить его къ сему. Потомъ, составивъ, съ общаго согласія, манифестъ о наслѣдіи престола, условились, чтобы для разсужденія о регентствѣ собрать чрезвычайный совѣтъ, въ которой, сверхъ министровъ тайнаго кабинета, пригласить еще нѣсколько изъ знаменитѣйшихъ чиновниковъ.

На другой день Бирон, получивъ заготовленныя бумаги, пошелъ къ императрицѣ, поднесъ ей къ подписанію манифестъ и указъ объ обнародованіи онаго. По подписаніи, немедленно манифестъ отнесли въ придворную церковь, прочли его предъ многочисленнымъ собраніемъ и тутъ же приняли на вѣрность Іоанну, какъ наслѣднику всероссійскаго престола, присягу отъ всѣхъ знатныхъ чиновъ, при семъ случаѣ присутствовавшихъ. Гвардейскіе полки, собранные на площади предъ дворцомъ, то же учинили. А прочіе жители Петербурга приведены были къ присягѣ въ приходскихъ церквахъ.

Непосредственно по совершеніи сего обряда, приступили къ разсужденію о регентствѣ. Всѣ, признавъ герцога Бирона единственною особою, способною управлять государствомъ, опредѣлили поднести о семъ докладъ императрицѣ и убѣдительнѣйше просить, дабы ея величество благоволила преклониться на желаніе народа (такъ самопроизвольно собраніе располагало волею онаго)—повелѣла бы герцогу управлять государствомъ до совершеннолѣтія наслѣдника и соизволила бы подписать о семъ постановленіе. Графъ Остерманъ, принесенный въ собраніе въ креслахъ, вызвался представить государынѣ прошеніе и постановленіе къ подписанію; но токмо по прошествіи трехъ сутокъ Бирон успѣлъ исходатайствовать у императрицы позволеніе допустить къ ней Остермана. Симъ временемъ воспользовались, чтобы присовокупить къ просителямъ еще человѣкъ пятьдесятъ изъ почетнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Легко предуспѣлъ Бирон въ назначеніи преемника престола; но, не смотря на великую власть его надъ сердцемъ Анны

Іоанновны, чрезвычайнаго труда стоило ему убѣдить государыню сдѣлать прочія распоряженія объ управленіи государствомъ. Устраняя самую мысль о смерти, она съ гнѣвомъ принимала всякое разсужденіе объ оной, а предложеніе Бирона называла предвѣстіемъ кончины своей. Напослѣдокъ, по неотступнымъ домогательствамъ любимца, допустила къ себѣ графа Остермана. Министръ сей, изложивъ съ величайшимъ краснорѣчіемъ и силою затруднительное положеніе государства, растрогалъ императрицу. Потребовавъ принесенныя имъ бумаги, равнодушно положила ихъ подъ изголовье свое, сказавъ кратко: «Я разсмотрю».

Нѣсколько дней прошло, а императрица ничего не упоминала о поднесенныхъ ей бумагахъ. Встревоженный Биронъ, страшась, что родственная любовь къ принцессѣ Аннѣ удерживаетъ государыню утвердить предложенныя распоряженія, до такой степени забылся, что поручилъ барону Менгдену объясниться съ принцессою и внушить ей, что благоденствіе ея собственное и малолѣтняго ея сына требуетъ, дабы она всевозможно старалась убѣдить императрицу возложить на Бирона правленіе государства. Принцесса, терпѣливо выслушавъ странное сіе предложеніе, отвѣчала:

— «Я никогда не мѣшалась въ государственныя дѣла, а при настоящихъ обстоятельствахъ еще менѣе осмѣлюсь приступить къ сему. Хотя здравіе императрицы находится въ величайшей опасности, но я уповаю, что, при милости Божіей, она оправится отъ болѣзни. Сердце мое никакъ не позволяетъ мнѣ предвѣщать кончину любезнѣйшей моей тетки... Впрочемъ, мнѣ кажется, что герцогъ все уже сдѣлалъ, убѣдивъ государыню къ наименованію наслѣдника престола, и, имѣя свободный доступъ къ ея величеству, удобно можетъ исходатайствовать утвержденіе ея и на прочія распоряженія объ управленіи имперіи. Что принадлежитъ до меня, то, покоряясь совершенно волѣ императрицы, моей благодѣтельницы, я безпрекословно буду повиноваться всему, что благоугодно будетъ ей постановить».

Биронъ никому не открылъ о переговорахъ съ принцессою, ни объ отвѣтѣ ея; но повѣренный тайны его сообщилъ о семъ нѣкоторымъ членамъ совѣта. Въ ономъ немедленно опредѣлили, чтобы отправить двухъ членовъ къ принцессѣ и отъ лица всего совѣта убѣдить ее принести просьбу императрицѣ. Но гос-

пода сіи, бывшіе у принцессы на другой день, получили отъ нея отзывъ, совершенно подобный сдѣланному барону Менгдену.

Императрица, не взирая на жестокое разслабленіе свое, сохраняла всю память и разсудокъ. Она чувствовала и понимала, что право опеки надъ младенцемъ, наслѣдникомъ престола, по всей справедливости принадлежитъ родителямъ его. А потому никакъ не рѣшалась назначить регентомъ Бирона; государыня всемѣрно отклоняла любимца своего отъ сего пагубнаго замысла. Убѣждала въ безразсудности оного, и съ истинно милостивымъ чистосердечіемъ сказала ему:

— «Я сожалѣю о тебѣ, герцогъ: ты стремишься къ погибели своей».

Но какія препоны могутъ воздержать тщеславнаго честолюбца? высокомѣріе и подлость неразлучно шествуютъ; горделивецъ по приличію принимаетъ на себя личину и той и другой. Биронъ въ сіе время старался всѣхъ обласкать. Всѣ имѣвшіе доступъ къ больной императрицѣ не переставали дѣлать ей внушенія, согласныя съ намѣреніемъ герцога. Наконецъ, неотступными просьбами и всякими происками, Биронъ достигъ желанія своего: Анна Іоанновна, призвавъ графа Остермана, подписала постановленіе о регентствѣ, которое немедленно и положили въ шкафъ, стоявшій съ драгоцѣнными вещами подлѣ императрицыной постели! Весьма вѣроятно, что монархиня, ежечасно теряя тѣлесныя силы и пришедши въ крайнее изнеможеніе, не читала сего постановленія, сочиненнаго по точной волѣ Бирона, и подозрѣваю, что подписала оное, худо вѣдавъ о содержаніи его.

Когда императрица позвала къ себѣ графа Остермана, тогда прочіе министры собрались въ комнатахъ Бирона, и тамъ, колеблемые страхомъ и надеждою, ожидали рѣшенія ея. Графъ Остерманъ не замедлилъ успокоить ихъ, принеся важное извѣстіе о подписаніи постановленія. Скоро пришелъ и самъ герцогъ, благодарилъ ихъ именемъ государыни, присовокупивъ, что ея величество весьма милостиво приняла подвигъ ихъ и обѣщала каждому изъ нихъ оказать явные опыты благоволенія своего, коль скоро получитъ облегченіе въ болѣзни. Желая изъявить и свою признательность, Биронъ не кстати употребилъ слова сіи: «Вы, господа, поступили какъ римляне!» По видимому, онъ хотѣлъ сказать: какъ патріоты.

Не взирая на то, что болѣзнь императрицы усиливалась примѣтнымъ образомъ, ежедневно принимала она къ себѣ царевну Елисавету Петровну, принцессу Анну и супруга послѣдней принца Брауншвейгскаго. Октября 17-го числа, по полудни, Анна Іоанновна лишилась владѣнія лѣвой ноги, а когда, вечеромъ въ тотъ день, вошли въ почивальню принцъ и племянница ея, то она простилась съ ними съ величайшимъ спокойствіемъ духа. Въ девять часовъ приключились съ нею сильные судорожные припадки; по успокоеніи отъ оныхъ, велѣли ввести духовника, придворныхъ священниковъ и пѣвчихъ, для совершенія по обряду греко-россійской церкви молитвы, и пригласили присутствовать при оной знаменитѣйшихъ изъ случившихся тогда во дворцѣ особъ. Не смотря на разслабленіе свое, Анна Іоанновна узнала графа Миниха и дрожащимъ голосомъ сказала ему: «прощай, фельдмаршалъ!» Не могши распознать другихъ предстоявшихъ, ко всѣмъ вообще произнесла «прощайте!» Послѣ сего соборовали государыню масломъ и окропили святою водой. Среди жесточайшихъ припадковъ, императрица съ большою твердостью и упованіемъ на Бога предала въ руцѣ Его душу свою. Такъ скончалась Анна Іоанновна, имѣя отъ рожденія 46 лѣтъ 8 мѣсяцевъ 19 дней.

Нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ императрицы Анны Іоанновны и къ правленію ея.

[Зап. Манш., стр. 19—194].

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны составляетъ эпоху, обильную важными для Россіи происшествіями, почему поставляю себѣ долгомъ представить нѣкоторыя подробности, относящіяся къ особѣ сей государыни и къ ея правленію.

Анна Іоанновна, дщерь царя Іоанна Алексѣевича и Прасковьи Ѳеодоровны, изъ дома бояръ Салтыковыхъ, родилась въ Москвѣ 1694 г. января 28-го. Лишась въ младенчествѣ родителя, оставалась на попеченіи роднаго дяди своего Петра Великаго, который отлично жаловалъ ее. Въ 1710 г. Фридрихъ I-й, въ Маріенвердерѣ, предложилъ въ супруги Аннѣ Іоанновнѣ близкаго своего родственника Фридриха Вильгельма, герцога курляндскаго. Императоръ принялъ предложеніе и бракъ совершился въ С.-Пе-

тербургѣ. Но счастіе молодыхъ супруговъ не долго продолжалось: отъѣзжая изъ Россіи въ Курляндію, герцогъ занемогъ на дорогѣ и умеръ въ Кипени. По кончинѣ супруга, Анна Іоанновна, до самаго избранія ея на всероссійскій престолъ, имѣла постоянное пребываніе въ Митавѣ. Тамъ, въ придворномъ ея статѣ, находилось нѣсколько особъ изъ придворныхъ россіянъ; но всею довѣренностью сей государыни обладалъ Бирономъ.

Высокій станъ и видъ величественный Анны Іоанновны внушали къ особѣ ея благоговѣніе. Благородство и привлекательность лица награждали въ ней недостатокъ красоты. Глаза имѣла она большіе, голубые и острые, носъ орлиный; пріятныя уста, съ прекрасными зубами; волосы на головѣ каштановаго цвѣта; лицо рябоватое, тѣло смуглое; голосъ чистый и сильный. Одаренная крѣпкимъ сложеніемъ тѣла, ведя жизнь умѣренную и единообразную, государыня сія могла бы еще долго прожить, ежели-бъ подагра, а особенно жестокая каменная болѣзнь не сократили дней ея. Государыня сія была умна, судила о вещахъ здраво и сообразно съ тѣмъ поступала во всѣхъ случаяхъ, когда предубѣжденіе и пагубная страсть къ наперснику не препятствовали дѣйствіямъ ея. Краснорѣчіе украшало уста императрицы; разговоръ ея былъ пріятенъ и веселъ. Въ торжественные дни представляла себя съ приличною важностью; благоволеніе свое изъявляла отборными и благопривѣтливыми выраженіями; выговоры ея были чувствительны, но не оскорбительны.

Образъ жизни Анны Іоанновны расположенъ былъ порядочно: вставала она съ постели въ семь и часто въ шесть часовъ утра; за обѣдъ садилась ровно въ полдень, а за ужинъ въ девять часовъ вечера. Пища приготовлялась для нее самая простая. Ложилась опочивать въ одиннадцать часовъ вечера. Каждый день выходила изъ внутреннихъ комнатъ въ собранія и оставалась въ оныхъ поутру отъ 11-ти часовъ до полудня, а послѣ обѣда съ пяти до восьми часовъ. Въ ежедневныхъ забавахъ не имѣла опредѣлительной и постоянной склонности; но избравъ единожды какую нибудь, не скоро оставляла ее. Въ первые годы царствованія своего, въ вечернихъ собраніяхъ играла въ карты; потомъ нѣкоторое время цѣлые вечера просиживала въ собраніяхъ, не вставая съ креселъ: занималась разговорами и временно слушала разсказы шутовъ.

Императрица всегда изволила присутствовать при продажѣ съ публичнаго торга китайскихъ товаровъ, ежегодно ко двору привозимыхъ. Продажа сія происходила во дворцѣ, въ такъ называвшейся италіанской залѣ; часто предлагала цѣну продаваемой вещи, и не гнѣвалась ежели кто изъ предстоявшихъ покупщиковъ возвышалъ цѣну противъ объявленной ею. Послѣ, когда наскучило ей таковое времяпровожденіе, получила охоту къ стрѣлянью изъ ружей и толикое искусство пріобрѣла въ ономъ, что не токмо мѣтко попадала въ цѣль, но наравнѣ съ лучшими стрѣлками убивала птицъ на-лету. Сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, долѣе и почти до кончины своей занималась. Во дворцѣ, находившемся на берегу Невы, всегда въ комнатахъ ея стояли заряженныя ружья, изъ коихъ стрѣляла она изъ окна въ мимо летающихъ птицъ. Зимою ставили въ дворцовой галлереѣ мишень, въ которую, по вечерамъ, при яркомъ освѣщеніи, императрица метала изъ лука стрѣлы. Въ Петергофѣ построенъ былъ звѣринецъ, наполненный зайцами, кабанами, ланями, тунгускими и доставленными изъ Германіи прекрасными оленями. Тамъ, сидя подъ великолѣпнымъ намётомъ, утѣшалась, смотря на охоту, и сама изрѣдка стрѣляла по пробѣгающимъ звѣрямъ.

Въ частной жизни, Анна Іоанновна была ласкова и благопривѣтлива, бо́льшею частію весела и расположена къ шуткамъ; по природѣ добра, сострадательна и великодушна; но, къ несчастію ея и цѣлой имперіи, воля монархини окована была безпредѣльною надъ сердцемъ ея властію необузданнаго честолюбца. До такой степени Бирон господствовалъ надъ Анною Іоанновною, что всѣ поступки свои располагала она по прихотямъ сего деспота, не могла надолго разлучиться съ нимъ, и всегда не иначе, какъ въ его сопутствіи, выходила и выѣзжала. Невозможно болѣе участія принимать въ радости и скорби друга, сколько императрица принимала въ Биронѣ. На лицѣ ея можно было видѣть, въ какомъ расположеніи духа находился наперсникъ. Являлся ли герцогъ съ пасмурнымъ видомъ—мгновенно и чело государыни покрывалось печалью; когда первый казался довольнымъ, веселье блистало во взорѣ; неугодившій же любимцу тотчасъ примѣчалъ явное неудовольствіе монархини.

Бирон, страстный охотникъ къ лошадямъ, бо́льшую часть утра проводилъ въ конюшнѣ или въ манежѣ. Императрица,

скучая отсутствіемъ его, рѣшилась обучаться верховой ѣздѣ, дабы имѣть предлогъ въ сихъ мѣстахъ быть съ наперсникомъ своимъ, и потомъ довольно хорошо ѣздила по дамски.

Непомѣрная привязанность императрицы содѣлалась тягостною для Бирона. Приближенные его многократно слышали отъ него жалобу, что не имѣетъ онъ ни одного мгновенія для отдыха. Никогда Биронъ никого не посѣщалъ, ни у кого не обѣдалъ и не присутствовалъ на пирахъ и празднествахъ, даваемыхъ знатными боярами. Дабы удержать любимца отъ участія въ оныхъ, государыня осуждала и даже называла распутствомъ всякій циръ и собраніе, въ коихъ, по сдѣланному ей донесенію, господствовала веселость. Биронъ, съ своей стороны, тщательно наблюдалъ, дабы никто безъ вѣдома его не былъ допускаемъ къ императрицѣ, и если случалось, что, по необходимой надобности, герцогъ долженствовалъ отлучиться, тогда при государынѣ неотступно находились Биронова жена и дѣти. Такимъ образомъ, всѣ поступки и рѣчи императрицы немедленно доводились до свѣдѣнія Бирона.

Принужденная и единообразная жизнь, естественно, долженствовала рождать скуку, а иногда охлажденіе и размолвку между императрицею и Бирономъ. Однако, когда встрѣчалось между ними кратковременное несогласіе, всевозможно старались они скрывать оное отъ внимательнаго взора царедворцевъ. Дабы имѣть какую нибудь забаву и разсѣяніе, содержали при дворѣ толпу шутовъ обоего пола, коихъ кривлянье и одежда, болѣе нежели разговоры, забавляли собраніе. Обыкновенно шуты сіи сначала притворялись ссорющимися, потомъ приступали къ брани; наконецъ, не зная какъ лучше увеселить зрителей, порядочнымъ образомъ дрались между собою. Забавники сіи набирались безъ различія состоянія; въ числѣ ихъ находились нѣкоторые изъ лучшаго дворянства россійскаго и княжескихъ родовъ. Странная наружность, дергота въ тѣлѣ, смѣшныя повадки, природная глупость, и всякая другая юродливость—составляли потребныя качества для пріема въ шутовское сословіе. Награды получали они соразмѣрно дарованіямъ своимъ. Главою ихъ былъ одинъ италіанецъ, прежде бывшій скрыпачъ, по прозванію Петръ Мира или, сокращенно, Петрилло. Шутъ этотъ былъ дѣйствительно милъ и забавенъ, и умѣлъ нажить порядочный капиталъ. Балакиревъ также отличался остротою и имѣлъ такую забавную наружность, что

при первомъ взглядѣ на него возбуждалъ къ смѣху. Страсть къ шутамъ и дуракамъ, унижающая человѣчество, и страсть къ сказочникамъ—распространилась по всему государству и долго оставалась преимущественною забавою знатныхъ и зажиточныхъ людей; въ мудрое правленіе Екатерины, просвѣщеніе, быстро озаряя Россію, представило благороднѣйшія занятія для ума.

Упомянемъ объ одномъ пресграннномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны, въ Петербургѣ. Въ 1732 году, построена была на Невѣ изо льда крѣпость, которую снабдили гарнизономъ и артиллеріею, и потомъ брали приступомъ. Но въ зиму 1739 г., по предложенію камергера Татищева, вздумали представить изумленному взору чудеснѣйшее позорище. На Невѣ, между дворцомъ и адмиралтействомъ, построили изъ чистаго льда, по всѣмъ правиламъ архитектуры, домъ изъ нѣсколькихъ комнатъ; всѣ украшенія зодчества, статуйки, рамы и стеклы въ окнахъ, столы, стулья, кровать съ постелью, печи—словомъ, всѣ внутренніе приборы и разная посуда, множество бездѣлушекъ — были сдѣланы изъ льда. Приготовили льдяныя свѣчи и дрова, которыя, будучи намазаны нефтью, горѣли; выточили изъ льда нѣсколько пушекъ и мортиръ съ колесами и станками, изъ коихъ стрѣляли ядрами съ порохомъ; надѣлали слоновъ, дельфиновъ, деревья съ вѣтвями и листьями—все изо льда. Не удовольствуясь таковою нелѣпостью, выстроили еще баню ледяную, многократно топили ее и въ ней парились. Призвали въ Петербургъ по нѣсколько человѣкъ отъ различныхъ народовъ, въ Россіи обитающихъ. Напослѣдокъ, въ семъ домѣ праздновали свадьбу одного человѣка изъ знатнѣйшаго рода, невольнымъ образомъ посвященнаго въ шуты; парили новобрачныхъ въ ледяной банѣ. Признаюсь, что во всемъ этомъ дѣлѣ вижу я верхъ сумазбродства. Позволительно-ли употреблять руки человѣческія на работу столь суетную, ничтожную? позволительно-ли столь постыднымъ образомъ унижать человѣчество и насмѣхаться надъ нимъ? позволительно-ли издерживать государственное иждивеніе на прихоти и забавы вздорныя? Неоспоримо, что доброе правительство, и по любви къ народу, и по политическимъ видамъ, долженствуетъ доставлять обществу увеселенія. Но, забавляя, не должно развращать народные нравы. Въ то время, когда появились въ Петербургѣ

упомянутыя глупыя позорища, благодѣтельные лучи просвѣщенія, отверзтые Петромъ Великимъ, начинали уже согрѣвать умы россіянъ. Слѣдственно, правительство могло занимать ихъ полезнѣйшими зрѣлищами. Лучше-бъ было приказать представлять бывшія тогда въ большой чести италіанскія интермедіи, а, можетъ быть, еслибъ самъ дворъ обратился къ благороднѣйшимъ забавамъ, и тогда бы уже словесность наша украсилась драматическими твореніями. Ѳеофанъ, Кантемиръ отыскали-бъ дарованія. Ломоносовъ и Сумароковъ въ сію эпоху уже существовали. Вездѣ и во всѣ времена дворъ открываетъ, поддерживаетъ, оживляетъ дарованія. Безъ поощренія царя, изящнѣйшіе умы и дары природы самые рѣдкіе—притупятся, погибнутъ и погребутся во мракѣ неизвѣстности.

Обыкновенная участь сильныхъ, властвующихъ страхомъ,—быть ненавидимыми, почему личная безопасность и польза ихъ требуетъ недреманнаго надзора за поступками общества. Бирономъ, будучи увѣренъ въ первомъ, тщательное вниманіе обращалъ на послѣднее. Вѣроятно, что въ то время ни при одномъ европейскомъ дворѣ не находилось больше льстецовъ и наушниковъ, какъ при россійскомъ. Ежедневно доносили государынѣ и герцогу обо всѣхъ разговорахъ въ извѣстнѣйшихъ домахъ, а какъ гнусное сіе ремесло отверзало путь къ милости и наградамъ, то самыя знатныя особы не стыдились заниматься онымъ. Легковѣріе непосредственно послѣдуетъ за подозрѣніемъ; почему не трудно было донощикамъ злоумышленно перетолковывать всѣ рѣчи и оклеветывать предъ подозрительнымъ правительствомъ людей безвинныхъ. Нерѣдко случалось, что тѣ самыя особы, которыя наканунѣ пользовались отличною благосклонностью императрицы, съ изумленіемъ на другой день видѣли отъ нея величайшую холодность, не постигая причины таковой внезапной перемѣны.

Анна Іоанновна *любила* убранство. Въ торжественные праздники надѣвала великолѣпныя одежды изъ богатѣйшихъ ліонскихъ парчей и бархатовъ, а въ прочіе дни носила платье простое, но со вкусомъ и яркихъ цвѣтовъ. Придворные чиновники, въ угожденіе императрицѣ, являлись во дворецъ, во дни рожденія, тезоименитства, восшествія на престолъ и коронованія ея величества,

въ пребогатомъ одѣяніи. Она не жаловала темныхъ цвѣтовъ, Биронъ также не любилъ ихъ. Герцогъ часто одѣвался въ изпещренные штофные кафтаны, и почтенные старики, подражая ему, не стыдились наряжаться въ платья самыхъ странныхъ цвѣтовъ, напримѣръ, розоваго, свѣтложелтаго, лиловаго, ярко-зелено-попугайнаго.

Анна щедро награждала заслуги; никто изъ предшественниковъ ея не жаловалъ столь значущими денежными подарками. Петръ Великій охотнѣе жаловалъ за службу тысячу душъ крестьянъ, нежели десять тысячъ деньгами. Но и въ семъ случаѣ надлежало искать милости у Бирона: всѣ награды получались посредствомъ его. Даже принцесса Анна, столь любимая государынею, съ огорченіемъ на опытѣ извѣдала, что безъ сего предстателя не могла-бъ она исходатайствовать ни заплаты долговъ, ни прибавки содержанія. И сія, по природѣ щедрая, царица не смѣла и малѣйшаго подарка сдѣлать безъ вѣдома Бирона. Императрица была набожна и даже нѣсколько суевѣрна, однако, посѣщая по-часту храмы Божіи, созидая новые и щедро украшая существовавшіе, не допустила духовенство присвоить себѣ власти болѣе, сколько предоставлено оному было узаконеніями Петра Великаго.

Не только съ величайшимъ вниманіемъ Анна Іоанновна слушала государственныя дѣла, представляемыя министрами, но даже всегда освѣдомлялась объ отправленіи и исполненіи рѣшенныхъ ею. Усовершенствованіе внутренняго домоводства, распространеніе торговли, умноженіе мануфактуръ, усиленіе сухопутныхъ и морскихъ силъ—наиболѣе занимали попеченіе монархини.

Не взирая на кровопролитныя брани, происходившія почти во все теченіе царствованія ея, никогда не обременила народъ новымъ налогомъ. При заключеніи мира съ Портою, даровала народу полугодовый подушный сборъ; окладъ подушный при ней состоялъ въ семи гривнахъ съ души мужескаго пола. Не токмо не оставила Анна Іоанновна по себѣ государственнаго долга, но даже по кончинѣ ея обрѣли въ запасѣ въ военномъ казначействѣ одинъ милліонъ двѣсти тысячъ, а въ соляномъ семьсотъ тысячъ наличныхъ денегъ серебряною монетою.

Умноживъ сухопутныя войска, оставила преемникамъ престола армію благоустроенную, подъ предводительствомъ искуснѣй-

шихъ полководцевъ. Повиновеніе россійскаго ратника, терпѣніе его въ преодолѣніи всѣхъ превратностей счастія, ничѣмъ непотрясаемая храбрость его на полѣ сраженія—во всѣ времена превосходили всякое вѣроятіе: но во дни Анны, благочиніе и порядокъ въ воинствѣ нашемъ могли почитаться образцовыми. Побѣги въ ономъ были вовсе невѣдомы. Сухопутныя силы при сей государынѣ простирались до 240,000 человѣкъ. Пѣхота, справедливо почитаемая душою войска, состояла на прекрасной ногѣ; всѣ эволюціи и экзерциціи производились превосходно. На Сестрорѣцкомъ заводѣ, учрежденномъ, какъ бо́льшею частію и всѣ полезныя заведенія въ Россіи, Петромъ Великимъ, хорошо изготовлялось огнестрѣльное и холодное оружіе. Артиллерія также была умножена, и въ устроеніи орудій послѣдовали, при Минихѣ, значительныя перемѣны; при ней учрежденъ въ Петербургѣ литейный дворъ. Конница регулярная не была приведена въ равное превосходство съ пѣхотою. Въ замѣну, Россія имѣла въ казакахъ такія легкія войска, какихъ ни одно европейское государство выставить не можетъ. Дабы снабдить тяжелую конницу добрыми лошадьми, императрица повелѣла выписать изъ Голштиніи и другихъ иностранныхъ земель знатное число лошадей лучшей породы, учредить конскіе заводы, и для содержанія оныхъ отвести богатыя казенныя волости; въ самыхъ монастырскихъ владѣніяхъ заведены были таковые заводы. Въ похвалу сего правленія по военной части надлежитъ упомянуть объ отмѣнѣ несправедливаго постановленія о жалованьи: иностранцы, находившіеся въ нашей службѣ, получали жалованье превосходнѣйшее противу природныхъ русскихъ; Анна Іоанновна повелѣла всѣмъ служащимъ производить равное содержаніе.

Хотя прилагала она попеченіе о флотѣ, совершенно пренебреженномъ по кончинѣ Петра Великаго, но не успѣла поставить оный на ту степень, въ каковой мы видѣли морскія россійскія силы во дни Екатерины Великой, переносящіяся изъ одного океана въ другой и приводящія въ трепетъ горделивый Стамбулъ.

Торговля Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны производилась успѣшно. Россія отпускала за море: поташъ, юфть, ленъ, пеньку, желѣзо, строевой и корабельный лѣсъ, разный хлѣбъ, медъ, воскъ, сало, мѣха. Отъ англичанъ получала: олово, сви-

нецъ, кубовую краску, различныя желѣзныя издѣлія, кампешъ, квасцы и въ большомъ количествѣ сукна, полотняные и кисейные товары. Голландцы доставляли соль, сукна, полотна и множество пряныхъ кореньевъ. Торговля съ сими народами, какъ и со Швеціею, обращалась въ выгоду Россіи. Хотя не было непосредственной торговли съ Франціею, хотя рѣдко и видѣли въ нашихъ пристаняхъ купеческія суда сей державы, но Франція, наводняя Россію винами своими, богатыми штофами, парчами, бархатами, шелковыми издѣліями, кружевами и всякими бездѣлушками, питающими роскошь, похитила отъ нея все золото, торговлею съ англичанами пріобрѣтенное. Сухопутная торговля происходила съ Китаемъ, Персіею и другими азіатскими народами.

Подкрѣпляя сибирскіе желѣзные и мѣдные заводы знатными денежными суммами, для правильнѣйшей разработки рудниковъ и горнаго производства, императрица посылала молодыхъ людей въ чужіе края обучаться рудному дѣлу и выписала изъ Саксоніи, по соглашенію съ тамошнимъ дворомъ, опытныхъ рудоковъ и искусныхъ горныхъ чиновниковъ. При сей Государынѣ, для управленія горною частью, учреждена была генералъ-оберъ-директорія, изданы штаты и положенія для заводовъ, открытъ г. Татищевымъ [1]) богатый Гороблагодатскій рудникъ, учинены важныя поощренія вольнымъ промышленникамъ и пожалованы имъ къ заводамъ казенные крестьяне. Запущенные Нерчинскіе сереброплавильные заводы при ней начали поправляться.

При сей Государынѣ были предприняты морскія путешествія по Ледовитому морю, для открытія пути въ Восточной океанъ; къ берегамъ Америки, для обозрѣнія Алеутскихъ острововъ; изслѣдованы и описаны нѣкоторые изъ Курильскихъ острововъ.

Заведеніе при академіи наукъ, въ Петербургѣ, гимназіи и училища живописнаго и рѣзнаго художествъ, а особенно учрежденіе знаменитаго кадетскаго корпуса, обогатившаго Россію превосходными офицерами, и въ коемъ, при самомъ зарожденіи онаго, для Беллоны образовался славный Румянцевъ, для Мель-

---

[1]) Василій Никитичъ Татищевъ, знаменитый нашъ бытописатель. Прим. рукоп.

помены явился Сумароковъ,—привлекаютъ благодарность нашу къ именамъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, предстательствомъ коихъ заведенія сіи получили начало свое.

Неприведенныя къ окончанію великія преднамѣренія Петра Великаго императрица ревностно помышляла довершить. Въ ея царствованіе графъ Минихъ окончилъ славный Ладожскій каналъ; при ней ежегодно отпускаемо было по двѣсти тысячъ рублей на усовершенствованіе канала Кронштадтскаго съ принадлежащими къ оному водоемами.

Въ пребываніе Анны Іоанновны въ Петербургѣ, столица сія украсилась многими новыми зданіями; въ адмиралтействѣ построена башня и, вмѣсто бо́льшей части деревянныхъ домовъ, въ городѣ сооружены каменные. Хотя, впрочемъ, надлежитъ признаться, что вкусъ въ зодчествѣ былъ не самый изящнѣйшій: онъ представлялъ смѣшеніе италіанской, французской и голландской архитектуры. Послѣдней наиболѣе слѣдовали, вѣроятно, потому, что великій преобразователь Россіи почерпнулъ таковой вкусъ во время пребыванія своего въ Саардамѣ, гдѣ державная длань сего чудеснаго мужа, метавшая громы во враговъ, изливавшая безчисленныя щедроты на подданныхъ, не возгнушалась, въ поученіе россіянъ, упражняться въ строеніи кораблей.

Мудрый Петръ вѣдалъ, что въ имперіяхъ, гдѣ процвѣтаютъ мануфактуры, фабрики, художества, рукомесла, тамъ роскошь полезна; обращая деньги въ нѣдрахъ государства, привлекаетъ она золото изъ чужихъ земель. Напротивъ того, въ державахъ, лишенныхъ сихъ пособій, роскошь крайне пагубна: ибо, питая ее, таковыя государства всѣ издѣлія вкуса, щегольства, прихоти—получаютъ отъ руки чужеземной. Все выписываютъ отъ другихъ, за все платятъ звонкою монетою. Почему великій монархъ всемѣрно устранялъ отъ двора своего суетную пышность и роскошь раззорительную. Вельможа времени Петра Великаго не старался отличать себя позлащенною одеждою. Преемники сего государя не съ подобною мудростію взирали на этотъ предметъ. Совокупленіе азіатской пышности съ изощренною роскошью европейскою впервые появилось при россійскомъ дворѣ при Екатеринѣ I, умножилось при Петрѣ II, а въ царствованіе Анны Іоанновны пышность при дворѣ, великолѣпіе въ строеніяхъ, роскошь въ убранствѣ дворцовъ, щегольство въ экипажахъ и одеждѣ—несрав-

ненно превышали времена всѣхъ ея предшественниковъ; однако, въ похвалу сей Государыни замѣтить надлежитъ, что расходы двора были распоряжаемы столь благоразумно, что не токмо не выступали изъ обыкновенно отпускаемой суммы, но ежегодно сберегались въ запасѣ иногда и довольно значительные остатки. Для умноженія царскаго сокровища алмазными и другими вещами, для убранства и украшенія дворцовъ и загородныхъ домовъ, Анна Іоанновна употребила многіе милліоны рублей. Богатый ея золотой столовый приборъ употреблялся и при Екатеринѣ Великой.

Въ заключеніе скажемъ, что царствованіе императрицы Анны Іоанновны представляетъ разительное смѣшеніе добра и зла народнаго. Съ одной стороны, удивляемся громкимъ побѣдамъ воинства благоустроеннаго, твердой системѣ правительства, полезнымъ преобразованіямъ, учрежденіямъ, заводимымъ для блага государства, видимъ императрицу Анну уважаемою сѣверными державами, поддерживающею корону на главѣ польскаго короля, ласкаемою сильнѣйшимъ европейскимъ монархомъ Карломъ VI. Видимъ въ сіе время людей необыкновенныхъ и въ войскѣ и въ службѣ гражданской. Минихъ, Ласси, Левашевъ, Румянцевъ, Кейтъ, Левендаль, Леонтьевъ, Штофельнъ, Репнинъ, Загряжской, Сперейтеръ, Шпигель, Бутурлинъ, Гохмутъ, Дебрини, Ферморъ, Апраксинъ—являютъ и мужество и дарованія отличныя на ратномъ полѣ: нѣкоторые изъ нихъ вносятъ имя свое въ храмъ безсмертія. Остерманъ, Трубецкой, Салтыковъ, Чернышевъ, Волынскій, Головкинъ, Бестужевы, Куракинъ, Панинъ, Бибиковъ, Вельяминовъ, Татищевъ—съ честію и похвалою трудятся въ кабинетѣ, судахъ, въ управленіи областей и градовъ; и изъ нихъ нѣкоторые, подобно знаменитымъ воинамъ, содѣлываютъ себя извѣстными потомству. Съ другой стороны—съ трепетомъ поражаемся народнымъ бѣдствіемъ. Непрерывныя брани, алчнсе и ничѣмъ необузданное лихоимство Бироново, неурожаи хлѣбные въ бо́льшей части Россіи—привели народъ въ крайнюю нищету. Для понужденія къ платежу недоимокъ употребляли ужаснѣйшія безчеловѣчія, пригодящія въ содроганіе и помышляющихъ объ оныхъ; унынie, стонъ, слезы, вопль—распространились во всей имперіи. Съ ужасомъ усматриваемъ жестокія гоненія, заточенія въ темницы,

пытки, ссылки и самую смерть, коимъ преданы были многія полезныя, заслуженныя и знаменитыя особы, всѣ почти по одному подозрѣнію, либо по личной ненависти и мщенію, что и обнаруживаетъ явное неправосудіе—главный порокъ вѣнценосцевъ.

Напослѣдокъ, съ горестію должно сказать, что монархиня обширнѣйшаго въ свѣтѣ и славнаго государства, надѣленная отъ природы многими добродѣтелями, чрезъ непомѣрное снисхожденіе и даже, можно сказать, подобострастіе, своенравному, злобному и кровожадному наперснику, помрачила все сіяніе правленія своего. Современники въ глубинѣ сердца порицали страсть Анны Іоанновны къ злодѣю; но, благоговѣя къ предержащей власти, не смѣли роптать явно, все съ терпѣніемъ переносили. Потомство, безъ лицепріятія разсматривая дѣянія всѣхъ, судитъ и владыкъ земныхъ: оно не престанетъ обвинять Анну Іоанновну за то, что допустила именемъ своимъ совершать насилія, жестокости, злодѣянія. Тотъ, кто, имѣя власть въ рукахъ своихъ, не останавливаетъ бѣдствія народнаго, содѣлывается врагомъ народа и имя его неизбѣжно предается безславію и справедливому порицанію потомства.

Обозрѣніе Бирона регентства.

[Зап. Манштейна, стр. 195—203].

Слѣдуя древнему обычаю, немедленно по преставленіи Анны Іоанновны, отворили двери почивальной ея. Огорченный оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ вышелъ въ собраніе, со слезами извѣстилъ о кончинѣ императрицы, и пригласилъ всѣхъ къ тѣлу усопшей. Всѣ, въ страшной неизвѣстности о будущемъ, поражены были чрезвычайною печалью; вопль распространился по дворцу. Принцесса Анна была удручена величайшею скорбью. Изъ почивальной вынесли ее въ безпамятствѣ въ другую комнату. Тамъ, опамятовавшись, сидѣла она въ глубокой задумчивости, обливаясь горькими слезами. Бирон громко рыдалъ и казался отчаяннымъ; но скоро миновалось отчаяніе лукаваго честолюбца. Чрезъ нѣсколько минутъ, приказалъ онъ объявить постановленіе о регентствѣ. Генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой отперъ шкафъ, вынулъ изъ онаго постановленіе, подошелъ къ свѣчамъ и началъ читать бумагу. Бирон, примѣтя, что принцъ Брауншвейгскій неподвижно стоялъ за стуломъ супруги своей, тотчасъ сказалъ ему: «Не угодно-ли и вамъ, вмѣстѣ съ другими, выслушать послѣднюю волю императрицы?» Принцъ, не отвѣчая ни слова, подошелъ къ боярамъ, вокругъ Трубецкаго толпившимся, и съ спокойнымъ духомъ слушалъ приговоръ собственный и своей супруги. По прочтеніи постановленія, герцогъ пошелъ въ свои комнаты, а принцесса Анна съ супругомъ удалились въ покои малолѣтняго императора и наступающую ночь провели у колыбели младенца. Надлежитъ замѣтить, что какъ скоро ребенокъ сей появился на свѣтъ, то покойная императрица взяла его подъ собственный свой надзоръ и помѣстила въ комнатѣ подлѣ почивальной своей.

Ночь всю скрывали отъ народа о смерти императрицы и повсюду усилили караулы; на разсвѣтѣ слѣдующаго дня вывели полки лейбъ-гвардіи и другіе, въ Петербургѣ находившіеся, и построили подъ ружьемъ на Дворцовой площади. Въ девять часовъ (утра) собрались ко двору: духовенство, сенатъ и всѣ прочія знатныя особы. Графъ Остерманъ, обливаясь слезами, возвѣстилъ собранію о преставленіи императрицы и приказалъ секретарю прочесть постановлёніе о регентствѣ. Послѣ этого всѣ пошли въ придворну́ю церковь и тамъ дали присягу въ вѣрности младому императору и регенту. Изъ церкви же отправились къ герцогу для принесенія поздравленія. Бирономъ, подойдя къ сенаторамъ, произнесъ:

— «Излишнимъ почитаю напоминать вамъ о продолженіи усердія, съ каковымъ доселѣ споспѣшествовали вы приращенію благоденствія и славы отечества. Надѣюсь твердо, что нѣжный возрастъ малолѣтняго императора послужитъ вамъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Будьте удостовѣрены, что всѣ часы жизни моей я готовъ посвящать на служеніе имперіи; слѣдственно, вы не можете представить мнѣ убѣдительнѣйшихъ опытовъ довѣренности къ чистотѣ моихъ помышленій, какъ непосредственно и прямо относясь ко мнѣ во всѣхъ случаяхъ, когда встрѣтите надобность для блага государства въ новомъ законоположеніи, или въ искорененіи злоупотребленій, вкравшихся въ различныя вѣтви государственнаго управленія. Я не буду имѣть наперсниковъ и двери мои всегда будутъ отверзты для благонамѣренныхъ людей».

Послѣ сего привѣтствія, откланялся и позвалъ во внутренніе покои графовъ Миниха и Остермана, князя Черкаскаго и тайнаго совѣтника Бестужева. Тамъ благодарилъ ихъ за оказанную къ нему приверженность, и, увѣривъ, что не оставитъ на самомъ дѣлѣ изъявить имъ признательность свою, просилъ этихъ господъ вспомоществовать ему добрыми совѣтами.

Того же утра, регентъ перевезъ малолѣтняго императора въ зимній дворецъ, изъявивъ согласіе, чтобы и родители его туда переселились. Самъ же остался въ лѣтнемъ дворцѣ, предполагая переѣхать изъ онаго по погребеніи тѣла покойной императрицы. Вечеромъ навѣстилъ онъ императора и родителей его. Изъявивъ

принцессѣ соболѣзнованіе о преставленіи императрицы, удостовѣрилъ, что онъ сдѣлалъ распоряженіе о произвожденіи ей содержанія соотвѣтственнаго высокой ея породѣ. Доселѣ принцесса получала общее содержаніе съ императорскимъ дворомъ. Бирономъ опредѣлилъ на собственные ея расходы по двѣсти тысячъ рублей серебромъ ежегодной пенсіи.

По учрежденіи тайнаго кабинета, правительствующій сенатъ утратилъ много изъ прежняго своего достоинства и преимуществъ. Желая польстить сему верховному судилищу и привязать къ себѣ членовъ онаго, Бирономъ часто ѣздилъ въ сенатъ и присутствовалъ въ оном. Сенатъ, въ изъявленіе признательности своей, просилъ регента принять по пятисотъ тысячъ рублей ежегодно на содержаніе двора его и, находя, что титулъ свѣтлости не приличествуетъ важности званія правителя столь великой имперіи, поднесъ ему проименованіе высочества. Бирономъ принялъ сіе приношеніе, съ условіемъ, чтобы и принца Брауншвейгскаго, въ качествѣ родителя императора, равномѣрно величали высочествомъ.

Чѣмъ болѣе возвышался Бирономъ, тѣмъ сильнѣе разверзалась ужаснѣйшая пропасть, готовившаяся поглотить его. Не прошло еще и одной недѣли по кончинѣ Анны Іоанновны, какъ начали доходить до регента слухи о ропотѣ въ народѣ противъ правленія его. Лейбъ-гвардіи капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамаковъ взяты были подъ стражу за нескромныя рѣчи и преданы пыткѣ. Бирономъ домогался вывѣдать отъ нихъ—въ чемъ состояло злоумышленіе ихъ и кто были сообщники ихъ? Но не могъ ничего исторгнуть отъ нихъ, и вся вина ихъ оказалась единственно въ изъявленіи неудовольствія, въ простомъ между собою разговорѣ. Въ то же время преданъ былъ пыткѣ одинъ кабинетской секретарь. Его обвиняли, что онъ предварительно показывалъ обѣимъ принцессамъ на-черно написанное постановленіе о регентствѣ, и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на несправедливость сего распоряженія. Но всѣ сіи жестокости не произвели дѣйствія, Бироном ожидаемаго: вмѣсто того, чтобы устрашить прочихъ, онѣ вящше раздражали умы и всѣхъ возбуждали ко мщенію.

Среди сихъ происшествій, получено было извѣстіе о кончинѣ Карла VI, умершаго въ Вѣнѣ 10-го (21-го) октября. Императоръ завѣщалъ наслѣдственныя австрійскія владѣнія старшей дщери

своей Маріи Терезіи. Король прусскій, курфирсты саксонскій и баварскій предъявляли притязанія на наслѣдіе сіе и намѣревались вооруженною силою подкрѣплять права свои. Война долженствовала возгорѣться въ Германіи. Не вѣдали еще, что предпріиметъ регентъ *въ обстоятельствахъ, столь важныхъ для наслѣдницы* Австрійской монархіи. Но послѣ, по паденіи Бирона, сдѣлался извѣстнымъ тайный договоръ, заключенный имъ съ саксонскимъ дворомъ, по коему регентъ, вопреки ручательства покойной императрицы по прагматическому уложенію Карла VI, *обѣщалъ не противиться требованіямъ, каковыя Августъ*, король польскій, въ качествѣ курфирста саксонскаго, супруга и дѣти его предъявятъ на наслѣдіе австрійскихъ владѣній. Въ замѣну сего, польскій король обѣщалъ охранять права Бирона и наслѣдниковъ его на обладаніе герцогствомъ курляндскимъ. Обязательство это было единственное, *заключенное Бирономъ съ иностранною* державою.

Хотя, въ первые дни регентства, Биронъ тщательно занимался снисканіемъ свѣдѣній о состояніи военныхъ силъ и государственныхъ доходовъ, однако никакихъ предположеній ко благу Россіи не послѣдовало, *и во внутреннихъ распоряженіяхъ имперіи не сдѣ*лалъ онъ ничего достопримѣчательнаго. Дабы польстить народу и ознаменовать восшествіе на престолъ малолѣтняго императора и свое вступленіе въ правленіе, освободилъ онъ отъ четырехъ-мѣсячнаго подушнаго оклада. Между тѣмъ, всѣ улицы Петербурга *наполнены были караулами и разъѣздами; повсюду были раз*сыпаны наушники и доносчики. Не проходило ни одного дня, чтобы регентъ не получалъ доноса и не приказывалъ брать подъ стражу и предавать истязаніямъ всякаго званія людей. Вина сихъ несчастныхъ заключалась единственно въ неосторожныхъ разговорахъ. Наконецъ, Биронъ получилъ *свѣдѣніе о большомъ* заговорѣ. Вотъ подробности онаго.

Графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, сынъ государственнаго канцлера, по породѣ и по высокимъ связямъ супруги своей, справедливо почитался въ государствѣ знаменитымъ вельможею. Украшенный россійскими орденами и возведенный на *высшія* степени, былъ самый снисходительный, добродѣтельный и любящій отечество мужъ. Супруга его Екатерина Ивановна, благотвори-

тельная и сострадательная боярыня, была дочь князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, имѣвшаго въ супружествѣ Наталію Ѳедоровну Салтыкову, родную сестру царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Слѣдовательно, графиня Головкина была двоюродная сестра императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, а правительницѣ—тетка. Въ первые годы царствованія государыни Анны Іоанновны, графъ Головкинъ пользовался при дворѣ большимъ уваженіемъ, но подъ конецъ благоволеніе монаршее къ нему весьма уменьшилось; причиною тому было безпристрастное сужденіе сего вельможи о поступкахъ Бирона. И такъ, не ожидая себѣ ничего добраго отъ врага, похитившаго верховную власть, графъ Головкинъ помышлялъ о низверженіи деспота. Но средство, которое намѣревался онъ употребить для сего, едва не обратилось на собственную его гибель. Благодушіе и благосклонность хозяевъ привлекали гостей въ домъ графа Головкина; множество недовольныхъ отставныхъ офицеровъ находили тутъ убѣжище и отраду. Въ одинъ день, когда посѣтили его нѣкоторые изъ нихъ, на преданность коихъ могъ онъ твердо полагаться, графъ спросилъ у нихъ:

— О чемъ говорятъ въ городѣ?

Они отвѣчали, что всѣ вообще негодуютъ на возвышеніе Бирона и соболѣзнуютъ объ участи принцессы Анны. Что они знаютъ многихъ гвардейскихъ офицеровъ, готовыхъ на все отважиться для отмщенія оскорбленія, нанесеннаго родительницѣ императора. Но сіи офицеры, какъ и прочіе благомыслящіе люди, не имѣя руководителя, не вѣдаютъ какъ приступить къ сему важному дѣлу. Графъ отвѣчалъ, что, по мнѣнію его, лучшее средство послѣдовать примѣру, употребленному въ Москвѣ въ 1730 г. при возстановленіи самодержавія, т. е. что всѣ благонамѣренные патріоты долженствуютъ въ назначенный для того день собраться въ извѣстномъ домѣ и цѣлымъ обществомъ отправиться къ принцессѣ съ просьбою, дабы она избавила государство отъ ненавистнаго всѣмъ регента и бразды правленія приняла бы въ свои руки. Гости, одобривъ предполагаемый способъ, просили графа быть главою общества благонамѣренныхъ; но сей хворый и мучимый подагрою вельможа не могъ принимать личнаго участія въ предполагаемомъ предпріятіи, а совѣтовалъ имъ обратиться

къ князю Черкаскому, увѣряя, что министръ сей столь же охотно склонится на представленіе ихъ, какъ и прежде поступилъ онъ, при поднесеніи императрицѣ Аннѣ прошенія объ отрѣшеніи аристократическаго правленія. Давъ таковой совѣтъ и отобравъ обѣщаніе, чтобы о немъ ничего не упоминали, графъ просилъ, дабы, не отлагая вдаль, завтрашній же день, пригласивъ и другихъ недовольныхъ, всѣ вмѣстѣ явились къ князю Черкаскому. Согласно съ симъ предположеніемъ, на другой день недовольные собрались къ князю Черкаскому, объявили о причинѣ прибытія своего и, напомнивъ о прежнемъ подвигѣ его, столь достохвальномъ и полезномъ для общества, просили князя отправиться съ ними къ принцессѣ и представить ея высочеству о желаніи народа. Князь Черкаскій, спокойно выслушавъ просителей, съ притворнымъ видомъ одобрилъ намѣреніе ихъ и, подъ предлогомъ отправленія дѣлъ нетерпящихъ отлагательства, пригласилъ ихъ придти къ нему на другой день. Едва они вышли изъ дома его, какъ оробѣвшій князь, страшась гибельныхъ для себя послѣдствій отъ сего заговора, немедленно поскакалъ извѣстить Бирона о сдѣланномъ предложеніи. Тотчасъ захватили всѣхъ приходившихъ къ князю Черкаскому; заключили въ темницы и мучили пытками, допрашивая о числѣ и именахъ прочихъ соучастниковъ. Несчастные объявили о нѣкоторыхъ, но, превозмогая всѣ истязанія, никто не упомянулъ о графѣ Головкинѣ. Въ числѣ обличенныхъ жертвъ находился Грамматинъ, правитель россійской канцеляріи принца Брауншвейгскаго. Подъ истязаніями пытки Грамматинъ не токмо признался, что зналъ объ упомянутомъ заговорѣ, но открылъ еще и о другомъ важнѣйшемъ, къ составленію котораго употреблялся онъ по согласію принца. Предполагали подговорить офицеровъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившагося подъ начальствомъ принца Брауншвейгскаго, и потомъ, склонивъ весь полкъ, идти во дворецъ и во что бы ни стало захватить Бирона и всѣхъ его приверженниковъ. Грамматинъ успѣлъ открыться токмо одному капитану упомянутаго полка князю Путятину, который обѣщалъ убѣждать прочихъ офицеровъ. Князь Путятинъ, преданный истязаніямъ, признался и объявилъ о двухъ капитанахъ и объ одномъ поручикѣ, которыхъ подговорилъ онъ принять участіе въ заговорѣ.

Открытіе сихъ покушеній долженствовало убѣдить Бирона сколь ненавистно было правленіе его; что всѣ мученія пытокъ недостаточны къ предохраненію тирановъ отъ справедливой мести раздраженнаго общества! Деспотъ сей легкомысленно возлагалъ надежду на вѣрность двухъ гвардейскихъ полковъ, Измайловскаго и Коннаго, изъ коихъ первымъ начальствовалъ братъ его Густавъ, а другимъ сынъ его Петръ. Желая показать предъ всѣми, сколь мало опасается онъ принца Брауншвейгскаго, призвалъ его къ себѣ и, въ присутствіи многочисленнаго собранія, Бironъ въ ярости выговаривалъ за покушеніе къ составленію заговора, называлъ принца неблагодарнымъ, кровожаждущимъ, и присовокупилъ, что поступками своими неминуемо лишится онъ всего. А какъ при послѣднихъ словахъ принцъ нечаянно положилъ лѣвую руку на эфесъ своей шпаги, то регентъ, принявъ сіе за угрозу и ударяя по своей, съ жаромъ закричалъ:

— «Если сомнѣваетесь, чтобъ рѣшился я раздѣлаться съ вами и симъ путемъ, то извольте испытать».

Наконецъ, по произнесеніи и другихъ рѣчей, внушенныхъ злобою и ненавистью, на которыя принцъ кратко возразилъ, что онъ отнюдь не обязанъ отвѣтствовать за «слова и поступки секретаря своего»,—разстались они съ бо́льшимъ противу прежняго негодованіемъ и ожесточеніемъ.

На другой день регентъ поручилъ барону Миниху [1]), брату фельдмаршала, объясниться съ принцемъ Брауншвейгскимъ. Въ отвращеніе дальнѣйшихъ неудовольствій и для пресѣченія всякаго подозрѣнія, предложили принцу добровольно отказаться отъ всѣхъ должностей, занимаемыхъ имъ въ войскѣ. Принцъ долженствовалъ покориться судьбѣ и уступить силѣ; присланный отъ него г. Кайзерлингъ объявилъ регенту, что принцъ слагаетъ съ себя всѣ военныя почести. Обрадованный Бironъ немедленно извѣстилъ объ ономъ гвардію и прочіе полки. Не удовольствовавшись симъ, деспотъ послалъ сказать принцу, что онъ совѣтуетъ ему не выѣзжать изъ дворца, дабы народъ, раздра-

---

[1]) Баронъ Христіанъ Вильгельмъ Минихъ, умершій въ 1768 г., былъ впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-гофмейстеръ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра. Примѣч. руков.

женный за множество людей, по винѣ его заключенныхъ въ темницы и преданныхъ истязаніямъ, не нанесъ особѣ его какого либо оскорбленія. Сколь дерзновенно поступалъ Бирономъ съ родителями самодержца своего! Всѣ съ трепетомъ ожидали злѣйшихъ послѣдствій. Опасались, что принцъ съ супругою будутъ или отправлены въ Германію, или отосланы въ какую нибудь удаленную область Россійскаго государства. Но внезапно одинъ рѣшительный мужъ предпринялъ отважное намѣреніе ниспровергнуть могущественнаго Бирона и паденіемъ его прекратить всѣ бѣдствія отечества.

Ноября 8-го числа, предъ полуднемъ, графъ Минихъ, по обыкновенію, пріѣхалъ къ принцессѣ засвидѣтельствовать почтеніе свое. Нашедши ее одну, воспользовался симъ случаемъ. Съ жаромъ и величайшимъ искусствомъ описалъ онъ бѣдственное состояніе государства, насиліе и жестокости Бирона. Представилъ опасность, угрожающую самой принцессѣ, если правленіе долѣе останется въ рукахъ неукротимаго ея врага. Обѣщалъ предать во власть ея Бирона низверженнаго и просилъ дозволить приступить къ исполненію безъ малѣйшаго отлагательства. А для одобренія въ семъ предпріятіи офицеровъ и рядовыхъ убѣждалъ принцессу, дабы она благоволила лично присутствовать при совершеніи онаго. Обрадованная Анна Карловна съ неизреченнымъ удовольствіемъ приняла неожиданное предложеніе фельдмаршала; умъ и мужество его подавали несомнѣнную надежду къ успѣху. Положили, чтобы графъ Минихъ въ наступающую ночь прибылъ въ зимній дворецъ и взялъ отъ караула онаго потребное число рядовыхъ. Получивъ отъ принцессы увѣреніе, что тайны сей никому она не откроетъ, даже и супругу своему, фельдмаршалъ отправился прямо къ Бирону, и остался у него обѣдать. Возвратясь домой, нетерпѣливо ожидалъ онъ приближенія ночи.

Въ тотъ же вечеръ молодая графиня Минихова [1]), невѣстка фельдмаршала, не имѣя ни малѣйшаго свѣдѣнія о преднамѣреніи тестя своего, пріѣзжала къ герцогинѣ, провела тутъ вечеръ, ужинала у нея вмѣстѣ съ регентомъ и почти до полуночи про-

---

[1]) Жена оберъ-гофмейстера Миниха, урожденная Менгденова.
Примѣч. рукоп.

была съ ними. Прощаясь съ графинею, Бирон̈ъ препоручилъ ей сказать фельдмаршалу, что, по погребенiи тѣла императрицы, онъ получитъ такой подарокъ, что въ состоянiи будетъ заплатить всѣ свои долги.

Въ два часа по полуночи, фельдмаршалъ съ однимъ только своимъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ, поѣхалъ во дворецъ, и чрезъ нарочно оставленныя незапертыми ворота вошелъ въ покои фрейлины баронессы Іуліаны Менгденъ, родной сестры молодой графини Миниховой. Фрейлина Менгденова, имѣя отъ принцессы предварительное повелѣнiе, въ ту же минуту пошла разбудить ее. Правительница не замедлила выйти. Графъ представилъ, что насталъ часъ рѣшить судьбу Бирона, вновь просилъ принцессу, дабы она личнымъ своимъ присутствiемъ подкрѣпила предпрiятiе. Но не могши преклонить на сiе, исходатайствовалъ позволенiе представить ей караульныхъ офицеровъ; просилъ объявить имъ волю свою и возбудить ихъ къ усердному исполненiю. На послѣднее принцесса согласилась, и когда офицеры вошли, она изволила сказать имъ:

— «Извѣстны вамъ оскорбленiя, нанесенныя государю вашему, мнѣ и супругу моему. Наглость регента ежедневно возрастаетъ, терпѣнiе мое истощилось, и я рѣшилась наказать тирана. Твердо надѣюсь, что вы, господа, всѣ, дышущiе честiю, не отречетесь оказать императору и родителямъ его важнѣйшую услугу: возьмете подъ стражу Бирона, котораго насилiе и жестокосердiе терзаютъ несчастное наше отечество. И такъ, убѣдительнѣйше прошу васъ послѣдовать за фельдмаршаломъ, и ревностно исполнять всѣ его приказанiя: вѣрность и усердiе ваше получатъ достойное возмездiе»

Произнеся сiе, принцесса обняла фельдмаршала и допустила къ рукѣ офицеровъ, пожелавъ имъ счастливаго успѣха. Графъ Минихъ, сошедши въ караульную, объявилъ о повелѣнiи принцессы. Весь караулъ единогласно отвѣчалъ, что онъ готовъ голову положить, дабы избавиться отъ жестокаго регента. Фельдмаршалъ, приказавъ караулу зарядить ружья, взялъ онаго трехъ офицеровъ и восемьдесятъ гренадеровъ и отправился съ ними въ лѣтнiй дворецъ, гдѣ жилъ Бирон̈ъ и гдѣ тѣло покойной императрицы выставлено было на парадной кровати. Тамъ находилось въ карауле триста человѣкъ. Еслибы они были преданы

регенту, то, безъ сомнѣнія, поставили-бъ непреоборимую препону умышляемому предпріятію; но фельдмаршалъ, по благоразумной предосторожности, назначилъ къ исполненію такой день, въ который караулъ при обоихъ дворцахъ занятъ былъ Преображенскимъ *полкомъ*, *состоявшимъ подъ личнымъ его начальствомъ*. Въ разстояніи ста шаговъ отъ лѣтняго дворца, онъ послалъ впередъ одного офицера съ повелѣніемъ караульному капитану, чтобы онъ съ двумя офицерами немедленно явился къ фельдмаршалу. Офицеры сіи въ то же мгновеніе пришли; Минихъ, съ *извѣстною его твердостію и умомъ*, объявивъ о причинѣ прихода своего и о повелѣніи принцессы арестовать Бирона, приказалъ, чтобы соблюдали глубочайшую тишину и не дѣлали ни малѣйшаго шума. Чтобы караулъ неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ и ни одинъ часовой не трогался съ поста. Офицеры, пріученные повиноваться повелительному гласу сего полководца, обѣщали все въ точности выполнить и немедленно отдали согласный съ тѣмъ приказъ своимъ караульнымъ. Послѣ сего графъ Минихъ, подошедши къ самому въѣзду дворца, отрядилъ г. Манштейна съ двадесятью рядовыми, приказавъ захватить герцога живаго или мертваго. Манштейнъ шелъ съ крайнею осторожностію, потихоньку. Всѣ часовые, узнавъ о предпріятіи, по данному имъ приказу, свободно пропустили его, не оказавъ ни малѣйшаго сопротивленія. Вотъ убѣдительное доказательство, что никакая стража въ свѣтѣ не охранитъ злобнаго властителя, если не властвуетъ онъ надъ сердцами. Такимъ образомъ, Манштейнъ безъ всякаго затрудненія проникнулъ до комнаты, въ которой спалъ регентъ. А какъ двери оной изнутри были заложены желѣзнымъ запоромъ, то надлежало силою вломиться въ покой. Шумъ, отъ того происшедшій, разбудилъ Бирона. Объятый страхомъ, не вѣдалъ онъ куда скрыться и торопливо бросился подъ кровать; Манштейнъ отыскалъ тирана и вытащилъ изъ-подъ кровати. Обезумѣвшій регентъ мечталъ еще сопротивляться; оборонялся руками и ногами, но въ подобныхъ случаяхъ всякое уваженіе исчезаетъ. Гренадеры силою принудили Бирона къ покорности; схватили его, завязали ему платкомъ ротъ, скрутили руки, накинули на него шубу, вытащили изъ дворца и посадили въ подвезенную ко крыльцу карету. Выбѣжавшую за Бироном въ одной рубашкѣ герцогиню, и брошенную солдатами въ снѣгъ,

караульный капитанъ приказалъ одѣть и отвести обратно въ комнаты, гдѣ и приставили къ ней часовыхъ. Исполнивъ сіе, фельдмаршалъ поспѣшно поѣхалъ къ принцессѣ съ донесеніемъ о счастливомъ совершеніи предпріятія и привезъ съ собою низверженнаго съ высоты величія Бирона. Анна, находившаяся въ чрезвычайномъ безпокойствіи и страхѣ, съ несказанною радостью приняла графа Миниха.

Въ ту же ночь взяты подъ стражу Густавъ Бирон ъ, братъ регента, и кабинетскій министръ тайный совѣтникъ Бестужевъ, обвиняемый въ непомѣрной приверженности къ деспоту.

Предъ разсвѣтомъ дня зимній дворецъ окруженъ былъ непроходимыми толпами народа; всѣ комнаты онаго наполнены были всякаго званія людьми; въ восторгѣ, едва вѣрили столь счастливому событію. Анна Карловна, облекши себя титуломъ великой княгини въ качествѣ правительницы имперіи, изволила, при пушечной пальбѣ, принять присягу отъ всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ, въ придворной церкви. Собравшеся около дворца войско присягало на площади. Обрадованный народъ спѣшилъ въ церкви, съ искреннимъ сердцемъ цѣловалъ крестъ и торжественно обѣщалъ вѣрность правительницѣ. Во всѣ области Россійскаго государства и ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ посланы были нарочные гонцы съ симъ извѣстіемъ.

Содѣйствіе графа Миниха къ доставленію Бирону регентства и желанія его.

[Зап. Манштейна, стр. 196—197].

Несправедливо говоритъ г. Манштейнъ, что графъ Минихъ наиболѣе содѣйствовалъ въ доставленіи Бирону регентства. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ долженствовалъ покориться силѣ обстоятельствъ. Равно безъ основанія г. сочинитель упоминаетъ о желаніяхъ его. Графъ Минихъ, зная недовѣрчивый нравъ и неблагорасположеніе къ себѣ герцога, никакъ не могъ предполагать, чтобы въ награду согласія, изъявленнаго обще съ тремя другими особами, регентъ исполнилъ всѣ его желанія и ввѣрилъ ему главное управленіе государственными дѣлами. Тщеславіе могло возродить въ честолюбивой душѣ графа Миниха желаніе возвыситься на степень генералиссимуса; но проницательный умъ

его ясно видѣлъ, что одно покушеніе къ этому навлекло-бъ на него величайшее подозрѣніе. И дѣйствительно сказать могу, что въ продолженіе Биронова регентства не помышлялъ онъ объ ономъ; но желалъ единственно, чтобы правительство заплатило долги его. Не по причинѣ неудачи въ исполненіи желаній своихъ, ниже по какому либо отказу со стороны регента, Минихъ рѣшился ниспровергнуть сего страшнаго деспота. Любовь къ отечеству, проистекшая отъ того ревность прекратить народное бѣдствіе и опасеніе рано или поздно подвергнуться общему гоненію—руководствовали знаменитаго полководца.

О исканіи Минихомъ господарскаго достоинства.

[Зап. Манштейна, стр. 197].

Что принадлежитъ до сказанія г. Бишенга, помѣщеннаго въ примѣчаніи г. Манштейна, будто бы фельдмаршалъ, до покоренія еще Молдавіи, просилъ императрицу пожаловать его господаремъ сей области, а потомъ домогался о пожалованіи его герцогомъ украинскимъ, то оное, какъ и мнимый отзывъ Анны Іоанновны, совершенно пустая и вымышленная сказка, о которой г. Манштейнъ, какъ человѣкъ, испытавшій многія благодѣянія отъ графа Миниха, не долженствовалъ бы и упоминать.

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе государствомъ и поведеніе въ этомъ случаѣ графа Миниха.

[Зап. Маншт., стр. 203 и слѣд.].

Сочинитель недостовѣрно описалъ начало управленія государствомъ принцессы Анны. Вотъ нѣкоторыя подробности онаго. На другой день по низверженіи Бирона, графъ Минихъ, призвавъ къ себѣ рано поутру сына своего и барона Менгдена, спросилъ мнѣнія ихъ: кого слѣдуетъ по достоинству и чѣмъ пристойнѣе наградить? Послѣ нѣкотораго разсужденія о семъ, приказалъ онъ сыну взять перо и писать со словъ его.

Во первыхъ: просилъ ея высочество правительницу государства, чтобы она благоволила возложить на себя орденъ св. Андрея.

Во вторыхъ: во уваженіе важной заслуги, оказанной фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, пожаловать его генералиссимусомъ. Едва лишь окончилъ фельдмаршалъ послѣднія слова, какъ сынъ его сказалъ: «Конечно, по всей справедливости, никто не имѣетъ болѣе права требовать сего достоинства, какъ вы; но надлежитъ помыслить: не желаетъ ли принцесса на сію высокую степень (возвести) супруга своего? И такъ, дабы не подвергнуться отказу, не приличнѣе ли будетъ просить званія перваго министра, столь же важное какъ и первое?»

Фельдмаршалъ, согласясь на сіе замѣчаніе, спросилъ:

— Какъ-же преклонить графа Остермана быть подчиненнымъ первому министру?

— Доставивъ ему степень высшую отправляемой имъ вице-канцлерской должности,—былъ отвѣтъ сына и барона Менгдена. Фельдмаршалъ подхватилъ:

— Я вспомнилъ, что графъ Остерманъ, составляя въ 1732 году новое положеніе для флота, показывалъ желаніе быть великимъ адмираломъ; и такъ, мнѣ кажется, что онъ доволенъ будетъ этимъ повышеніемъ.

— Кому же предназначается званіе великаго канцлера, праздное съ давняго времени?—спросилъ молодой Минихъ, а какъ отецъ замедлилъ отвѣтомъ, то первый продолжалъ:

— Хотя князь Черкаскій, по послѣднему своему поступку, не заслуживаетъ награжденія; но какъ поведеніе его въ семъ случаѣ должно приписать болѣе робости, нежели прямой приверженности къ бывшему регенту, то я думаю, что великая княгиня, предавъ забвенію прошедшее, явитъ опытъ величія души, который можетъ несравненно сильнѣе содѣйствовать утвержденію ея правленія, чѣмъ всѣ розысканія и наказанія прежнихъ поступковъ. И такъ, по мнѣнію моему, не пристойно просить правительницу о возведеніи въ канцлерское достоинство князя Черкаскаго.

Наконецъ, дабы всѣ главнѣйшія государственныя должности заняты были природными россіянами, положили: графа Михаила Гавриловича Головкина предложить въ вице-канцлеры.

Такимъ образомъ, составя роспись о повышеніи чинами и о пожалованіи орденами, по уходѣ молодаго Миниха и барона Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю своему переписать

оную на-бѣло. Но, снѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе: «что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». Росписаніе сіе было утверждено великою княгинею.

Милости, оказанныя Правительницею.

[Зап. Манштейна, стр. 203].

Въ тотъ же день, около одиннадцати часовъ предъ полуднемъ, правительница, возложивъ на себя орденъ св. Андрея, вышла и допустила всѣхъ къ рукѣ. Потомъ, именемъ императора объявлены слѣдующія повышенія и награды: принцъ Брауншвейгскій всемилостивѣйше пожалованъ генералиссимусомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ; фельдмаршалъ графъ Бурхардъ-Христофоръ Минихъ первымъ министромъ; графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ великимъ адмираломъ съ оставленіемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій великимъ канцлеромъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ вице-канцлеромъ съ повелѣніемъ присутствовать ему въ тайномъ кабинетѣ. Генералъ-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, оберъ-шталмейстеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и адмиралъ графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ получили орденъ св. Андрея, а тайный совѣтникъ и московскій губернаторъ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ Василій Ивановичъ Стрешневъ, зять графа Остермана, и коммерцъ-коллегіи президентъ баронъ Менгденъ—орденъ св. Александра Невскаго. Послѣ возвѣщенія о сихъ милостяхъ, правительница возвратилась во внутренніе покои и, призвавъ графа Миниха, вручила указъ о пожалованіи ему ста тысячъ рублей серебромъ. Оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ получилъ восемьдесятъ тысячъ рублей, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Минихъ двадцать тысячъ рублей; графъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, пожалованъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, а гофмаршалу Шепелеву и генералъ-маіору Апраксину, извѣстному потомъ побѣдою при Егерндорфѣ надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ, пожалованы богатыя помѣстья.

Весь народъ россійскій ощутилъ благотворную перемѣну въ

правленіи; сострадательное и милосердое сердце правительницы устремилось къ облегченію участи несчастныхъ, пострадавшихъ подъ грознымъ деспотизмомъ Бирона, какъ въ регентство его, такъ и въ государствованіе Анны Іоанновны. Каждый день просматривала она дѣла о важнѣйшихъ ссылочныхъ, предоставивъ сенату облегчить судьбу прочихъ. Число всякаго званія людей, томившихся въ заточеніи, простиралось до многихъ тысячъ человѣкъ. Находившіеся подъ истязаніемъ въ Петербургѣ немедленно были освобождены; всѣ, въ знакъ прощенія, прикрыты знаменемъ, и многіе за безвинно претерпѣнное гоненіе повышены чинами, опредѣлены къ должностямъ, или получили какія другія награды.

Таковое прекрасное вступленіе въ правленіе, доказывая о превосходствѣ сердца правительницы, долженствовало бы предвѣщать благополучную участь самой великой княгини. Но въ книгѣ судебъ предначертанъ былъ ей жребій самый злополучный.

Минихъ не получалъ отъ правительницы отказа на просьбы свои.

[Зап. Манштейна, стр. 204—208].

Предыдущее замѣчаніе опровергаетъ заключеніе г. Манштейна, что графъ Минихъ въ первый день правленія великой княгини Анны получилъ отказъ на просьбу свою о возведеніи его въ достоинство генералиссимуса и о пожалованіи герцогомъ курляндскимъ: отъ перваго желанія отклонилъ фельдмаршала сынъ его, а послѣднее было слишкомъ безразсудно и не могло войти въ голову умнаго Миниха. Справедливо, что порицали выраженіе, прибавленное графомъ Минихомъ, объ уступленіи званія генералиссимуса принцу Брауншвейгскому; но никогда ни слова не слышно было при дворѣ, чтобы онъ домогался быть украинскимъ герцогомъ.

Встрѣченное затрудненіе въ перепискѣ между принцемъ Брауншвейгскимъ и Минихомъ.

[Зап. Манштейна, стр. 204—205].

Справедливо также, что, въ самомъ началѣ правленія великой княгини Анны, возникъ небольшой споръ между принцемъ и фельдмаршаломъ, объ образѣ переписки. Послѣдній, остававшійся прези-

дентомъ военной коллегіи, полагалъ сноситься сообщеніями; принцъ требовалъ донесеній; Минихъ, не желая изъ ничтожнаго дѣла заводить раздоръ, на все согласился.

О внушеніяхъ Остермана и о показаніи Бирона во вредъ Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 204—206].

Не внушенія хитраго графа Остермана, не извѣтъ герцога Курляндскаго, ниже мнимое опасеніе правительницы, были причиною удаленія графа Миниха. Фельдмаршалъ вѣдалъ необходимость заимствоваться совѣтами отъ гр. Остермана, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ дѣламъ государства. Великая княгиня равномѣрно знала о семъ, и тщетно бы Минихъ старался доказать противное. Низверженный регентъ показалъ: 1, что никогда бы не принялъ онъ на себя регентства, еслибы не просилъ его о томъ убѣдительно графъ Минихъ; 2, что если правительница не удовлетворитъ какой либо просьбѣ сего графа, то должна будетъ крайне помышлять о безопасности своей.

Принцесса, понявъ, что слова сіи произнесены ненавистью и мщеніемъ, точно въ семъ разумѣ приняла извѣтъ Бирона; равномѣрно не обращала она вниманія и на другія нелѣпости, во вредъ Миниха разсѣваемыя. Напримѣръ, старались увѣрить правительницу, будто бы фельдмаршалъ имѣлъ тайныя свиданія съ царевною Елисаветою Петровною. Принцъ Брауншвейгскій, негодовавшій на Миниха за то, что похитилъ у него честь низверженія Бирона, раздувалъ пламенникъ раздора. Хотя трудно согласиться, чтобы принцъ сей успѣлъ, съ подобною Миниху отважностью и быстротою, нанести Бирону смертельный ударъ, хотя очевидно было, что всякое отлагательство и мѣшкотность въ семъ случаѣ навлекли-бъ принцу неизбѣжную погибель, ибо Бironъ, несомнѣнно, умышлялъ объ изгнаніи его изъ Россіи или заточеніи въ отдаленную область,—но оскорбленное самолюбіе устраняло отъ себя таковыя разсужденія. Къ сему присоединить еще неудовольствіе и за то, что фельдмаршалъ казался мало преклоннымъ споспѣшествовать выгодамъ Австріи. Ниже объясню о настоящихъ причинахъ, побудившихъ графа Миниха просить увольненія, а принцессу согласиться на оное.

Предложеніе берлинскаго кабинета о заключеніи союза.

[Зап. Манштейна, стр. 207].

Саксонскій курфирстъ, заключивъ договоръ съ регентомъ, сообщилъ о содержаніи онаго берлинскому двору. Король прусскій, равномѣрно желая преклонить Россію, дабы держава сія не препятствовала и его притязаніямъ на наслѣдіе Карла VI, препоручилъ пребывавшему въ С.-Петербургѣ министру своему открыть о семъ переговоры; но едва посланникъ приступилъ къ дѣлу, какъ послѣдовало низверженіе Бирона. Происшествіе сіе долженствовало произвести перемѣну въ политической системѣ россійскаго двора. Надлежало предполагать, что великая княгиня и супругъ ея, по близкому родству съ императрицею-королевою, неравнодушно будутъ взирать на умышляемыя противу нея предпріятія. И такъ, прусскій король, принявъ на себя личину, подъ предлогомъ исканія дружества царствовавшаго тогда въ Россіи дома, но дѣйствительно—съ намѣреніемъ усыпить его, предложилъ оному о заключеніи оборонительнаго союза; въ декабрѣ мѣсяцѣ, баронъ Мердефельдъ сдѣлалъ о семъ предложеніе россійскому министерству. Фельдмаршалъ, опасно занемогшій въ это время, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ. Графъ Остерманъ воспользовался болѣзнью фельдмаршала; съ давняго времени будучи ревностнымъ приверженникомъ Бранденбургскаго дома, министръ сей съ толикимъ искусствомъ умѣлъ изложить выгоды предлагаемаго союза, что легко убѣдилъ правительницу согласиться на оный. Какъ скоро графъ Минихъ получилъ облегченіе въ болѣзни, великая княгиня повелѣла извѣстить его о заключаемомъ договорѣ и спросить мнѣнія его. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что союзъ съ столь могущественнымъ сосѣдомъ, во время малолѣтія императора и когда Россія угрожаема войною со стороны Швеціи, всеконечно полезенъ. Но поелику Россія приняла на себя ручательство по прагматическому уложенію (Sanctio Pragmatione), поелику неизвѣстны еще были преднамѣренія императрицы-королевы, ни замыслы противоборниковъ ея: то предосторожность и справедливость требуютъ выжидать послѣдствій, сообразить и тщательно разсмотрѣть прежніе договоры и до времени воздержаться отъ заключенія новаго. Между

тѣмъ, вѣроятно, и вѣнскій дворъ сдѣлаетъ какія-нибудь предложенія. Не взирая на сіе замѣчаніе, не взирая на то, что не знали еще положительно о прямыхъ преднамѣреніяхъ прусскаго монарха, правительница настаивала въ заключеніи предложеннаго договора. Существенныя условія онаго состояли: что обѣ договаривающіяся державы взаимно ручаются за цѣлость европейскихъ своихъ владѣній и обязываются, въ случаѣ нападенія на которую нибудь, вспомоществовать другъ другу двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ войскъ.

Оставляю на судъ читателя: можно-ли порицать графа Миниха за мнѣніе, изъявленное имъ въ переговорахъ съ прусскимъ дворомъ?

Возвращеніе австрійскаго посланника маркиза Де-Ботта къ россійскому двору.

[Зап. Манштейна, стр. 209].

Маркизъ Де-Ботта, человѣкъ умный, ловкій, пріятный, откровенный, отправляя прежде посольство при россійскомъ дворѣ, до такой степени умѣлъ снискать благоволеніе принцессы Анны, что государыня сія, принявъ бразды правленія, дала знать вѣнскому кабинету, что она желала бы имѣть при своемъ дворѣ австрійскимъ министромъ маркиза Де-Ботту, и повелѣла оберъгофмейстеру графу Миниху письменно удостовѣрить маркиза въ милостивомъ своемъ къ нему благорасположеніи. Посланникъ сей прибылъ въ С.-Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1741 года, когда еще не помышляли о вспомоществованіи наслѣдницѣ Карла VI.

Замѣшательство россійскаго двора при полученіи извѣстія о вторженіи прусскаго короля въ Силезію.

Петербургскій дворъ пребывалъ въ совершенной безпечности, нимало не подозрѣвая о непріязненныхъ преднамѣреніяхъ прусскаго короля, какъ внезапно пришло извѣстіе о вторженіи Фридриха II въ Силезію; извѣстіе сіе тѣмъ болѣе встревожило, что, съ одной стороны, ежедневно ожидали требованія вѣнскаго двора о вспомоществованіи; съ другой—не вѣдали, какъ поступить съ королемъ прусскимъ, съ коимъ не задолго предъ тѣмъ заключили

союзъ, и съ коимъ поссориться, при предстоявшемъ разрывѣ со шведами, было крайне опасно. Въ семъ затруднительномъ положеніи не изобрѣли лучшаго средства, какъ отнестись къ Фридриху, убѣдительнѣйше прося его примириться съ императрицею-королевою и предлагая для сего посредство Россіи. Графъ Остерманъ, щеголявшій красотою пера, истощилъ все свое краснорѣчіе. Письмо, отправленное къ прусскому монарху, по признанію всѣхъ знатоковъ, было написано превосходно. Отвѣтъ Фридриха былъ кратокъ и ясенъ: ежели королева венгерская, не прибѣгая къ рѣшенію распри посредствомъ оружія, добровольно уступитъ ему нѣкоторыя области въ Силезіи, на обладаніе коихъ имѣетъ онъ неоспоримыя права, то онъ не токмо готовъ заключить съ нею миръ, но обязывается подкрѣплять и защищать ее всѣми своими силами противу прочихъ непріятелей Австрійскаго дома. Повторенныя о семъ увѣренія прусскаго короля с.-петербургскому двору доказываютъ, что если бы Марія-Терезія въ самомъ началѣ согласилася сдѣлать нѣкоторыя пожертвованія, то несомнѣнно-бъ сохранила она бо́льшую часть Силезіи; но непреодолимая вражда къ королю прусскому и какое-то непонятное предубѣжденіе о добромъ расположеніи кардинала Флери—удалили ее отъ всякаго примиренія. Маркизъ Де-Ботта объявилъ с.-петербургскому двору, что императрица-королева лучше согласится искать дружества версальскаго двора, чѣмъ уступить прусскому королю хотя одинъ вершокъ земли изъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній.

Происки вѣнскаго министерства.

Вѣнскій кабинетъ, пылая мщеніемъ противу Фридриха II, предположилъ заключить союзъ съ россійскимъ и саксонскимъ дворами. Ласкаясь преклонить первый, успѣлъ онъ вступить въ тѣсныя связи съ послѣднимъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, саксонскій первый министръ графъ Бриль, по соглашенію съ упомянутымъ кабинетомъ, предложилъ с.-петербургскому двору предначертаніе, чтобы соединенныя силы трехъ державъ обратить противу прусскаго короля и раздѣлить между собою всѣ пріобрѣтенныя завоеванія. Для приведенія въ исполненіе сего обширнаго предположенія, оставалось токмо исходатайствовать согласіе Россіи.

Едва лишь получено было извѣстіе о нападеніи прусскаго короля на Силезію, какъ маркизъ Де-Ботта началъ настоятельно просить вспомоществованія отъ Россіи. Въ совѣтѣ, для сего собранномъ, фельдмаршалъ представилъ: хотя Россія обязана поддерживать прагматическое уложеніе, но, при настоящихъ обстоятельствахъ, будучи угрожаема со стороны Швеціи, долженствуетъ она съ величайшею осмотрительностію располагать поступками своими, и предварительно изслѣдовать—въ состояніи ли будетъ раздѣлить военныя свои силы, дабы одною частію оныхъ отразить умышляемое нападеніе штокгольмскаго двора, другою дѣйствовать за предѣлами имперіи. Графъ Минихъ утверждалъ, что для отвращенія предстоящей бури Австрія должна приложить стараніе о примиреніи себя съ прусскимъ королемъ, сдѣлавъ нѣкоторыя пожертвованія; что крайне опасно открывать брань и подвергаться превратностямъ счастія и тягостямъ военнымъ. Однако, вѣнскій дворъ, не пріемля въ уваженіе сихъ причинъ, ни предложеннаго совѣта, настаивалъ о поспѣшнѣйшемъ вспомоществованіи и тщательно употреблялъ къ тому всѣ возможныя средства. Двѣ вдовствующія герцогини Брауншвейгскія—одна бабка императрицы-королевы и принца Брауншвейгскаго, другая матерь послѣдняго, а тетка первой—не преставали письмами своими убѣждать правительницу и супруга ея, воспалять гнѣвъ ихъ противу прусскаго короля, осуждать поведеніе его и, между многими приписуемыми ему пороками, замѣтили и то, что государь сей розно почивалъ съ супругою своею. Средства очень хорошо споспѣшествовали замысламъ Австрійскаго дома, (такъ) что когда дрезденскій дворъ сообщилъ с.-петербургскому о предположеніи своемъ, то правительница, нимало не затрудняясь, согласилась на оное. Хворый и невыѣзжавшій изъ дома графъ Остерманъ до такой степени умѣлъ пріобрѣсти довѣренность принца Брауншвейгскаго, что сей почти ежедневно посѣщалъ его. Узнавъ чрезъ принца мысли правительницы въ разсужденіи предложенія саксонскаго курфирста, хитрый министръ воспользовался симъ случаемъ, дабы угодить родителямъ императора и вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ превратномъ видѣ возраженіе графа Миниха, которое легко онъ предвидѣлъ. И такъ, не токмо не осуждалъ онъ предполагаемаго союза, но даже предложилъ скорѣе уполномочить пребывавшаго при дрезденскомъ дворѣ россійскаго посланника заключить договоръ.

Мнѣніе графа Миниха о предложенномъ союзѣ съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами.

Правительница, призвавъ графа Миниха, наединѣ спросила мнѣнія его о предлагаемомъ союзѣ; фельдмаршалъ представилъ:

— Я соглашаюсь, что, по существующимъ договорамъ, Россія обязана подкрѣплять Австрійскій домъ вспомогательнымъ войскомъ, но предварительно надлежитъ со вниманіемъ разсмотрѣть, что въ то время, когда возбуждаютъ противъ нея (т. е. Россіи) шведовъ, въ состояніи ли она раздѣлить силы свои и для обороны имперіи, и для дѣйствія за предѣлами отечества? Но еслибы и не встрѣтили послѣдняго затрудненія, то и тогда, мнѣ кажется, совѣсть вопроситъ: можно ли, не подвергаясь упреку въ вѣроломствѣ, вступать въ союзъ, предположенный къ покоренію и раздѣленію владѣній такого государя, который не причинилъ Россіи ни малѣйшаго оскорбленія и съ коимъ въ недавнихъ дняхъ заключенъ дружественный и оборонительный договоръ? Я простой ратникъ, провождавшій всю жизнь съ мечомъ, и вовсе не понимаю хитростей дипломатики. Впрочемъ, если вашему высочеству непремѣнно угодно открыть войну, то я совѣтую начать оную со Швеціею, угрожающею разрывомъ. Всегда лучше предупреждать непріятеля, нежели допускать его окончить свои вооруженія. И въ семъ случаѣ за особенную честь вмѣню себѣ начальствовать вашими войсками, ежели на сіе послѣдуетъ воля вашего высочества.

Мнѣніе, противоположное желаніямъ правительницы и принца, произвело ожиданное графомъ Остерманомъ дѣйствіе. Приводушіе фельдмаршала назвали пристрастіемъ и превозносили похвалами хитраго противоборника его.

Объясненіе графа Миниха съ Правительницею.

Послѣ сего не спрашивали уже совѣтовъ у фельдмаршала, и безъ участія его приступили къ заключенію союза. Изготовили предписаніе россійскому посланнику въ Дрезденѣ, дабы онъ присутствовалъ въ конференціяхъ саксонскаго двора по сему предмету и всевозможно-бъ старался скорѣе привести къ окончанію начатое дѣло. По заведенному тогда обыкновенію, графъ

Минихъ подписывалъ всѣ исходящія изъ кабинета бумаги; почему графъ Остерманъ прислалъ къ нему для подписанія и вышеупомянутое предписаніе съ извѣщеніемъ, что оно изготовлено по точной волѣ правительницы. Фельдмаршалъ, оскорбленный таковымъ предложеніемъ, немедленно поѣхалъ къ великой княгинѣ съ жалобою, что принуждаютъ его подписывать такое дѣло, противу котораго представилъ онъ основательныя возраженія. Повторивъ прежде-сказанное о вооруженіяхъ Швеціи, удостовѣрялъ ея высочество, что, открывъ войну съ сею державою, она отмститъ за честь Россіи; напротивъ того, вступя въ предлагаемый союзъ, завлечетъ себя въ постороннія брани, которыя не могутъ прекратиться скоро и отъ коихъ имперія не получитъ ни малѣйшей пользы. Когда же правительница съ холодностію сказала ему:

— Удивляюсь, что вы одни противорѣчите въ такомъ дѣлѣ, которое графъ Остерманъ и всѣ министры единогласно мнѣ присовѣтовали.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ:

— Дабы впредь не подать вашему высочеству ни малѣйшаго повода къ неудовольствію за прекословіе мое мнѣніямъ другихъ, я смѣю просить увольненія отъ службы.

Сказавъ сіе, почтительно поклонился великой княгинѣ и вышелъ изъ комнаты. Возвратясь домой, послалъ въ верховный кабинетъ письменное представленіе о причинахъ, побудившихъ его не подписать повелѣніе къ россійскому посланнику въ Дрезденѣ.

Увольненіе графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 205—208].

Сопротивники фельдмаршала, опасаясь, чтобы непоколебимая твердость сего воина не перемѣнила мыслей правительницы, поспѣшно старались разными навѣтами и происками раздражать сію благосердую государыню противу графа Миниха; въ собранномъ 7-го марта совѣтѣ положили уволить фельдмаршала отъ всѣхъ дѣлъ. Хотя гг. министры скоро рѣшились удалить отъ правительства полководца, гремѣвшаго побѣдами, котораго дарованія нужны и полезны были обществу, но никто изъ нихъ не

отваживался сообщить ему сіе извѣстіе. Правительница вывела ихъ изъ затрудненія, повелѣвъ оберъ-гофмаршалу графу Левенвольду и оберъ-гофмейстеру графу Миниху увѣдомить фельдмаршала объ увольненіи и объявить ему отъ имени ея, что хотя она искренно удостовѣрена въ благонамѣреніи и усердіи фельдмаршала къ пользамъ имперіи, однако, въ отвращеніе бѣдственныхъ послѣдствій отъ несогласія въ министерствѣ, находитъ себя принужденною преклониться на принесенное отъ него прошеніе. Снисходя на оное, проситъ фельдмаршала вѣрить, что она во всю жизнь не забудетъ услуги, и, въ доказательство продолженія къ нему уваженія, не замедлитъ оказать явные опыты благоволѣнія своего. Фельдмаршалъ принялъ извѣстіе сіе съ обыкновенною твердостью духа своего, и просилъ донести великой княгинѣ: если увольненіе его отъ службы можетъ принести малѣйшую пользу ея высочеству, то онъ за священную обязанность поставляетъ исполнить волю ея, отказываясь отъ всѣхъ должностей, на него возложенныхъ; и принимая съ чувствами глубочайшаго благоговѣнія продолженіе милостиваго благорасположенія правительницы, смѣетъ испрашивать для себя одной милости—позволенія предстать предъ лицо ея высочества для принесенія сердечной своей благодарности. На другой день фельдмаршалъ былъ допущенъ къ великой княгинѣ, которая объявила о пожалованіи ему ежегоднаго пенсіона по 15,000 рублей серебромъ, предоставляя ему свободу жительствовать, гдѣ заблагоразсудитъ.

Благоразуміе совѣта, преподаннаго графомъ Минихомъ, вскорѣ оправдалось послѣдствіями: война возгорѣлась со Швеціею. Россійскія войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Лассія, двинулись противу сей державы.

Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія, при свиданіи моемъ съ маркизомъ Де-Ботта, посланникъ сей превозносилъ похвалами графа Остермана, увѣряя, что россійскія войска вскорѣ выступятъ въ походъ. На что я замѣтилъ ему, что, по мнѣнію моему, вѣнскій дворъ болѣе бы выигралъ, ежели бы

графъ Минихъ оставался въ министерствѣ; что фельдмаршалъ никогда не противорѣчилъ обязанности вспомоществовать Австрійскому дому тѣмъ или другимъ средствомъ; что я увѣренъ, ежели-бъ Австрія потребовала токмо вспомогательнаго войска, предопредѣляя оному дѣйствовать противу другаго какаго непріятеля, а не противу прусскаго короля, то несомнѣнно-бъ получила сіе пособіе. Что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю, что вѣнскій дворъ немного можетъ ожидать отъ него, ибо министръ сей всегда былъ постояннымъ доброжелателемъ Прусской монархіи и никогда не прилѣплялся къ пользамъ Австріи; а при настоящихъ обстоятельствахъ мнимая его ревность устремлена была единственно къ погубленію фельдмаршала. И дѣйствительно, вскорѣ маркизъ Де-Ботта убѣдился въ справедливости моего мнѣнія. Въ то самое время, когда послѣдовало россійскимъ войскамъ повелѣніе изготовиться къ походу, графъ Остерманъ не преставалъ увѣрять барона Мердефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля; что онъ не намѣренъ никогда вредить сему монарху, и просилъ, дабы Фридрихъ не тревожился движеніемъ русскихъ войскъ и не опасался бы дальнѣйшихъ послѣдствій; несогласіе, вскорѣ потомъ возникшее между вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, вовсе разрушило составленіе предположеннаго союза и принудило Августа вступить въ сношеніе съ французскимъ кабинетомъ. Когда маркизъ Де-Ботта настаивалъ въ поспѣшнѣйшемъ отправленіи войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, то, вмѣсто удовлетворительнаго отвѣта, получилъ слѣдующій отзывъ: что Россія не оставитъ выполнить всѣхъ своихъ обязанностей противу Австрійской державы, какъ скоро прекратится всякое опасеніе со стороны Швеціи.

О мнимомъ намѣреніи Шахъ-Надира вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною.

[Зап. Манштейна, стр. 212].

Приписуемое Шахъ-Надиру или Кули-хану намѣреніе вступить въ бракъ съ Елисаветою Петровною есть пустая выдумка. Шахъ сей, упоенный торжествомъ, надъ Великимъ Моголомъ пріобрѣтеннымъ, намѣревался напасть на турокъ и изгнать ихъ изъ всѣхъ областей, отторгнутыхъ Портою у Персидской монар-

хіи; онъ желалъ, чтобы Россія содѣйствовала сему важному замыслу; съ таковымъ предложеніемъ персидскій шахъ прислалъ посольство къ с.-петербургскому двору съ богатыми подарками, похищенными въ сокровищахъ индѣйской столицы Дели; посолъ персидскій привелъ съ собою, между прочими драгоцѣнностями, четырнадцать слоновъ и тридцать верблюдовъ.

О пріемѣ маркиза Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 212].

Въ качествѣ посла маркизъ Де-ла-Шетарди былъ допущенъ на аудіенцію къ императору. Малолѣтняго государя держала на рукахъ сама великая княгиня. Представивъ новыя довѣрительныя граматы, маркизъ возвратился съ аудіенціи, какъ полномочный министръ.

О фрейлинѣ баронессѣ Менгденовой.

[Зап. Манштейна, стр. 212—214].

Фрейлины баронессы Менгденовы были двоюродныя сестры барона Менгдена, о коемъ упоминаетъ г. Манштейнъ. Іуліана была пригожая собою смуглянка, благотворительная и кроткаго нрава. Столько же предана она была великой княгинѣ, сколько сія любила ее всѣмъ сердцемъ. Не будучи сотворенною къ придворнымъ проискамъ, не хотѣла они принимать ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ. Безпечная по природѣ, Менгденова не могла примѣтить сего недостатка въ государынѣ своей, слѣдственно не могла и сообщить ей онаго. Заботы государственныя подавали иногда поводъ къ размолвкѣ между правительницею и супругомъ ея; молодая фрейлина, не имѣя никакого понятія объ оныхъ, не могла примирить супруговъ, а тѣмъ менѣе ссорить ихъ, ибо доброе сердце сей дѣвицы опровергаетъ таковую клевету. Что принадлежитъ до обвиненія, будто бы она содѣйствовала великой княгинѣ въ дѣлахъ любовныхъ: то кто повѣритъ, чтобы обрученная молодая дѣвица, влюбленная въ жениха, стала вспомоществовать соперницѣ своей? Дружба между женщинами не простирается столь далеко.

О предложеніи Правительницѣ вступить на престолъ.

[Зап. Манштейна, стр. 228].

Законоположеніе, чтобы дщери, рожденныя и впредь рождаемыя отъ супружества великой княгини Анны съ принцемъ Брауншвейгскимъ, наслѣдовали россійскій престолъ, въ случаѣ пресѣченія мужскаго колѣна сего дома, была пустая мысль графа М. Г. Головкина. На сіе не нужно было никакого новаго постановленія. Вице-канцлеръ, не удовольствуясь таковымъ вымысломъ, нѣсколько дней спустя потомъ, предложилъ правительницѣ взойти на престолъ и царствовать совокупно съ сыномъ своимъ. Легкомысленное сіе предложеніе не могло быть принято. Исторія всѣхъ вѣковъ ясно убѣждаетъ, что совокупное государствованіе двухъ лицъ всегда сопровождается бѣдствіями, а тѣмъ болѣе угрожало оно гибельными послѣдствіями для народа, издревле пріобыкшаго повиноваться единой верховной власти.

О намѣреніи уступить шведамъ Кекзгольмъ.

[Зап. Манштейна, стр. 215].

Вопреки мнѣнія г. Манштейна, россійское министерство, съ самаго вступленія въ правленіе государствомъ великой княгини и принца Брауншвейгскаго, близкаго родственника императрицѣ-королевѣ, предвидѣло, что Франція будетъ возбуждать шведовъ на Россію, какъ скоро держава сія пріиметъ участіе въ судьбѣ Австрійскаго дома. Нельзя было предполагать, чтобы Швеція, по заключеніи сейма, приступила къ примиренію и весьма бы неосторожно поступилъ графъ Остерманъ, если-бъ согласился на уступку Кекзгольма съ принадлежащимъ къ оному округомъ. Положеніе сего укрѣпленнаго города на Ладогскомъ озерѣ доставило бы шведамъ возможность удобно тревожить многіе уѣзды С.-Петербургской и прилежащихъ губерній, и даже самую резиденцію. И какая побудительная причина могла преклонить на таковую крайность? Непріятель не открывалъ еще непріязненныхъ дѣйствій и Россія могла противопоставить ему достаточныя силы.

Причины, побудившія Елисавету Петровну ко вступленію на престолъ, и мѣры, для того принятыя.

[Зап. Манштейна, стр. 229—233].

Мысль о бракосочетаніи царевны Елисаветы Петровны съ принцемъ Людвигомъ Брауншвейгскимъ, братомъ правительницы, была, такъ сказать, мгновенная и немедленно преданная забвенію. Не токмо не принуждали царевну къ сему браку, но даже никогда не предлагали ей объ ономъ явно. Впрочемъ, еслибы и согласилась она на супружество сіе, прекословившее пользамъ ея, то и тогда предлежало бы преодолѣть другое затрудненіе: принцъ десятью годами былъ моложе царевны и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности. Непредложеніе сего супружества возбудило Елисавету отъ усыпленія. Французскій посланникъ маркизъ Де-ла-Шетарди заботился о семъ гораздо прежде. Версальскій кабинетъ, въ данныхъ сему министру наставленіяхъ, предписалъ стараться всемѣрно сѣять раздоры въ Россіи, дабы тѣмъ ослаблять сію державу и не допускать ее вмѣшиваться въ дѣла Австрійскаго дома. Де-ла-Шетарди внушилъ Елисаветѣ Петровнѣ мысль ко вступленію на престолъ, всевозможно возбуждалъ и поощрялъ ее къ оному; приводя въ примѣръ смѣлое предпріятіе Миниха, успѣхомъ увѣнчанное, доказывалъ, что и она можетъ, подобнымъ же путемъ, овладѣть державою. Французскій посланникъ снабжалъ царевну деньгами, но въ маломъ количествѣ; съ симъ слабымъ пособіемъ Елисавета Петровна приступила къ произведенію дерзновеннѣйшаго предпріятія; первоначально привлекла на свою сторону токмо двѣнадцать гвардейскихъ гренадеровъ, обласкала и одарила ихъ. Будучи твердо увѣрена въ непоколебимой преданности сихъ рѣшительныхъ людей, посредствомъ ихъ, когда наступила ночь, низринувшая въ бездну злополучій Брауншвейгскій домъ, Елисавета умножила число сообщниковъ своихъ гренадерскою ротою Преображенскаго полка.

О сношеніяхъ Елисаветы Петровны со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 230].

Сношенія Елисаветы Петровны со Швеціею, о коихъ упоминаетъ г. Манштейнъ, состояли въ обѣщаніи, изторгнутомъ маркизомъ Де-ла-Шетарди. Усердствующій царевнѣ французъ желалъ

бездѣлицы: чтобы Россія возвратила Швеціи всѣ области, Петромъ Великимъ покоренныя! Елисавета не согласилась дать письменнаго обѣщанія, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумагу столь важную тайну, и настояла, дабы во всемъ положились на слово ея. Послѣдствія показали, что Елисавета Петровна перехитрила лукаваго француза и ослѣпила шведовъ.

Причины, погубившія Правительницу.

[Зап. Манштейна, стр. 231].

Правительница имѣла многія доказательства о заговорѣ; но, будучи излишне довѣрчива и крайне безпечна, не рѣшалась употребить сильныя средства, которыя природа внушаетъ къ защищенію нашему. Все споспѣшествовало къ погубленію великой княгини Анны Карловны. Несогласіе ея съ супругомъ; устраненіе отъ дѣлъ мужей, которые умомъ своимъ могли-бъ поддерживать ее, какъ-то: Минихъ, Бестужевъ; связи съ графомъ Линаромъ и слѣпая довѣренность къ сему иноземцу. Саксонскій посланникъ, поссорясь съ графомъ Остерманомъ, злобно очернилъ сего министра, представилъ его коварнымъ, опаснымъ, недоброхотствующимъ правительницѣ; даже успѣлъ возбудить подозрѣніе на принца Брауншвейгскаго, дѣйствовавшаго, какъ онъ говорилъ, по внушеніямъ Остермана. Принцесса всему легко повѣрила, прекратила благоволеніе къ графу Остерману, не хотѣла принимать отъ него никакихъ представленій; не внимала совѣтамъ супруга своего. Тщетно покушался Остерманъ открыть глаза правительницы; тщетно желалъ онъ предостеречь ее отъ угрожавшей опасности. Принцесса съ презрѣніемъ отвергала всѣ представленія единственнаго человѣка, могшаго подать ей спасительные совѣты въ такомъ дѣлѣ, отъ коего зависѣли и сохраненіе и судьба ея. Къ вящшей же безразсудности правительница вздумала объясниться съ противоборницею своею наединѣ: слезы и притворные знаки усердія послѣдней совершенно усыпили первую. Елисавета Петровна, приведенная симъ объясненіемъ въ большое безпокойство и замѣшательство, поспѣшно возвратилась во дворецъ свой, призвала приближенныхъ своихъ и, по совѣщанію съ ними, рѣшилась въ наступающую же ночь вне-

заѣно совершить замыселъ, который, по предположенію французскаго посланника, намѣревались произвести въ дѣйствіе мѣсяцемъ (позже) и совсѣмъ инымъ способомъ, не подававшимъ большой надежды къ успѣху. Алексѣй и Кирило Гавриловичи (Григорьевичи) Разумовскіе, Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, всѣ содѣлавшіеся потомъ знатными и сильными вельможами, и медикъ Лестокъ непосредственно содѣйствовали императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при восшествіи на престолъ.

Разрушенные замыслы маркиза Де-ла-Шетарди.

Маркизъ Де-ла-Шетарди пришелъ въ чрезвычайное изумленіе, когда среди ночи разбудилъ его присланный отъ Елисаветы Петровны камергеръ П. И. Шуваловъ и увѣдомилъ о восшествіи ея на престолъ. Принявъ на себя личину, посланникъ изъявилъ притворную радость и поспѣшно поѣхалъ въ цесаревинъ дворецъ. Толпы волнующагося по улицамъ народа, съ восторгомъ увидѣвшаго на тронѣ дщерь незабвеннаго въ сердцахъ нашихъ монарха, стоявшіе подъ ружьемъ гвардейскіе полки, раздававшіяся въ воздухѣ громогласныя восклицанія: «Да здравствуетъ наша матушка императрица Елисавета Петровна!»—приводили маркиза въ сильное смущеніе. Внезапно совершенный Елисаветою ударъ разрушилъ всѣ зловредные его замыслы: доброхотствующій Россіи французъ желалъ, чтобы перемѣна сія произведена была по его предначертанію; чтобы шведы приблизились къ берегамъ Невы, силою оружія своего споспѣшествовали возведенію на престолъ Елисаветы, предписали ей законы въ стѣнахъ столицы, основанной побѣдителемъ ихъ [1]),—и тогда-то маркизъ мечталъ безпрепятственно и самовласно господствовать при россійскомъ дворѣ.

---

[1]) Не постигаю, на чемъ могъ г. Шетарди основывать таковое затѣйливое предначертаніе: кажется, при самомъ началѣ войны со Швеціею, ясно видима была безразсудная опрометчивость кабинета сей державы: россійскія войска, съ обыкновеннымъ бодрымъ своимъ духомъ, выступили противу непріятеля, внесли оружіе въ предѣлы его, настигли шведскія силы у Вильманстранда, съ свойственнымъ имъ мужествомъ напали на шведовъ и разбили ихъ, и Вильманстрандскую крѣпость покорили приступомъ. Примѣч. рукоп.

Изображеніе великой княгини и правительницы Россійскаго государства Анны Карловны.

[Зап. Манштейна, стр. 235—236].

Изображеніе великой княгини Анны Карловны, представленное г. Манштейномъ, есть вымышленное. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ человѣкъ, имѣвшій честь знать сію государыню коротко.

Великая княгиня родилась въ Ростокѣ, въ 1718 году, отъ Карла-Леопольда, герцога Мекленбургскаго, и Екатерины Іоанновны, старшей дщери царя Іоанна Алексѣевича, и наречена при крещеніи Елисаветою-Екатериною-Христиною. По кончинѣ герцога, съ родительницею своею прибыла въ Москву въ 1722 г. и, вскорѣ лишившись матери, осталась въ сиротствѣ. Анна Іоанновна, родная тетка принцессы, по восшествіи своемъ на россійскій престолъ, обратила особенное попеченіе на воспитаніе ея и, будучи безбрачною, почитала ее за собственную дочь. Въ 1733 г. принцесса, будучи муропомазана въ грекороссійское исповѣданіе, наречена Анною. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1739 года, среди пышныхъ и великолѣпныхъ празднествъ, продолжавшихся чрезъ нѣсколько дней, сочеталась она бракомъ, въ Петербургѣ, съ Антономъ Ульрихомъ, принцемъ брауншвейгъ-вольфенбительскимъ. Принцъ сей былъ родной племянникъ Шарлоты-Христины, супруги царевича Алексѣя Петровича, и братъ родной же герцога Фердинанда, знаменитаго полководца, раздѣлявшаго славу тріумфовъ съ Фридрихомъ Великимъ. Низверженная съ престола, Анна Карловна влачила остатокъ жизни своей въ Холмогорахъ, гдѣ и скончалась въ родахъ въ 1746 году. Тѣло ея привезено въ Петербургъ и съ надлежащею почестію погребено въ Александровскомъ монастырѣ.

Анна Карловна была статна, ростомъ выше посредственнаго; волосы на головѣ имѣла темнокаштановаго цвѣта, которые возвышали бѣлизну лица ея; хотя черты лица у нея не были правильныя, но награждались пріятнымъ и привлекательнымъ видомъ. Въ убранствѣ не слѣдовала щегольству покойной тетки своей.

Правительница одарена была хорошимъ умомъ, добрымъ сердцемъ и возвышенною душою. Нимало не заразясь подозрѣніемъ отправлявшихъ (отравлявшимъ?) дворъ Анны Іоанновны, она

украшалась привлекательномъ чистосердечіемъ. Будучи откровенна, съ негодованіемъ взирала на притворство, столь необходимое при дворахъ; почему приближенные покойной императрицы, пріобыкшіе къ раболѣпной лести, несправедливо называли ее надменною и пренебрегающею всѣхъ. Заслуги награждала щедро, ко всѣмъ была благотворительна, никому въ жизнь свою не сдѣлала зла, съ комнатными служителями обращалась кротко и милостиво, и, можно сказать, что сіи обожали ее.

Первѣйшее блаженство супруговъ, какъ на тронѣ, такъ и въ хижинѣ,—если они имѣютъ полную довѣренность другъ къ другу; величайшее-жъ злополучіе для нихъ—когда лишены сего сладчайшаго удовольствія. Анна Карловна не наслаждалась таковымъ счастіемъ. Противоположность во нравахъ, склонностяхъ, словомъ, слабое уваженіе правительницы къ принцу, съ которымъ сочеталась она противъ воли, никогда не могли произвести сердечной связи между сими злополучными супругами.

Принужденная жизнь, которую Анна Карловна вела съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, тщательный надзоръ за всѣми поступками ея и позволеніе видѣться токмо съ нѣкоторыми извѣстными особами—содѣлали ее задумчивою и поселили въ ней толикую наклонность къ уединенію, что, по вступленіи въ правленіе государствомъ, тягостно было для нея принимать къ себѣ разныхъ (лицъ) и являться въ большихъ собраніяхъ двора.

Содѣлавшись правительницею, Анна Карловна съ особеннымъ удовольствіемъ проводила время въ малочисленномъ избранномъ ею обществѣ. Тутъ всегда видѣли ее веселою и пріятною въ обхожденіи. Уважая достойныхъ иностранцевъ, призывала нѣкоторыхъ изъ нихъ въ короткія свои бесѣды; въ числѣ таковыхъ находились австрійскій посланникъ маркизъ Де-Ботта и англинскій—г. Финкъ. По русски, нѣмецки и по французски говорила свободно. Чтеніе, а особенно драматическихъ твореній, составляло пріятнѣйшее ея времяпровожденіе; однажды при таковомъ упражненіи сказала, что вниманіе ея преимущественно привлекаютъ тѣ сочиненія, въ которыхъ представляется несчастная государыня, съ благородною гордостію и величіемъ духа переносящая бѣдствіе и узы. По сему можно-бъ подумать, что она имѣла предчувствіе объ угрожавшемъ ей злополучіи; но справедливѣе заключить должно, что слова сіи произнесены

умомъ, преданнымъ горестной задумчивости. Та же причина вліяла въ нее страсть къ уединенію и покойной жизни, невозмущаемой никакими занятіями и заботами. Почти и нельзя сомнѣваться въ оном по слѣдующему изреченію, многократно ею повторенному. Госпожа Адеркасъ, находившаяся въ числѣ наставницъ при воспитаніи великой княгини, имѣвшая прежде пребываніе въ Гамбургѣ, сдѣлала ей столь привлекательное описаніе о пріятностяхъ жизни, каковою наслаждаются тамъ люди, удалившіеся отъ большаго свѣта, что, поразясь сею мыслью, правительница часто, въ минуты неудовольствія, произносила:

— «Боже мой! для чего не могу я проживать въ Гамбургѣ, устраненною отъ суеты пышныхъ дворцовъ и всякаго величества!»

Молодая баронесса Іуліана Мейгденова (Менгденъ) пользовалась отличною милостію Анны Карловны. Согласіе въ нравахъ породило, а неограниченная преданность баронессы и совершенно укрѣпила оную. Комнаты, занимаемыя Мейгденовою (Менгденъ), находились смежными съ покоями правительницы, и въ продолженіе траура по покойной императрицѣ вечернія собранія каждодневно происходили въ оныхъ; не могу согласиться съ г. Манштейномъ, чтобы наперсница сія управляла всѣми дѣйствіями государыни своей и располагала образомъ жизни ея. Правительница была упорна въ своихъ мнѣніяхъ, имѣла особенныя наклонности и свой образъ мыслей. Баронесса никогда ни въ чемъ не противилась и не противорѣчила ей.

Анна Карловна не скучала заниматься государственными дѣлами и обращала на оныя тщательнѣйшее вниманіе. При избраніи людей къ должностямъ, взирала болѣе на честность и праводушіе, нежели на дарованія. Дабы всѣ подданные могли свободно представлять о своихъ нуждахъ, учредила она при кабинетѣ новую должность генералъ-рекетмейстера, и назначила одинъ день въ недѣлю, въ который всякой имѣлъ безвозбранный ходъ во дворецъ, для поданія упомянутому чиновнику прошенія. Она охотно разсматривала просьбы сіи и справедливыя безъ отлагательства удовлетворяла. Благополучна-бъ была участь Анны Карловны, еслибы, преодолѣвъ природную свою безпечность, обращала она болѣе попеченія на безопасность свою и всего своего дома!... будучи добродушна и имѣя благородный образъ мыслей, не вѣдала, что осторожность есть матерь безопасности.

Ссылка Миниха, Остермана, Головкина и пр.

[Зап. Манштейна, стр. 237—242].

Разсматривая лѣтописи россійской исторіи XVIII столѣтія, съ изумленіемъ замѣчаемъ чудесныя превращенія счастія. Воцареніе каждаго государя низвергаетъ возвышенныхъ властію предшественника и мощною рукою старается возвеличить наперсниковъ новаго повелителя. Видя жестокіе примѣры, какъ всѣ любимцы счастія и другіе мужи дѣловые, государственные, каждый въ свою чреду, или погибалъ, или упадалъ въ ничтожество, всѣ умы, естественно, объяты были невольнымъ страхомъ, всякое дарованіе и благородное честолюбіе долженствовали исчезать во мракѣ неизвѣстности. Екатерина II, служащая образцомъ всѣмъ царямъ міра, первая показала примѣръ праводушія, что есть возможность изливать новыя благодѣянія, не погубляя, не оскорбляя и не унижая служившихъ прежнему правительству. Токмо въ ея благословенное время пресѣклись гоненія, лишенія чести, свободы, ссылки и казни, жестоко преслѣдовавшія роды знатныхъ во всѣ правленія преемниковъ славнаго престола Петра Великаго; Елисавета Петровна, государыня дѣйствительно благосердая, безъ содроганія, по восшествіи своемъ на тронъ, подписала приговоръ, достойный рѣшенія константинопольскаго дивана.

Преступленіе погубленныхъ ею знаменитыхъ жертвъ состояло единственно въ приверженности ихъ императрицѣ Аннѣ, въ ревностномъ служеніи сей государынѣ. И такъ, не справедливѣе ли бы, не благоразумнѣе ли бы поступила Елисавета, ежели бы, продолживъ къ нимъ монаршее благоволеніе, старалась извлечь пользу для государства изъ опытности и отличныхъ ихъ дарованій? Разумъ, совѣсть, великодушіе, правосудіе—говорили въ пользу гонимыхъ; но безсмысліе, злоба, личность къ корысти—сдѣлали иныя внушенія и возбудили къ жестокости сердце доброй государыни. Тогда многіе жадничали похитить описанное имущество злополучныхъ ссылочныхъ; другіе, не имѣя дарованій сихъ нещастливцевъ, домогались занять ихъ должности; иные мщеніемъ руководствовали себя. Де-ла-Шетарди, равномѣрно, хотѣлъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ. Находясь въ большой силѣ при с.-петербургскомъ дворѣ, онъ желалъ удалить отъ управле-

нія государственными дѣлами достойныхъ и опытныхъ мужей, дабы низринуть Россію въ то ничтожество, изъ котораго Петръ Великій съ толикою мудростію и успѣліями извлекъ ее. Такимъ образомъ, тщательно занимаясь тѣмъ, чтобы при россійскомъ дворѣ не было людей твердыхъ и проницательныхъ, которые бы могли воспротивиться коварнымъ замысламъ версальскаго кабинета, не токмо непосредственно содѣйствовалъ погибели Миниха, Остермана, Головкина и проч., но происками своими, совокупно съ прусскимъ министромъ, былъ причиною, что Россія лишилась двухъ знаменитыхъ полководцевъ—Левендаля и Кейта, и многихъ отличныхъ офицеровъ, перешедшихъ изъ россійской во французскую и прусскую службы. Такъ во всѣ времена гг. иностранцы доброхотствовали нашему отечеству.

Изображеніе фельдмаршала графа Миниха.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Г. Манштейнъ, сказавъ, что характеръ фельдмаршала графа Миниха былъ противуположное совокупленіе добрыхъ и дурныхъ качествъ, старается, нимало не щадя его, убѣдить въ справедливости сего заключенія. Непрекословно, что графъ Минихъ имѣлъ недостатки; но укажите мнѣ великаго человѣка, который бы изъятъ былъ отъ оныхъ? Г. Манштейнъ на погрѣшности фельдмаршала смотрѣлъ въ увеличительное стекло. Я коротко зналъ сего полководца, и смѣю увѣрить, что онъ не былъ грубіяномъ; но съ неисправныхъ взыскивалъ неослабно: правило, необходимое для удержанія въ войскѣ благоустройства. Минихъ былъ вспыльчивъ, но никогда не выступалъ изъ предѣловъ благопристойности. Необманчиво постигалъ прямое достоинство, справедливо отличалъ и награждалъ заслуги и удалялъ отъ себя неспособныхъ къ дѣлу и тунеядцевъ. Домашніе расходы его несоразмѣрны были доходамъ; гдѣ достоинство сана его требовало нарочитыхъ издержекъ, тамъ не жалѣлъ денегъ; но во всякомъ другомъ случаѣ строго взыскивалъ съ управителя дома своего и требовалъ, чтобы наблюдались въ ономъ порядокъ и бережливость. Никогда не видали въ немъ подлаго льстеца; обращая въ свою пользу всякое обстоятельство, онъ умѣлъ искусно угождать вре-

менщикамъ, или услугою кстати оказанною, или пріятнымъ подаркомъ. Честолюбіе господствовало надъ нимъ, и онъ зналъ цѣну свою. Напрасно порицали его въ гордости. Чтитель правосудія и добродѣтели, Минихъ гнушался лихоимствомъ и неправеднымъ стяжаніемъ богатства. Похвалы о себѣ слушалъ съ удовольствіемъ; любя похвалы, не остерегался ласкателей и можно-ли строго осуждать его за сію слабость, которой подвержены были многіе знаменитые мужи, предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе по немъ? Отдавая справедливость воинскимъ дарованіямъ графа Миниха, г. Манштейнъ говоритъ, что онъ мало способенъ былъ къ отправленію званія перваго министра. На сіе замѣчу, что фельдмаршалъ, по стеченію обстоятельствъ, вынужденно принялъ на себя это достоинство, и отправлялъ важную должность перваго министра столь короткое время, что никакъ нельзя рѣшительно сказать ни о способности, ни о малоспособности его къ оной. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что совѣтъ, преподанный имъ правительницѣ при случаѣ предположеннаго союза съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами, дѣлаетъ ему честь и похвальнѣе коварныхъ увертокъ противоборниковъ его. Не знаю, на чемъ основался г. Манштейнъ, говоря, кто желалъ выманить отъ фельдмаршала тайну—долженствовалъ токмо прекословить ему и раздражать его: короткіе знакомые не замѣчали въ фельдмаршалѣ сего недостатка, и сочинитель, говоря о человѣкѣ необыкновенномъ, обязанъ былъ представить въ доказательство хотя одинъ примѣръ. О предпріятіяхъ своихъ Минихъ рѣдко открывался; единожды обдумавъ и удостовѣрясь въ добротѣ предположенія своего, не почиталъ нужнымъ спрашивать совѣтовъ. Онъ много уважалъ мужество и воинскія дарованія графа Левендаля, бывшаго потомъ французскимъ маршаломъ. Генералъ сей равномѣрно почиталъ фельдмаршала. Однажды, разговаривая со мною и отдавая похвалу графу Миниху, Левендаль сказалъ: «жаль токмо, что онъ не принимаетъ ни чьихъ совѣтовъ»; тотъ же Левендаль посѣтилъ меня вскорѣ по несчастіи фельдмаршала и, изъявляя соболѣзнованіе о бѣдственной участи бывшаго своего предводителя, сказалъ:

— «Я не знаю, въ чемъ состоитъ преступленіе графа Миниха, но еслибы и не учинилъ онъ никакого, то я бы все обвинилъ его и предалъ суду за то, что онъ первый подалъ опасный

примѣръ—какъ, съ помощію роты гренадеровъ, можно низвергать и возводить на престолъ государей».

Біографическое извѣстіе о фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 238—239].

Когда Утрехтскій миръ прекратилъ брань, возникшую за наслѣдіе испанскаго престола, и войска ландграфа гессенскаго возвратились въ отечество свое, тогда графъ Минихъ, не сотворенный къ спокойной жизни, вознамѣрился явиться на новомъ позорищѣ. Оставивъ гессенскую службу, въ которой былъ онъ полковникомъ, перешелъ въ службу польскаго короля, занятаго въ сіе время покореніемъ остатковъ войскъ стороны, поддерживаемой шведами. Августъ II принялъ Миниха съ чиномъ генералъ-маіора и, желая учредить корпусъ войскъ на жалованьи республики, поручилъ ему образованіе онаго. Минихъ началъ составленіемъ одного полка, который потомъ существовалъ подъ названіемъ польской коронной гвардіи. Фельдмаршалъ графъ Флеммингъ, первый министръ и наперсникъ короля, былъ назначенъ полковникомъ, а Минихъ командиромъ сего полка. Они условились между собою, чтобы выгодами, отъ полка получаемыми, первые три года пользовался Минихъ одинъ, въ награду понесенныхъ имъ трудовъ при учрежденіи, а впослѣдствіи—раздѣлять пополамъ. Сколь ни справедливо было таковое условіе, но графъ Флеммингъ, узнавъ, что доходъ отъ полка простирался свыше 8,000 ефимковъ ежегодно, хотѣлъ нарушить договоръ. Минихъ не уступалъ права своего. Изъ сего произошло между ими примѣтное охлажденіе. Между тѣмъ, прибылъ въ Варшаву знаменитый Герцъ, и, по давнему знакомству съ Минихомъ, остановился у сего генерала. Герцъ замѣтилъ, что Минихъ съ неудовольствіемъ продолжаетъ службу Августа II, воспользовался симъ случаемъ, чтобы доставить своему государю хорошаго воина, и по данному полномочію предложилъ Миниху патентъ на чинъ генералъ-поручика шведскихъ войскъ. Но какъ Карлъ XII въ томъ же году былъ убитъ подъ Фридрихсгаллемъ, а несчастный Герцъ потерялъ голову на эшафотѣ въ Штокгольмѣ, то Минихъ, не помышляя болѣе о вступленіи въ войска бывшаго сѣвернаго героя, скрывалъ свое неудовольствіе; въ 1719 году, по повелѣнію Августа II, ѣздилъ онъ въ Дрезденъ, дабы присутствовать и участвовать въ

великолѣпныхъ празднествахъ, которыя давалъ сей расточительный король по случаю бракосочетанія наслѣднаго принца съ австрійскою эрцъ-герцогинею Маріею Іюзефиною, дщерью покойнаго императора Іосифа I. Король принялъ его съ отличною милостію и графъ Флемминтъ оказывалъ наружные знаки благорасположенія. Возвратясь въ Варшаву, вскорѣ Минихъ увидѣлъ злоумышленіе министра, который не преставалъ заниматься полковыми доходами. Дѣйствительно ли жадничалъ онъ пользоваться ими, или симъ способомъ намѣревался вытѣснить Миниха, токмо, желая всячески вредить сему генералу, преклонилъ нѣкоторыхъ офицеровъ разглашать, что полковая сумма употребляется Минихомъ неправильно. Оскорбительныя рѣчи о семъ полковника Бонафу дошли до ушей Миниха. Справедливо раздраженный Минихъ вызвалъ Бонафу на поединокъ и прострѣлилъ ему грудь, но, по счастію, не смертельно.

При семъ случаѣ, Августъ оказалъ Миниху благоволеніе свое необыкновеннымъ образомъ, заслуживающимъ, чтобы упомянуть объ ономъ. Дабы укрыть себя отъ преслѣдованія, въ случаѣ смерти Бонафу отъ раны, Минихъ ушелъ въ одинъ монастырь и прожилъ въ семъ убѣжищѣ нѣсколько недѣль. Въ сіе время король пожелалъ осмотрѣть небольшой каналъ, строившійся подъ руководствомъ Миниха у Уяздова, загороднаго дворца. Дорога къ оному лежала мимо упомянутаго монастыря; Августъ, приближась къ монастырскимъ воротамъ, остановился, велѣлъ позвать Миниха, посадилъ его съ собою въ карету, и поѣхалъ къ каналу; осмотрѣвъ всѣ работы и изъявивъ удовольствіе и благодарность директору, отвезъ его обратно въ монастырь. Не взирая не сіе, не укротилася злоба г. Флемминга, и король, совершенно благорасположенный къ Миниху, но порабощенный власти перваго министра, не могъ защитить достойнаго генерала. Ненависть простерлась столь далеко, что Флемминтъ вздумалъ однажды арестовать Миниха. Сіе возродило споръ между министромъ и короннымъ генераломъ г. Синявскимъ. Минихъ, въ качествѣ генералъ-маіора республики и командира польской гвардіи, зависѣлъ отъ короннаго генерала. Графъ Флемминтъ, хотя былъ саксонскій фельдмаршалъ, но въ польскихъ войскахъ имѣлъ только званіе полковника гвардейскаго полка; слѣдовательно, былъ подчиненъ тому же чиновнику. Г. Синявскій, находя поступокъ

графа Флеммінга оскорбительнымъ для себя, немедленно возвратилъ Миниху шпагу, удостовѣряя его въ своемъ покровительствѣ.

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ, находившійся въ Варшавѣ чрезвычайнымъ россійскимъ посломъ, будучи свидѣтелемъ сего происшествія, убѣдилъ Миниха перейти въ службу государя своего, продолжавшаго тогда брань со шведами. Минихъ, лишившійся въ сіе время отца, подъ предлогомъ полученія наслѣдства испросилъ у польскаго короля увольненіе въ отпускъ и получилъ отъ него на дорогу пятьсотъ червонныхъ; но, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Олденбургъ, отправился онъ, подъ чужимъ именемъ, въ Ригу, гдѣ находился Петръ I. Хотя и не исходатайствовалъ отъ сего государя всего княземъ Долгоруковымъ обѣщаннаго, однако заключилъ условіе на вступленіе въ россійскую службу. Минихъ обязывался прослужить шесть лѣтъ, первые три года въ чинѣ генералъ-маіора, а на четвертый обѣщано произвести его въ генералъ-поручики. По заключеніи сего договора, поѣхалъ онъ въ Олденбургъ для принятія наслѣдства и въ то же время, испросивъ увольненіе отъ службы польскаго короля, скоро возвратился въ Россію.

Великій царь, проникнувъ отличныя дарованія Миниха, поручилъ ему главное смотрѣніе надъ устроеніемъ Ладогскаго канала, едва начатаго и плохо производимаго. При семъ директорѣ все пошло иначе: дѣятельность его поощряла подчиненныхъ; умъ его руководствовалъ къ прочному и правильному устроенію всѣхъ работъ. Петръ, не задолго предъ кончиною своею, изволилъ прибыть для обозрѣнія отдѣланной части канала; осмотрѣвъ работы, пожелалъ, чтобы въ присутствіи его спустили воду. Сѣвши съ Минихомъ и однимъ унтеръ-офицеромъ на случившійся на берегу ботикъ, императоръ повелѣлъ открыть ворота, и по стремленію пущенной воды первый въѣхалъ въ сотворенный волею его каналъ. Столь велика была радость мудраго и о благѣ подданныхъ неутомимаго Петра, что онъ, въ восторгѣ махая шляпою надъ главою своею, многократно изволилъ прокричать ура! Торжественно благодарилъ и обнималъ Миниха. Отужинавъ и проведши ночь въ укромномъ жилищѣ сего генерала, государь на другой день отправился въ Петербургъ, и въ первое происходившее потомъ засѣданіе сената императоръ въ присутствіи онаго похвалилъ искусство всѣхъ работъ канала и

отличную ревность Миниха, и повелѣлъ сенату учинить потребныя распоряженія, дабы къ совершенному окончанію сего важнаго и преполезнаго для государства предпріятія доставлены были всѣ нужныя пособія.

Неоспоримо, что графъ Минихъ былъ изъ лучшихъ инженеровъ и знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени. Твердый въ начальствѣ, рѣшительный въ предпріятіяхъ, былъ мужественъ, проницателенъ и быстръ на полѣ сраженія. Просвѣщеніе его было обширное; говорилъ и писалъ весьма хорошо на многихъ языкахъ; въ исторіи почерпалъ онъ уроки для поведенія своего; въ математическихъ наукахъ имѣлъ большія свѣдѣнія и артилерійскую часть зналъ превосходно.

При пяти различныхъ правленіяхъ россійскихъ монарховъ, Минихъ пользовался отличнымъ уваженіемъ и довѣренностію.

Екатерина I пожаловала его первымъ генераломъ и кавалеромъ новоучрежденнаго ордена св. Александра Невскаго. Петръ II повелѣлъ ему быть предсѣдательствующимъ государственной военной коллегіи, градоначальникомъ въ С.-Петербургѣ въ отсутствіе двора, пожаловалъ деревнями въ Лифляндіи, а въ день коронованія своего возвелъ его въ графское достоинство. Въ царствованіе Анны Іоанновны, Минихъ пріобрѣлъ многія награды и самыя знаменитыя достоинства: орд. св. Андрея, штаги (?) и орденскіе знаки алмазами украшенные, многократно денежные подарки, званіе генералъ-фельдцейхмейстера, генералъ-директора надъ фортификаціями, надъ Ладогскимъ каналомъ и Балтійскимъ портомъ, подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и члена верховнаго кабинета; въ 1732 году возведенъ на степень генералъ-фельдмаршала. Въ началѣ регентства при правительницѣ Аннѣ Карловнѣ, получилъ достоинство перваго министра, и при ней же вскорѣ, по прошенію его, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ.

Съ восшествіемъ на россійскій престолъ Елисаветы, разразился громъ надъ главою Миниха и, въ продолженіе всего государствованія сей монархини, Минихъ претерпѣвалъ жесточайшее гоненіе, а Россія лишена была знаменитаго полководца. Петръ III возвратилъ ему свободу и достоинства, кровію и заслугами отечеству пріобрѣтенныя. Екатерина Великая удостоивала Миниха отличнымъ благоволеніемъ и пользовалась совѣтами его.

Сказанное г. Манштейномъ о пребываніи фельдмаршала въ

ссылкѣ бо̀льшею частію ложно. Онъ содержался подъ строгимъ присмотромъ, не позволяли доставлять къ нему ни перьевъ ни бумаги, и запрещали вести съ нимъ переписку, даже и семейству его. Слѣдовательно, не могъ онъ посылать увѣщательныхъ писемъ къ правителямъ сибирскихъ губерній, ни угрожать имъ о донесеніи императрицѣ о злоупотребленіяхъ. Но справедливо, что онъ внушалъ къ себѣ почтеніе, и приставленные къ присмотру за нимъ чиновники не смѣли поступать съ нимъ подобно какъ съ прочими ссылочными; не смѣли ничего похищать изъ отпускаемаго на содержаніе его. Фельдмаршалъ, по возвращеніи изъ ссылки, сказывалъ мнѣ, что сохранилъ у себя три карандаша, выдиралъ онъ изъ присылаемыхъ ему мѣсяцеслововъ бѣлые листы и на оныхъ писалъ разсужденія о воинствѣ и о внутреннемъ управленіи Россійскаго государства; но узнавъ, что одинъ изъ приставовъ замѣтилъ сіе и намѣревался сдѣлать доносъ, все написанное бросилъ онъ въ огонь. Равномѣрно справедливо, что графъ обучалъ геометріи одного изъ приставовъ своихъ, способнаго и страстнаго къ просвѣщенію молодаго человѣка.

Примѣчаніе о графѣ Минихѣ по возвращеніи его изъ ссылки.

Въ примѣчаніяхъ издателя Записокъ г. Манштейна [1]) также вкрались нѣкоторыя погрѣшности. Сынъ графа Миниха, сопровождаемый своими дѣтьми, тремя сыновьями и двумя дочерями, рожденными во время ссылки его въ Вологдѣ, прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя своего. Тутъ нашелъ онъ, уже пріѣхавшихъ изъ Риги, старшую дочь свою и супруга ея барона Фитингофа. При полученіи извѣстія о приближеніи фельдмаршала къ Петербургу, сынъ его съ прочимъ семействомъ выѣхалъ ему на встрѣчу за тридцать верстъ отъ столицы и застали его садящагося съ графинею за обѣдъ. Не дочь знаменитый старецъ увидѣлъ чрезъ двадцать и одинъ годъ горестной разлуки, но внучку свою; а о существованіи другихъ внучатъ не имѣлъ и понятія. Минихъ совѣтовалъ Петру III ѣхать прямо не въ Петербургъ, гдѣ уже сердца всѣхъ преклонились предъ

[1]) То-есть изданія 1771-го года, на нѣмецкомъ языкѣ.

Екатериною, но въ Кронштадтъ, наполненный и войскомъ и флотомъ; таковыми пособіями, съ коими возможно было, если не противиться торжествующей противуборницѣ, то, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти снисхожденіе и согласіе ея, чтобы низверженному Петру дозволить приличнымъ образомъ отъѣхать въ какое нибудь мѣсто, избранное для уединеннаго убѣжища его. Но нерѣшительный и робкій Петръ ничего не умѣлъ предпринять; окруженный роскошными придворными и барынями, и трусливыми царедворцами, преданными забавамъ, находился онъ въ страшномъ смущеніи духа и въ непрерывныхъ колебаніяхъ; напослѣдокъ, бросился на яхту и поплылъ къ Кронштадту, но уже было поздно; прозорливый умъ Екатерины и тутъ поставилъ ему преграду непреоборимую: Талызинъ угрожаетъ открыть огонь со всѣхъ батарей и низринуть яхту въ пучину морскую. Пораженный страхомъ, Петръ поспѣшно удаляется, плыветъ—не зная самъ куда; судьба высаживаетъ его въ Ораніенбаумѣ. Когда все было рѣшено и Минихъ предсталъ предъ Екатериною, императрица сказала ему:

— «Вы намѣревались сражаться противу меня?»

— «Такъ, государыня,—отвѣчалъ фельдмаршалъ,—но теперь буду сражаться единственно за ваше величество».

. Извѣстно, что потомъ сія великодушная монархиня всегда съ отличною милостію и уваженіемъ обращалась съ Минихомъ.

Объ оберъ-гофмаршалѣ графѣ Левенвольдѣ.

[Зап. Маншт., стр. 241—242].

Несправедливо, чтобы и оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольдъ подавалъ правительницѣ совѣтъ объявить себя императрицею. Левенвольдъ былъ прозорливаго ума, и не предстояло ни малѣйшей побудительной причины преклонять великую княгиню на таковой легкомысленный поступокъ. Преступленіе Левенвольда состояло въ томъ, что графъ показалъ правительницѣ письмо, полученное имъ изъ Фландріи, отъ одного уволеннаго отъ россійскаго двора метродотеля; прежній усердный служитель подробно описалъ заговоръ, умышляемый Елисаветою.—Достойный Левенвольдъ, сотворенный для того, чтобы блистать при великомъ

дворѣ, къ общему сожалѣнію, умеръ въ Соликамскѣ, куда онъ сосланъ былъ въ заточеніе. Безпристрастіе требуетъ воздать похвалу гг. Строгановымъ, имѣющимъ богатые заводы и соляныя варницы въ семъ мѣстѣ: сострадательныя ихъ сердца старались облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольда, вспомоществовали и доставляли ему все потребное къ пропитанію и содержанію. Да цвѣтетъ и наслаждается всѣми благами потомство добродѣтельныхъ душъ!

Объ описаніи въ казну имѣнія, принадлежавшаго женамъ и дѣтямъ сосланныхъ въ Сибирь особъ.

[Зап. Манштейна, стр. 237]

Движимое и недвижимое имѣніе женъ всѣхъ особъ, сосланныхъ въ заточеніе, описали въ казну; богатыя помѣстья графини Головкиной, наслѣдованныя ею отъ Ромодановскихъ, Шеина и Салтыкова, пожалованы были новымъ временщикамъ, появившимся на позорищѣ, и частію гренадерамъ, споспѣшествовавшимъ Елисаветѣ при восшествіи на престолъ. Имѣніе графини Минихової подверглось той же участи. Даже не взирая на законъ Петра Великаго, святою справедливостью внушенный, воспрещающій касаться имѣнія дѣтей тѣхъ родителей, которыхъ несчастная судьба заключаетъ въ ссылку, при семъ случаѣ преслѣдовали и дѣтей знаменитыхъ жертвъ.

О графѣ Ернестѣ Минихѣ, сынѣ фельдмаршала.

[Зап. Манштейна, стр. 239—240].

Хотя оберъ-гофмейстеръ Ернестъ Минихъ не былъ въ числѣ особъ, составлявшихъ совѣтъ правительницы; хотя не занимался никакими государственными дѣлами и единственно токмо по званію своему отправлялъ должность при дворѣ, но не менѣе того понесъ гоненіе отъ новаго правительства. Однажды Елисавета Петровна, разговаривая въ собраніи съ чужестранными министрами, изъявила, что она крайне соболѣзнуетъ о сынѣ фельдмаршала, а особенно о супругѣ его, присовокупивъ: «Они всегда были ко мнѣ отмѣнно почтительны и я была довольна

ими». Таковой благосклонный отзывъ императрицы нимало не перемѣнилъ нещастнаго жребія Минихова сына. Одно добродушіе въ царѣ недостаточно. Дабы народы вкушали блаженство, необходимо нужно, чтобы сердце государя управляемо было собственнымъ умомъ; чтобы воля его превозмогала всѣ происки и ухищренія ласкателей-царедворцевъ.

Графа Ернеста Миниха обвинили за то, что, зная о замыслахъ нѣкоторыхъ особъ, желавшихъ объявить правительницу императрицею, не старался отклонить ея отъ сего намѣренія; приговорили къ лишенію должности, чиновъ и ордена; въ замѣну описанныхъ въ казну лифляндскихъ помѣстій назначили для прожитія его деревню въ Россіи. Но захваченныя драгоцѣнныя вещи и всю движимость, ему принадлежавшую, ни полушки не выдали. Опредѣленная Миниху деревня для жительства была самая бѣдная; почему онъ просилъ пожаловать, вмѣсто деревни, какое либо денежное содержаніе; удовлетворили прошенію сему: повелѣли Миниху жить подъ присмотромъ въ Вологдѣ и производили на содержаніе его по тысячѣ рублей въ годъ, а подъ конецъ ссылки его увеличили таковое содержаніе до 1,400 руб.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 247].

Г. Бецкой извѣстилъ французскаго посла, что императрица Елисавета отправляетъ къ графу Левенгаупту нарочнаго чиновника съ предложеніемъ о перемиріи и о прекращеніи военныхъ дѣйствій, и именемъ ея убѣдилъ сего министра, дабы и онъ съ своей стороны содѣйствовалъ въ семъ случаѣ. Маркизъ Де-ла-Шетарди съ тѣмъ же нарочнымъ писалъ къ Левенгаупту; шведскій полководецъ послушался, и прекращеніемъ военныхъ дѣйствій учинилъ большую погрѣшность, за что и лишился головы. Упоминаемый г. Бецкой есть тотъ самый, который, въ царствованіе Екатерины и подъ руководствомъ сей мудрой царицы, учредилъ въ Россіи знаменитыя заведенія, содѣлавшія имя его извѣстнымъ во всей Европѣ.

Замѣчаніе о ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны.

[Зап. Манштейна, стр. 248—249].

Число ссылочныхъ въ правленіе Анны Іоанновны показано г. Манштейномъ по народнымъ слухамъ, обыкновенно все увеличивающимъ. Также неосновательно повѣствуетъ онъ, будто бы случилось, что съ трудомъ отыскивали мѣстопребываніе ссылочныхъ. Правда, что часто отправляли преступниковъ, не объявляя объ имени ихъ ни препровождавшимъ, ни начальникамъ тѣхъ мѣстъ, куда они ссылались; но всегда такимъ образомъ отправляемый означался номеромъ, по коему легко было найти въ архивѣ тайной канцеляріи—кто гдѣ содержится.

Причины несогласія между графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и марк. Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 249—250].

Графъ Бестужевъ-Рюминъ не потому старался сблизить Россію съ Австріею, чтобы онъ лучше былъ расположенъ къ вѣнскому, нежели къ версальскому двору. Причиною сему былъ посланникъ послѣдняго двора. Маркизъ Де-ла-Шетарди, оказавшій Елисаветѣ Петровнѣ преданность при прежнихъ правленіяхъ, споспѣшествовавшій возведенію ея на престолъ, дѣйствительно пользовался отличнымъ благоволеніемъ императрицы; но, не довольствуясь симъ, пожелалъ мѣшаться въ дѣла Россійскаго государства, возмечтавъ властвовать и при дворѣ, и надъ министрами. Честолюбивый Бестужевъ-Рюминъ не могъ потерпѣть такого униженія, поклялся непримиримою враждою версальскому кабинету и, будучи хитръ и дѣятеленъ, употреблялъ всѣ способы низвергнуть силу и довѣренность французскаго посла. Англичане, искусно извлекающіе для себя пользу изъ всѣхъ обстоятельствъ, старались снискать дружество и графа Бестужева-Рюмина и раздували пламенникъ вражды между имъ и маркизомъ.

Объ уничтоженіи Елисаветою наградъ, пожалованныхъ отъ Правительницы.

[Зап. Манштейна, стр. 250].

Елисавета Петровна, уничтоживъ всѣ награжденія, пожалованныя правительницею, несправедливо обидѣла удостоенныхъ возмездія за службу отечеству, въ числѣ коихъ находились люди отличнѣйшаго достоинства. Подавшіе ей таковой совѣтъ поступили столь же неправосудно, сколько и непроницательно. Мудрый государь обращаетъ милостивый взоръ и на служившихъ усердно у предшественниковъ его. Это согласно и съ благодушіемъ и съ здравою политикою: да не влачатъ дни свои въ презрѣніи и намъ служащіе.

О заключеніи мира со Швеціею.

[Зап. Манштейна, стр. 290].

Швеція, вовлеченная въ пагубную войну, не знала какъ очистить (?) оную. Въ то же время, упраздненный въ Штокгольмѣ престолъ повергалъ сеймъ въ недоумѣніе въ избраніи короля. Сторона подъ названіемъ шляпъ, воспламенившая войну, ласкаясь найти подкрѣпленіе и пособія къ продолженію оной, намѣревалась возвести на шведскій престолъ сына датскаго короля; миролюбивая же сторона, называвшаяся колпаками, утверждала, что, избравъ королемъ россійскаго наслѣдника, можно будетъ заключить выгодный миръ, хотя, впрочемъ, и не надѣялась, чтобы въ Петербургѣ приняли таковое предложеніе. Напослѣдокъ восторжествовали колпаки и Швеція, вмѣстѣ съ миромъ, получила отъ руки россійской императрицы короля Адольфа Фридриха, бывшаго епископа Любскаго, администратора Голштейнъ-Готторпскаго, роднаго дядю наслѣдника россійскаго престола. Миръ постановленъ былъ въ Абовѣ уполномоченными отъ Россіи генералами графомъ Александромъ Ивановичемъ Румянцевымъ и барономъ фонъ-Люберасомъ, а отъ Швеціи сенаторомъ барономъ Цедерирейцомъ и государственнымъ секретаремъ барономъ Нолькеномъ. Симъ миромъ Россія пріобрѣла крѣпость Нейшлотъ и Кименсгердскую об асть [1]).

[1]) Судьба предоставила имени Румянцева споспѣшествовать расширенію россійскихъ предѣловъ на сѣверѣ: графъ Александръ Ивановичъ, заключивъ

О графѣ Левендалѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 268].

Графъ Владиміръ Левендаль, знатнаго происхожденія, находившійся въ россійской службѣ полнымъ генераломъ, г. губернаторъ въ Ревелѣ и кавалеръ св. Александра Невскаго, былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендаль хорошо говорилъ почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и положеніе дворовъ и состояніе войскъ европейскихъ. Левендаль, обращавшійся со мною дружески, вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, открывался мнѣ, что онъ твердо рѣшился оставить россійскую службу; но дабы не имѣли предлога отнести сіе къ трусости, то онъ намѣревался прослужить предстоявшую кампанію. Въ то же время показывалъ мнѣ письмо, которымъ удостовѣряли о благосклоннѣйшемъ пріемѣ его въ Берлинѣ, если пожелаетъ онъ раздѣлять славу съ Фридрихомъ. Но графъ Де-Саксъ, питавшій къ Левендалю отличное уваженіе, убѣдилъ его вступить въ службу французскаго короля. Съ похвалою прослуживъ всѣ фландрскія кампаніи, Левендаль прославилъ себя покореніемъ Берг-оп-цоима, и былъ возведенъ въ маршалы.

О генералѣ Кейтѣ.

[Зап. Манштейна, стр. 269].

Яковъ Кейтъ, находившійся въ россійской службѣ полнымъ генераломъ, подполковникомъ гвардіи и кавалеромъ св. Андрея и Александра, имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный, кротостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ. Среди звука оружія не переставалъ онъ заниматься науками, и съ необыкновеннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ искусствѣ. Кейтъ, тотчасъ по восшествіи на престолъ Елисаветы,

---

Абовскій миръ, пріобрѣлъ къ отечеству нашему Кименсгердскую область, а внукъ его, г. государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ, постановивъ въ 1809 году миръ со шведами въ Фридрихсгамѣ, увеличилъ Россію всѣмъ княжествомъ Финляндскимъ, частію Ботніи, Лапландіи и нѣкоторыми изъ Аландскихъ острововъ. Примѣч. П. И. Свиньина.

былъ приглашенъ съ большими выгодами въ прусскую службу. Тогда удержали его въ Россіи ласками и наградами. Между тѣмъ, онъ твердо рѣшился при первомъ неудовольствіи оставить россійскія знамена, чрезвычайно негодуя, что не сдержали даннаго обѣщанія объ устроеніи судьбы брата его. Вскорѣ встрѣтился непріятный случай для Кейта. Императрица Елисавета Петровна, предполагая отправить тридцатитысячный корпусъ войскъ на помощь императрицѣ-королевѣ, назначила начальникомъ онаго генерала князя Василія Никитича Репнина. Кейтъ, будучи старѣе въ чинѣ, оскорбился симъ и просилъ увольненія отъ службы. Прусскій король принялъ Кейта въ свою службу фельдмаршаломъ, а брата его пожаловалъ нейшательскимъ губернаторомъ. Кейтъ погибъ въ бѣдственную для Фридриха II-го ночь при Гохкирхенѣ, въ 1758 году.

О заговорѣ противу императрицы Елисаветы Петровны.

[Зап. Манштейна, 289—290].

Вовсе не имѣли ясныхъ доказательствъ о семъ заговорѣ. Въ тогдашнее время многіе люди, достойные всякаго вѣроятія, называли сей заговоръ вымышленнымъ; утверждали, что все заключалось въ пустыхъ разговорахъ двухъ недовольныхъ барынь и въ нескромныхъ рѣчахъ сына одной изъ нихъ, вѣтреннаго и невоздержнаго житія молодаго человѣка, и что для предъявленія извѣта подкупленъ былъ одинъ слуга, принадлежавшій симъ госпожамъ. Маркизъ Де-Ботта, почитаемый зачинщикомъ и душою заговора, еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны познакомился съ г-жою Лопухиною, супругою флотскаго генералъ-кригсъ-коммисара, одною изъ первѣйшихъ красавицъ своего времени, съ родною сестрою несчастнаго графа М. Г. Головкина, бывшею въ супружествѣ за графомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, братомъ государственнаго канцлера. Долговременное знакомство, наконецъ, обратилось между ими въ откровенную и дружественную связь. Бѣдственная участь графа Головкина и графа Левенвольда, искреннаго друга г-жи Лопухиной, а особенно чрезвычайное злополучіе бывшей правительницы и всего ея дома, повергли упомянутыхъ госпожъ въ сер-

дечную скорбь и часто исторгали у нихъ жалобы противу новаго правительства. Маркизъ Де-Ботта, принимая живѣйшее участіе въ горести ихъ, старался всячески утѣшать, представляя, что въ государствѣ, въ коемъ въ недавнемъ времени произошло столько внезапныхъ перемѣнъ, могутъ онѣ надѣяться, что счастіе ихъ неожиданно обрадуетъ. Статься можетъ, что въ утѣшеніе удостовѣрялъ онъ, что венгерская королева и король прусскій, какъ ближайшіе родственники низверженнаго дома, страдавшаго въ заточеніи, примутъ мѣры и попеченіе объ облегченіи судьбы онаго. Легковѣріе женщинъ могло вывести изъ таковаго простаго утѣшенія мечтательныя въ пользу свою послѣдствія, и легко было при слѣдствіи, среди угрозъ и пытокъ, исторгнуть отъ нихъ желаемое признаніе, для обвиненія австрійскаго посланника; не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія распущенная молва, будто бы маркизъ Де-Ботта, находясь въ Берлинѣ, имѣлъ переписку съ графинями Бестужевою и Лопухиною, обнадеживая, что король прусскій приметъ участіе въ заговорѣ и подкрѣпитъ его. Простое замѣчаніе, что какое нибудь одно перехваченное письмо откроетъ весь замыселъ и разрушитъ заговоръ, ежели бы дѣйствительно существовалъ оный, удержало-бъ отъ переписки министра сего, человѣка весьма осторожнаго. Равномѣрно невѣроятно, чтобы завлекли онѣ въ свое намѣреніе многихъ молодыхъ людей, ибо подверглись наказанію токмо однѣ упомянутыя госпожи и родственники ихъ. Впрочемъ, Марія-Терезія достаточно убѣдила, что не находила столь виновнымъ маркиза Де-Ботту, какъ объявлено было въ обнародованномъ по сему случаю россійскимъ дворомъ манифестѣ: ибо государыня сія, въ удовлетвореніе Елисаветы Петровны, продержала маркиза самое малое время подъ стражею, но потомъ вскорѣ изъявила ему несомнѣнные знаки благоволенія своего и поручила ему начальство надъ войсками, дѣйствовавшими въ Италіи. И такъ, съ которой стороны ни разбирать сіе дѣло, надлежитъ признаться, что не существовало явнаго заговора; что наказаніе, учиненное несчастнымъ знатнымъ барынямъ, супругу и сыну Лопухиной, исторгаетъ состраданіе наше. Жестокое сіе наказаніе, свойственное варварскимъ временамъ, конечно, не послужитъ въ похвалу государыни, коея великодушіе и сострадательность къ человѣчеству съ толикимъ тщаніемъ старались превознести.

О французскомъ послѣ, маркизѣ Де-ла-Шетарди.

[Зап. Манштейна, стр. 291—292].

Маркизъ Де-ла-Шетарди былъ человѣкъ бѣглаго ума, надменный и опрометчивый. Въ 1742 году, когда, по странной системѣ кабинета Людвига XV, находились при россійскомъ дворѣ два французскихъ министра, маркизъ—въ качествѣ чрезвычайнаго посла, а г. Юсонъ-Даллонъ (d'Usson d'Aillon) полномочнымъ министромъ, маркизъ поссорился съ послѣднимъ и въ канцеляріи посольской дрался съ нимъ на поединкѣ. Вспыльчивый и скорый Де-ла-Шетарди не способенъ былъ никакое дѣло производить съ благоразумною осторожностію; почему и въ семъ случаѣ учинилъ величайшую глупость, обнаруживъ замыслъ свой къ ниспроверженію графа Бестужева-Рюмина. Напротивъ, россійскій канцлеръ имѣлъ умъ обширный и просвѣщенный, и характеръ твердый; находясь при другихъ дворахъ во многихъ посольствахъ, отправляя важнѣйшія государственныя дѣла при различныхъ правительствахъ, долговременнымъ опытомъ утвердилъ онъ дарованія природныя; таковый прозорливый и дѣятельный министръ не дремалъ, когда угрожаема была безопасность его: происками и ухищреніямъ француза противупоставилъ онъ равносильныя орудія. Любопытствуя узнать о содержаніи подозрительной переписки между Де-ла-Шетардіемъ и французскимъ посланникомъ въ Штокгольмѣ, канцлеръ приказалъ схватить нарочнаго гонца, отправленнаго отъ перваго, и отобрать отъ него всѣ бумаги. Между оными найдено одно письмо, въ которомъ маркизъ весьма невыгоднымъ и оскорбительнымъ образомъ представлялъ изображеніе Елисаветы Петровны. Канцлеръ немедленно показалъ сіе письмо государынѣ своей. Раздраженная императрица въ то же мгновеніе повелѣла выслать Де-ла-Шетарди за границу, лишивъ его россійскихъ орденовъ.

Что принадлежитъ до прибавленія издателя, присовокупленнаго къ сочиненію г. Манштейна [1]), то о семъ достаточно сказать:

---

[1]) Въ нашемъ изданіи «Записокъ Манштейна» (приложеніе къ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г.), это «Добавленіе къ Запискамъ о Россіи»—занимаетъ стр. 293—328 и есть переводъ—съ той же рукописи Манштейна, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу. «Supplément aux Mémoires de Russie» занимаетъ въ рукописи писанной, рукою Манштейна, стр. 119—173, вслѣдъ за второю частью Записокъ. Ред.

что воинство, торговля, государственные доходы, словомъ — всѣ вѣтви правленія Россійской имперіи, по вступленіи на престолъ Екатерины Великой, получили совершенное преобразованіе, несомнѣнно ведущее сіе знаменитое государство къ благоденствію и славѣ.

КОНЕЦЪ.

Составитель «Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи».

I.

«Русская Старина», въ первыя десять лѣтъ изданія, представила на своихъ страницахъ, между прочими, очень важныя сказанія о восемнадцатомъ вѣкѣ, какъ совсѣмъ неизвѣстныя, такъ и извѣстныя, но вновь напечатанныя ею съ оригинальныхъ рукописей. Къ числу напечатанныхъ въ первый разъ съ оригинальной рукописи автора, въ виду того, что прежде бывшія изданія дѣлались съ неисправныхъ и неполныхъ списковъ, разногласіе которыхъ, и очень существенное, оказывается при сличеніи, принадлежатъ въ высшей степени важныя для русской исторіи «Записки генерала Манштейна о Россіи» («Русская Старина» изд. 1875 г. Приложеніе). Время, обнимаемое разсказомъ генерала Манштейна, одно изъ самыхъ интересныхъ для изученія (1725—1744 гг.): въ эти девятнадцать лѣтъ послѣдовало пять перемѣнъ правительства.

Этотъ, въ высшей степени интересный, періодъ—весьма подробно и обстоятельно описанъ Манштейномъ въ его Запискахъ, которыя изъ всѣхъ сказаній иностранцевъ о второй четверти XVIII-го вѣка, конечно, должны занять наболѣе видное, первенствующее мѣсто.

Знакомый съ русскимъ языкомъ и по служебному положенію своему поставленный въ близкія отношенія ко всѣмъ дѣлавшимъ русскую исторію за упомянутый періодъ—Манштейнъ тѣмъ не менѣе, какъ иностранецъ, не могъ избѣжать въ своемъ трудѣ сознательныхъ и несознательныхъ ошибокъ. Сознательныя ошибки состояли, между прочимъ, въ невѣрныхъ характеристикахъ тѣхъ или другихъ лицъ, несознательныя—проистекали отъ неполнаго знакомства съ нравами и духомъ русскаго народа, либо отъ пристрастнаго увлеченія въ пользу или противъ того или другаго историческаго дѣятеля.

Записки Манштейна, весьма скоро послѣ появленія своего за границей, въ 1770—1771 гг., сдѣлались извѣстны въ Россіи, какъ въ иностранныхъ изданіяхъ, такъ и въ рукописныхъ переводахъ на русскій языкъ. Редактору «Русской Старины» попадались, въ различныхъ собраніяхъ рукописей, не одинъ разъ переводы этого историческаго памятника, сдѣланные въ 1770—1790-хъ годахъ.

Въ виду извѣстности Записокъ Манштейна въ Россіи, еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія, то есть, когда еще были живы многіе изъ современниковъ очевидцевъ описанныхъ имъ событій, весьма естественно не могли не явиться замѣчанія лица, вполнѣ свѣдущаго, на промахи и ошибки Манштейна; таковыя замѣчанія и явились въ рукописи. Нѣтъ сомнѣнія, что писаны они вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлались извѣстными «Записки о Россіи», и писалъ ихъ человѣкъ, самъ участвовавшій въ событіяхъ, хотя, всего вѣроятнѣе, не игравшій еще въ 1735—1745 гг. особенно видной роли.

Замѣчанія эти весьма долго ходили въ рукописи, пока наконецъ П. И. Свиньинъ, издатель «Отечественныхъ Записокъ», помѣстилъ ихъ въ

этомъ журналѣ, растянувъ клочками въ теченіе времени съ 1825 го по 1829 г. включительно.

Какъ и многое, что печаталъ Свиньинъ,—«Замѣчанія на Записки Манштейна» изданы весьма неисправно и съ немалыми пропусками, легко, впрочемъ, объясняемыми цензурными колодками, въ которыхъ находилась тогда русская литература вообще и историческій ея отдѣлъ въ особенности.

Кто былъ авторъ «Замѣчаній»? Вопросъ любопытный—такъ какъ Замѣчанія сами по себѣ составляютъ довольно обширный, интересный и немаловажный источникъ для русской исторіи эпохи 1727—1744 годовъ. Но на этотъ вопросъ изслѣдователи отечественной исторіи не могли до сихъ поръ дать вполнѣ точнаго и безспорнаго отвѣта. Постараемся разсмотрѣть повнимательнѣе «Замѣчанія» и изъ текста этого историческаго памятника извлечь возможно точныя указанія на то, кто былъ составитель «Замѣчаній»?

Составитель «Замѣчаній» говоритъ, поправляя Манштейна, о походахъ Миниха по степямъ въ 1736 и въ 1737 гг., о взятіи Очакова,—какъ очевидецъ, а сужденія его о Минихѣ, какъ полководцѣ, не оставляютъ сомнѣнія, что онъ военный генералъ, командовавшій корпусомъ и самъ бывавшій въ такихъ же почти обстоятельствахъ дающихъ право выставлять ошибки полководца, хотя, можетъ быть, обстоятельства были не тѣ, слагались не такъ и упущеній не было, а слѣдовательно, и повода къ обвиненію. Еще прежде турецкихъ походовъ, авторъ «Замѣчаній» отъ своего лица говоритъ: «Я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими» — китайскаго посольства въ Петербургѣ, бывшаго въ 1732 году. При послахъ обыкновенно бывали пристава изъ чиновъ иностранной коллегіи нашей, да давались имъ экипажи отъ придворнаго конюшеннаго вѣдомства. Слѣдовательно, подъ именемъ чиновниковъ и прислуги, не китайской—языку которой выучиться въ Петербургѣ никакъ было нельзя,—разумѣть мы можемъ чины русскіе коллежскіе и конюшенные. Съ этими свитскими и конюшенными служителями могъ, разумѣется говорить человѣкъ, находившійся въ Петербургѣ и пользовавшійся такимъ общественнымъ положеніемъ, которое способствовало установленію на столько короткости, чтобы запросто толковать объ обращеніи пословъ съ прислугою своею, здѣсь имъ данною. Поэтому завѣреніе о томъ, что на китайскихъ пословъ, въ бытность ихъ здѣсь, не слышно было никакой жалобы и отъ прислуги, могъ сдѣлать человѣкъ близко стоявшій или къ управляющему иностранными дѣлами, или къ начальнику придворной конюшни, назначавшему экипажи съ прислугою, для посылокъ, разъѣздовъ, сопровожденія и пр. И такое положеніе автора было въ 1731 и 1732 годахъ, потому что говоритъ онъ о двухъ посольствахъ изъ Китая въ Россію, поправляя показанія Манштейна, назвавшаго первымъ пріѣздъ китайцевъ въ 1732 году.

Есть еще особенность, которая можетъ указать автора «Замѣчаній» — его сношенія съ генералами Кейтомъ и Левендалемъ и сочувствіе особенное къ нимъ, выразившееся въ сожалѣніи объ утратѣ Россіею этихъ двухъ военныхъ людей, любимыхъ войскомъ и принесшихъ большую пользу своею службою. Выраженіе сочувствія къ Кейту находитъ оправданіе въ знакомствѣ съ нимъ автора и въ обращеніи къ нему дружескомъ, даже по воцареніи Елисаветы. Кто же бы такой могъ писать свои «Замѣчанія на Записки Манштейна» съ указанными особенностями?

До сихъ поръ высказано было два предположенія объ авторѣ «Замѣчаній»

П. И. Свиньинъ, печатая въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1825, 1826, 1828 и 1829-го годовъ (части 21, 22, 23, 25, 26, 36, 38 и 39-я) «Замѣчанія» неизвѣстнаго автора, передъ началомъ текста, въ январьской книжкѣ 1825 года, въ подстрочномъ примѣчаніи говоритъ: «Не можемъ опредѣлить автора сихъ Замѣчаній; имѣемъ только право полагать, что они должны быть произведеніе вельможи, бывшаго весьма близкимъ свидѣтелемъ или даже участникомъ въ государственныхъ дѣлахъ, относящихся до любопытныхъ эпохъ, въ нихъ описанныхъ перомъ живымъ, основательнымъ». А въ 42-й части «Отечественныхъ Записокъ» 1830-го года, перечисляя авторовъ, помѣщавшихъ статьи въ этомъ журналѣ, «Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи» приписаны графу Ѳедору Андреевичу Остерману, сыну знаменитаго вице-канцлера, въ «Замѣчаніяхъ» представленнаго далеко не такъ, чтобы предполагать ихъ вышедшими изъ-подъ пера его сына.

Выражая сомнѣніе въ возможности признавать авторомъ «Замѣчаній на Записки Манштейна» котораго либо изъ сыновей графа Остермана, вице-канцлера до Елисаветы, П. К. Щебальскій въ статейкѣ, помѣщенной въ 3-й книгѣ 1859 года «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», сослался еще на барона Зедделера, назвавшаго въ статьѣ «Военнаго энциклопедическаго лексикона» авторомъ «Замѣчаній на Записки Манштейна» графа Ивана Андреевича Остермана. П. К. Щебальскій въ своей догадкѣ, озаглавленной «Кто писалъ Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи» (стр. 141—146, отд. I кн. 3-й, Чт. въ Общ. ист. и др. рос. 1859 г.), самъ считаетъ авторомъ этихъ Замѣчаній графа Миниха—сына фельдмаршала, по сходству значительнаго числа мѣстъ въ «Замѣчаніяхъ» съ «Записками», писанными Минихомъ-сыномъ во время ссылки, въ Вологдѣ, въ 1758 году, и изданными гр. М. С. Воронцовымъ въ 1817 году. Сходство параллельныхъ мѣстъ въ «Запискахъ графа Миниха-сына», и въ «Замѣчаніяхъ» на Манштейна, особенно объ обстоятельствахъ регентства Бирона и низверженія его, дѣйствительно, на первый взглядъ поражаетъ. Но вчитываясь глубже въ смыслъ изложенія «Замѣчаній» и «Записокъ», замѣчается также и разногласіе въ изложеніи одного и того-же событія, являются дополненія въ «Замѣчаніяхъ» недосказаннаго въ «Запискахъ», даже разность взгляда и оцѣнки лицъ, хотя, положимъ, не существенная. Все это, скажутъ намъ, не на столько, однако, важно, чтобы подрывало увѣренность въ возможности приписать одному перу и «Замѣчанія на Записки Манштейна», и «Записки для дѣтей» Миниха-сына, и его нѣмецкій отвѣтъ порицателямъ Миниха-фельдмаршала въ Бюшинговомъ Магазинѣ, уже несомнѣнно тождественный съ «Записками для дѣтей».—До извѣстной степени, аргументъ сильный—это указываніе на сходство подробностей и мотивовъ даже, встрѣчающихся въ твореніяхъ графа Миниха-сына и въ «Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна»; но это сходство ихъ всего проще объяснить можно тѣмъ, что «Записки» Миниха-сына были въ рукахъ автора «Замѣчаній», при чемъ, однако, составитель «Замѣчаній» не ограничивался только разсказомъ сына фельдмаршала. Авторъ «Замѣчаній» касается и такого времени, уже въ царствованіе Елисаветы, когда графъ Минихъ-сынъ, арестованный и сосланный одновременно съ отцомъ, не могъ знать ничего, что происходило въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ и при дворѣ. Да и въ самыхъ явленіяхъ на сцену Миниха-сына, сообщившаго свои сужденія, выходитъ въ «Замѣчаніяхъ» далеко небуквальное сходство съ «Записками» его, какъ заявлялъ П. К. Щебальскій. За примѣрами ходить не далеко. Г. Щебальскій первымъ и самымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу своего

предположенія, что «Замѣчанія» на Манштейна писалъ Минихъ-сынъ, считаетъ разговоръ его съ отцомъ въ присутствіи барона Менгдена, въ кабинетѣ з а п е р т о м ъ (по словамъ Щебальскаго), утромъ 9-го ноября 1740 г., о наградахъ на радостяхъ по случаю низверженія Бирона. Фельдмаршалъ продиктовалъ сыну первую награду себѣ—чинъ генералиссимуса—и тутъ-же услышалъ совѣтъ сына, что это не ловко: неравно правительница уже рѣшила въ мысляхъ своихъ даровать эту почесть супругу? Справедливость замѣчанія близкаго лица къ правительницѣ по женѣ его, сестрѣ ея первой пріятельницы, Юліаны Менгденъ—поразила фельдмаршала и охолодила пылъ его честолюбивыхъ надеждъ, неудовлетворявшихся первою министерскою ролью. Но, дѣлать нечего, онъ послѣдовалъ совѣту сына и тотъ написалъ пожалованіе фельдмаршалу званія перваго министра. Фельдмаршалъ, однако, тутъ-же представилъ возможность бѣды отъ этого первенства, со стороны Остермана, нетерпѣвшаго совмѣстниковъ, а тѣмъ болѣе высшихъ себя въ кабинетѣ.—Произведеніе вице-канцлера въ адмиралы, о чемъ заговаривалъ дипломатъ еще въ 1732 году, показалось подходящимъ на первый случай громоотводомъ. Затѣмъ принято поднятіе въ канцлеры—Черкаскаго и замѣщеніе мѣста въ кабинетѣ еще однимъ русскимъ, графомъ Михаиломъ Гавриловичемъ Г о л о в к и н ы м ъ; что и заключило конференцію о наградахъ, по тексту Записокъ графа Миниха-сына. Но то ли мы находимъ въ «Замѣчаніяхъ»?—Почти то же, но съ прибавкою подробностей новыхъ, между которыми есть одна очень важная, прямо оговоренная, что дѣло произошло «п о у х о д ѣ м о л о д а г о М и н и х а и б а р о н а М е н г д е н а». Кромѣ того, прибавка эта измѣняетъ вполнѣ смыслъ разсказа сына фельдмаршала и исключаетъ возможность присвоивать ему обладаніе тайною конференціи въ запертомъ кабинетѣ. Въ Замѣчаніяхъ читается это мѣсто такъ: «Такимъ образомъ составя роспись о повышеніи чинами и о пожалованіи орденами, по у х о д ѣ м о л о д а г о М и н и х а и бар. Менгдена, фельдмаршалъ в е л ѣ л ъ с е к р е т а р ю с в о е м у п е р е п и с а т ь о н у ю н а-б ѣ л о» (Стало быть, кромѣ Менгдена и двухъ Минихов, былъ при совѣщаніи секретарь, мнѣнія котораго не спрашивали, но который все слушалъ? Если же его бы не было тутъ, то призывъ его и явленіе, въ такомъ подробномъ описаніи, обозначились бы). «Но, с н ѣ д а е м ы й т щ е с л а в і е м ъ, к о т о р а г о н е м о г ъ о н ъ п р е о д о л ѣ т ь, (Минихъ-отецъ) прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе, что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». «Р о с п и с а н і е с і е б ы л о у т в е р ж д е н о великою княгинею».

Съ точки зрѣнія П. К. Щебальскаго, признавшаго «Замѣчанія на Записки Манштейна» только третьею редакціею «Записокъ» графа Миниха-сына, возможны въ послѣдующемъ трудѣ, разумѣется, и важныя пополненія и почему либо опущеннаго раньше, но, подробность, находимая въ «Замѣчаніяхъ», и тонъ изложенія едва ли возможны подъ перомъ сына и такого почтительнаго сына—если бравшаго перо, то единственно съ цѣлью очистить память отца отъ взводимыхъ врагами клеветъ. Читая нашу цитату, читатель согласится, что побужденія фельдмаршала не пощажены тутъ и не скрыта грустная истина, что Минихъ самъ себѣ обязанъ потерею вліянія при правительницѣ. Стало быть, эта прибавка—имѣющая громадный смыслъ, и не для оправданія, а для обвиненія фельдмаршала въ близорукости,—не можетъ отнестись къ перу его постояннаго хвалителя и защитника, какимъ является въ своихъ Запис-

кахъ Минихъ-сынъ. Манштейнъ [1]) передаетъ, очевидно—со слуха, разсказъ о включеніи выраженія объ уступкѣ фельдмаршаломъ сана генералиссимуса отцу императора—въ указъ, а не въ распредѣленіе предварительное наградъ, и указываетъ, что фраза хитрымъ Остерманомъ истолкована какъ обида принцу-родителю со стороны честолюбца, простиравшаго виды свои очень далеко. Изъ этого, вполнѣ правдоподобнаго со стороны, истолкованія поступка фельдмаршала, могъ вырости призракъ опасности для правительницы, и страхомъ, разъ возбужденнымъ въ ней, Остерманъ воспользовался для уничтоженія всякаго кредита Миниха. Составитель «Замѣчаній», считая нужнымъ выяснить неточность автора «Записокъ о Россіи», включенными въ свой разсказъ подробностями даетъ чувствовать, что онъ имѣлъ въ рукахъ показаніе очевидца, лучше всѣхъ знавшаго, какъ было дѣло. Если не самъ Минихъ-фельдмаршалъ, при Екатеринѣ II, сообщилъ автору «Замѣчаній» поясненіе этого важнаго, сдѣланнаго имъ самимъ, промаха, то могъ разсказать впослѣдствіи и секретарь, которымъ въ это время состоялъ коллежскій совѣтникъ Эмме. Его звали Ѳедоръ Ивановичъ; онъ, при переворотѣ, возвысившемъ Анну Леопольдовну, награжденъ чиномъ статскаго совѣтника; потомъ, при Елисаветѣ Петровнѣ былъ въ коммисіи, судившей Миниха, и пр., и могъ тамъ даже выяснять извѣстныя ему происшествія, особенно прямо относившіяся до Минихов и Менгдена.

Въ числѣ членовъ коммисіи, осудившей фельдмаршала, былъ оберъ-шталмейстеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, при правительствѣ императрицы Анны бывшій въ этомъ же званіи и стоявшій подаль отъ всякихъ интригъ. Вѣдь и черезъ этихъ лицъ могли дойти до людей, игравшихъ роли при Екатеринѣ II, подлинныя извѣстія о томъ, что̀ дѣлалось при двухъ Аннахъ и при воцареніи Елисаветы.

Усматривая, высказанныя нами, особенности, мы не можемъ придавать большой силы кажущемуся сходству параллельныхъ мѣстъ въ «Запискахъ графа Миниха-сына» и «Замѣчаніяхъ на Манштейна», авторомъ которыхъ о себѣ высказано много такого, что непримѣнимо ни къ Миниху-сыну, ни къ дѣтямъ вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана.

II.

Разберемъ, по порядку, обстоятельства, въ какихъ находился, по собственнымъ словамъ его, неизвѣстный авторъ «Замѣчаній», а также сынъ фельдмаршала графа Миниха и дѣти вице-канцлера графа Остермана до Екатерины II, и посмотримъ, къ кому бы изъ этихъ четырехъ лицъ, несомнѣнно жившихъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, могли подходить тѣ обстоятельства.

Первое упоминаніе о себѣ и личномъ знакомствѣ съ китайскимъ посольствомъ въ Петербургѣ мы привели выше. Въ 1732 году старшему изъ сыновей вице-канцлера графа Остермана было всего девять лѣтъ, а младшему—семь лѣтъ. Слѣдовательно, наблюденія дѣлать и заключать о разсудительности китайцевъ имъ было еще рано. А графъ Эрнстъ Іоганъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, съ царствованія Петра II по апрѣль 1733 года находился за границею, слѣдовательно, также не могъ заводить знакомства съ членами и прислугою китайскаго посольства въ Москвѣ въ 1731 году и въ Петербургѣ въ 732 году. Затѣмъ, въ авторѣ «Замѣчаній» видѣнъ военный, служившій подъ

[1]) Записки Манштейна, стр. 204, изданіе ред. «Русской Старины» 1875 г.

знаменами Миниха въ 1736 и 1737 годахъ, очевидецъ (если не участникъ) штурма Очакова, поправляющій Манштейна и дополняющій разсказъ его подробностями, не изъ реляціи, а изъ видѣннаго своими глазами. Такими характерными подробностями кажутся намъ слѣдующія мѣста:

Манштейнъ (стр. 100. Запис., изд. «Русской Старины» 1875 г.) о поджогахъ травы въ степяхъ татарами, говоритъ: «Если бы не брали охранительныхъ мѣръ противъ (степнаго) пожара, то онъ легко бы сжегъ цѣлый лагерь. Оттого фельдмаршалъ Минихъ распорядился снабдить каждую телѣгу метлою для гашенія огня. Также необходимо бывало окопать лагерь рвомъ въ два фута ширины, чтобы не сгорѣть живыми». Въ «Замѣчаніяхъ» говорится: «не рѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный россіянамъ, татары зажигали траву; тогда не оставалось иного средства, какъ на-скоро рыть и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя». Здѣсь надобность вырытія земли дѣлается понятною. Огонь останавливался на грани поднятой насыпи, заключающей влагу, при перерывѣ ковра травянаго дерна, способнаго горѣть ровно и дружно. Не двухъ-футовая ширина рва, а вырытый изъ него и откинутый къ сторонѣ степи слой свѣжей земли останавливалъ огонь. Невидѣвшему своими глазами дѣйствія этого не пришло бы въ голову и дѣлать поясненія къ тексту Манштейна, сказавшаго то же, да не такъ.

На стр. 114-й «Записокъ Манштейна» (изд. «Русской Старины» 1875 г.) авторъ говоритъ, какъ о послѣднемъ фактѣ потери людей нашихъ при взятіи Очакова, «еще два пороховые магазина взлетѣли на воздухъ, убивъ часть русскихъ, прибѣжавшихъ на грабежъ». («Рус. Стар.» 1879 г. XXVI, стр. 388).

Возражая ему, авторъ «Замѣчаній» говоритъ:—«Быть можетъ, что, отозвавъ на нѣкоторое время съ гласиса торжествующее войско, уменьшилъ бы фельдмаршалъ ужасное кровопролитіе, коему подвергся гарнизонъ; но подобныя движенія въ виду непріятеля, въ отчаяніе приведеннаго, нельзя производить для собственныхъ силъ безъ величайшей опасности. Разразившаяся бомба цѣлый пороховой погребъ подняла на воздухъ, потрясла и низринула прилежащія строенія, увеличила пожаръ и ужасъ». («Рус. Стар.» 1879 г. т. XXVI, стр. 388).

Въ этихъ словахъ высказывается очевидецъ, самъ командовавшій войскомъ и бывавшій на штурмахъ.

Въ іюлѣ 1737 года, когда палъ Очаковъ, дѣти Остермана, еще въ Петербургѣ, начинали только учиться, а сынъ фельдмаршала, шедшій по дипломатической части, находясь въ Петербургѣ же, при дворѣ, пожалованъ въ камергеры въ день празднованія взятія турецкой крѣпости. Небывшій на войнѣ графъ Минихъ-сынъ съ Записокъ отца, вѣроятно, говоритъ въ Запискахъ своихъ о взятіи Очакова болѣе подробно, чѣмъ авторъ «Замѣчаній», но все имъ разсказанное при этомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ защитою чести фельдмаршала, если не отъ несправедливыхъ, то уже, во всякомъ случаѣ, пристрастныхъ нареканій Манштейна, что, очевидно, вмѣнялъ себѣ въ прямую обязанность писавшій «Замѣчанія» на «Записки о Россіи». Самые доводы его защиты,—опять повторимъ,—такого рода, которые невоенному несподручны, а некомандовавшій самъ отдѣльною частью не нашелъ бы уважительными многихъ обстоятельствъ, извиняющихъ главнаго начальника и рѣшенія его въ виду достиженія высшихъ цѣлей, неизвѣстныхъ подчиненнымъ исполнителямъ. Вчитавшись основательно въ текстъ «Замѣчаній» на Манштейна, а также «Записокъ» и твореній графа Миниха-сына, относительно кампаній Миниха 1736 и 1737 го-

довъ, мы приходимъ къ заключенію, что сынъ фельдмаршала и адъютантъ его имѣли одни и тѣ же данныя для своихъ сочиненій. Авторъ же «Замѣчаній», *не прибѣгая къ этому источнику, довольствовался текстами обоихъ сочинителей* мемуаровъ, но высказывалъ въ защиту графа Миниха-военачальника убѣжденія, почерпнутыя исключительно изъ своей практики военно-служебной. *Для такой двойственности взгляда* графъ Минихъ-сынъ—совсѣмъ не подходящій дѣятель и взваливать на него обузу защиты дѣяній родителя отъ обвиненій Манштейна, тѣмъ путемъ доказательствъ, которыя развиты въ «Замѣчаніяхъ»,—невозможно.

Не много у насъ доказательствъ, что авторъ «Замѣчаній» былъ въ походахъ турецкихъ 1736 и 1737 годовъ, но это немногое, однакоже, вѣско и имѣетъ за собою всѣ признаки убѣжденія, хотя кромѣ замѣчанія «не разъ случалось»,—показывающаго очевидца и участника,—прямо не говоритъ онъ отъ своего лица, какъ высказался о китайскомъ посольствѣ и сношеніяхъ непосредственныхъ съ Кейтомъ, послѣ уже воцаренія Елисаветы, въ Петербургѣ. *Это же обстоятельство, да разсказъ о мнимомъ заговорѣ придворныхъ дамъ*, раздутомъ Лестокомъ изъ пустяковъ съ цѣлью повредить канцлеру графу Бестужеву, опять ставятъ насъ въ невозможность приписать «Замѣчанія» ни сыновьямъ Остермана, 16-го января 1742 г. высланнымъ изъ Петербурга въ армейскіе дальніе полки, ни сосланному въ деревни, подъ присмотръ, графу Миниху-сыну, вмѣстѣ съ отцомъ арестованному, въ ночь на 25-е ноября 1741 года. Собственныя «Записки» графа Миниха, сына фельдмаршала, заканчиваются даже раньше воцаренія Елисаветы Петровны, и въ нихъ герцогъ Бирона не надѣляется нигдѣ тою неблаговидною характеристикою, которая приводится авторомъ «Замѣчаній». Напротивъ, временщикъ, кумъ графа Эрнста Іогана Миниха, имъ терпимъ былъ какъ зло неизбѣжное, противъ котораго не слѣдуетъ принимать никакихъ мѣръ ради опасности погибнуть. На этомъ мотивѣ и построилъ онъ защиту отца своего отъ обвиненія, что фельдмаршалъ первый *будто бы подалъ мысль о регентствѣ Бирона.*

Нельзя не согласиться съ приведенными доводами, но, принимая ихъ становится яснымъ, что кругозоръ автора «Записокъ для дѣтей своихъ» *положительно расходится съ воззрѣніями и правилами, высказываемыми* въ «Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна». Такъ что, при кажущемся—при бѣгломъ сличеніи тѣхъ и другихъ—сходствѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, самое существенное—духъ автора «Замѣчаній»—является совершенно противоположнымъ и несовмѣстимымъ съ понятіями почтительнаго оберъ-гофмейстера двора принцессы Анны Леопольдовны.

Рѣзкія нападки автора «Замѣчаній» несовмѣстимы съ характеромъ апатичнымъ, какой въ «Запискахъ» выказываетъ графъ Эрнстъ Іоганъ Минихъ; неизвѣстный авторъ «Замѣчаній» не прочь иногда, отбивая противника, задѣть то или другое лицо (а главнѣйше—Бирона) и выставить его относительно рѣзко. *Обиліе сентенцій съ завѣдомымъ намѣреніемъ—кое-кого кольнуть*—тоже весьма замѣтно въ текстѣ «Замѣчаній на Записки Манштейна». Такъ что, независимо прямой цѣли—поправки невѣрныхъ или неточныхъ, по мнѣнію писавшаго, мѣстъ въ «Запискахъ Манштейна», выказывается какъ-бы намѣреніе особенно развить вредъ для общаго народнаго блага отъ имѣнія государынею наперсника, въ то же время обѣляя и возводя на пьедесталъ нѣсколько усиливаемаго величія фельдмаршала Миниха. И это писано, замѣтимъ, при Екатеринѣ II, послѣ смерти Миниха, который, какъ извѣстно, въ рѣшитель-

ныя минуты 1762 г. совѣтовалъ императору Петру III—спѣшить въ Ревель и бороться съ побѣдоносною императрицею, принявъ начальство надъ арміею, возвратившеюся изъ Пруссіи. Мы не должны терять изъ вида усмотрѣнной особенности текста «Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи», изданныя на англійскомъ языкѣ только въ 1770 г., а на французскомъ—въ 1771 году.

Перебирая имена видныхъ дѣятелей у насъ въ ту эпоху, изъ лицъ, помнившихъ царствованіе Анны Ивановны, и тѣхъ, которые могли дѣйствовать въ турецкихъ походахъ Миниха, мы указать можемъ два-три лица, не болѣе. А если къ этимъ, оставшимся въ живыхъ, дѣятелямъ временъ Анны станемъ примѣнять обстоятельства, въ которыхъ находился авторъ «Замѣчаній на Записки генерала Манштейна о Россіи», по случайнымъ намекамъ, то останется намъ всего одно лицо, совмѣщающее признаки всѣхъ условій, открывающихся изъ текста «Замѣчаній». Лицо это—никто другой, какъ генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, меньшой братъ воспитателя великаго князя (императора) Павла Петровича.

III.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ родился въ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ 1720 г. или 1721, но съ воцареніемъ Анны уже находился въ Петербургѣ, въ семействѣ старшей сестры, Александры Ивановны, выданной за оберъ-шталмейстера князя Александра Борисовича Куракина; здѣсь онъ встрѣчалъ высшихъ представителей русской аристократіи. Стоя на часахъ во дворцѣ, какъ солдатъ гвардіи, въ 1735 году, Петръ Панинъ, дѣлая честь ружьемъ проходившей мимо государынѣ, почувствовалъ позывъ на зѣвоту, но успѣлъ пересилить себя. Тѣмъ не менѣе, судорожное движеніе челюстей было замѣчено императрицей, отнесшею это дѣйствіе часоваго къ намѣренію сдѣлать гримасу, и за эту небывалую вину несчастный юноша посланъ солдатомъ въ армію, приготовлявшуюся къ походу въ Крымъ. Степной походъ до Перекопа, овладѣніе при немъ линіею укрѣпленій и движеніе къ Бакчисараю—юноша совершилъ очень счастливо и въ турецкихъ походахъ слѣдующихъ годовъ заслужилъ, такъ сказать—съ бою, чинъ офицера, состоя подъ командою Левендаля и Кейта, на Украйнѣ. Въ которомъ году возвращенъ изгнанникъ къ своимъ, мы точно не знаемъ, но, вѣроятно, въ 1740-мъ году онъ уже былъ въ Петербургѣ, вступивъ въ столицу съ побѣдоносною арміею, по заключеніи мира съ турками. Съ наступленіемъ войны со шведами, въ правленіе Анны Леопольдовны, Петръ Ивановичъ Панинъ, находясь подъ Выборгомъ, прекратилъ начинавшійся мятежъ воинскій, открывъ заблаговременно заговоръ солдатъ: перебить иностранцевъ, бывшихъ у нихъ командирами. За этотъ подвигъ Панинъ посланъ фельдмаршаломъ Ласси въ столицу съ ключами взятаго Фридрихсгама, гдѣ отличился Манштейнъ, авторъ «Записокъ о Россіи». Панина, привезшаго ключи, произвели въ чинъ капитана гвардіи. Зная заслугу его въ лагерѣ подъ Выборгомъ, любопытно встрѣтить въ «Замѣчаніяхъ» на Манштейна указаніе на этотъ случай, съ припоминаніемъ словъ, сказанныхъ генераломъ Кейтомъ.

— «Очень примѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ передъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы приняло иной видъ!»

Нахожденіе этой характерной черты въ «Замѣчаніяхъ» можетъ только

усилить идею, что усмиритель выборгскаго лагернаго бунта близокъ автору—разбирателю «Записокъ Манштейна». При такихъ обстоятельствахъ совершенно ясна короткость автора «Замѣчаній» съ генераломъ Кейтомъ и сердечная характеристика этого героя и генерала Левендаля, служившаго, какъ и Кейтъ, въ Украйнѣ и находившагося въ походѣ финляндскомъ, въ которомъ участвовалъ Панинъ, служившій въ турецкихъ походахъ подъ командой того и другаго.

Зять Паниныхъ, князь Куракинъ, до самой смерти своей (1749 г.) занималъ свой высокій постъ, и при Елисаветѣ, какъ мы выше замѣтили, уже состоялъ членомъ въ коммисіи, вмѣстѣ со статскимъ совѣтникомъ Ѳ. И. Эмме, бывшимъ секретаремъ Миниха, которому фельдмаршалъ поручалъ переписывать роспись наградъ въ слѣдующее утро по низложеніи Бирона (9-го ноября 1740 г.). Въ Куракинскомъ кружкѣ, удержавшемъ свое значеніе и положеніе при трехъ царствованіяхъ, всѣ новости дня пересказывались со всѣми подробностями, сосредоточиваясь и выправляясь изъ получаемыхъ съ разныхъ сторонъ сообщеній. Поэтому не трудно было знать больше и лучше всѣхъ происходившее съ 1730 года во всѣ слѣдующія 19 лѣтъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, при дворѣ, члену Куракинскаго кружка, по родству съ хозяевами не встрѣчавшему холоднаго пріема и въ другихъ салонахъ высшаго круга русскаго общества. Пользовавшагося такимъ исключительнымъ положеніемъ своимъ трудно представить себѣ даже другаго русскаго аристократа въ это тревожное время, когда нѣмецкая партія потеряла силу, а выступившія на сцену высшаго круга новыя свѣтила оказывались вполнѣ новыми людьми, съ которыми прежніе представители общественныхъ вершинъ не вдругъ могли сойтись и поладить, частію изъ понятнаго недовѣрія, а частію сохраняя память преданій о прошломъ своемъ значеніи, утраченномъ по милости этихъ выскочекъ. Куракины, мужъ и жена, въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны, составляли средоточіе высшаго круга, а Панины—свои въ Куракинскомъ кружкѣ—были людьми равно пріятными и въ домахъ бывшихъ тузовъ, и среди новыхъ ближнихъ людей императрицы. Было одно время, когда на Никиту Ивановича Панина, красавца камеръ-юнкера, въ 23 года отъ роду, смотрѣли какъ на будущее свѣтило, могущее блескомъ своимъ заставить скрыться за горизонтъ Разумовскихъ; но, державшійся силою Алексѣя Разумовскаго, графъ Алексѣй Бестужевъ съумѣлъ опасному камеръ-юнкеру дать дипломатическое порученіе—поздравить польскаго короля съ выдачею замужъ его дочери за дофина Франціи. А когда отправился туда начинающій карьеру дипломатъ, то Бестужевъ далъ ему, съ возведеніемъ въ камергеры, постъ министра въ Копенгагенѣ, изъ котораго, черезъ годъ, перевели его въ Стокгольмъ и тамъ держали до 1760 г., когда вызванъ онъ былъ, по паденіи Бестужева, на должность оберъ-гофмейстера—воспитателя шестилѣтняго сына Петра III и Екатерины II, въ чинѣ генералъ-поручика (29-го іюля). Что касается до Петра Ивановича Панина, то въ полковникахъ онъ былъ по 25-е декабря 1755 г.; въ этомъ чинѣ и посланъ былъ съ поздравленіемъ къ шведскому двору, по случаю вступленія на престолъ, бывшаго съ 1742 года наслѣдникомъ престола, короля Адольфа Фридриха. Замедленіе въ повышеніяхъ его было, скорѣе всего, не простою случайностью. Поэтому отзывъ автора «Замѣчаній на «Записки Манштейна» о совѣтникахъ императрицы Елисаветы Петровны для насъ долженъ получить смыслъ, близкій къ сердцу автора.

— «Елисавета Петровна, — говоритъ онъ,—уничтоживъ всѣ награжденія, пожалованныя правительницею, несправедливо обидѣла удостоенныхъ возмез-

дія за службу отечеству, въ числѣ коихъ находились люди отличнѣйшихъ достоинствъ. Подавшіе ей таковой совѣтъ поступили столько же неправосудно, сколько и непроницательно. Мудрый государь обращаетъ милостивый взоръ и на служившихъ усердно у предшественниковъ его. Это согласно и съ благодушіемъ и съ здравою политикою: да не влачатъ дни свои въ презрѣніи и намъ служащіе». («Рус. Стар.» 1879 г., томъ XXVI).

Если мы припомнимъ, что, кромѣ цѣнимыхъ высоко авторомъ «Замѣчаній» генераловъ Кейта и Левендаля, при воцареніи Елисаветы потерявшихъ помѣстья, данныя Анной Леопольдовной, потерялъ ею же данную Андреевскую цѣпь зять Панина кн. Куракинъ, при новомъ штатѣ сравненный съ камергерами, хотя и былъ оставленъ оберъ-шталмейстеромъ,—то приведенная нами выписка, особенно послѣднія ея слова, окажутся не риторическою фигурою. Да и самое побужденіе: написать подтвержденіе высказанному Манштейномъ, выяснится не въ смыслѣ мелькомъ брошенныхъ словъ.

Подмѣтивъ же подобное побужденіе и здѣсь, и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ—заканчивать внушительныя выходки сентенціями, поясняющими еще лучше направленіе куда направлена стрѣла автора «Замѣчаній», весь текстъ ихъ намъ представится въ иномъ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ, усматривается въ основѣ труда автора, на сколько патріотическое желаніе, на столько же и политическія стремленія: пользуясь случаемъ, провести параллель между прошлымъ (1730—1744 гг.) и настоящимъ (1770-ые года), примѣняя бывшее и забытое къ понятному для того, кому адресовано, настоящему.

Отличившійся въ Семилѣтнюю войну, Петръ Ивановичъ Панинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, игралъ первостепенную роль въ правительствѣ Екатерины II, до начала первой турецкой войны, объявленіе которой было для воспитателя наслѣдника престола въ нѣкоторомъ родѣ громовымъ ударомъ съ яснаго неба. Политика старшаго Панина оказалась очень близорукою и императрица, при такомъ руководителѣ внѣшнихъ сношеній, настигнутая врагами врасплохъ, должна была привести въ движеніе всѣ, доступныя всеобъемлющему уму ея, средства выйти изъ затрудненій, возникавшихъ на каждомъ шагу, при неприготовленности къ удару. Но, хотя съ успѣхомъ, Екатерина II съумѣла обратить въ свою пользу ошибки дворовъ, намъ враждебныхъ, при чемъ военный геній Румянцева одержалъ верхъ надъ многочисленностью турецкихъ ополченій на сушѣ, а адмиралъ Орловъ, съ своими незабвенными помощниками, поразилъ турецкіе флоты. Съ поворотомъ въ нашу пользу борьбы съ турками, примѣтно падаетъ вліяніе на дѣла братьевъ графовъ Паниныхъ. Петръ Ивановичъ получилъ, въ 1769 году, въ команду вторую армію противъ турокъ; но, взявъ Бендеры и получивъ за этотъ подвигъ орденъ св. Георгія 1-й степени, а не чинъ фельдмаршала, оскорбился малостью награды и просилъ увольненія подъ предлогомъ внезапнаго усиленія припадковъ мучительной подагры. Екатерина II, съ выраженіемъ сожалѣнія, уволила больнаго героя, обративъ въ пенсіонъ ему всѣ получаемые имъ оклады (27-го ноября 1770 г.).

Появленіе въ 1770 г. Записокъ Манштейна совпадаетъ съ этою отставкою пятидесятилѣтняго воина. Живя въ Москвѣ, графъ П. И. Панинъ любилъ рисоваться, представляясь страдальцемъ за правду, и время отъ времени разыгрывая сцены оппозиціи правительству Екатерины II, въ которомъ братъ его, находясь при дѣлахъ, видѣлъ себя потерявшимъ силу и значеніе единственнаго совѣтника.

При чуткости опальнаго графа Петра Панина и умѣньи его выискивать

случаи заявить себя защитникомъ мнимо-притѣсняемыхъ [1]), если подтвердится окончательно наша догадка, что его перу принадлежатъ «Замѣчанія на Записки генерала Манштейна о Россіи»,—то понятны будутъ побужденія къ выполненію этого труда и найдется оправданіе и истолкованіе смысла сентенцій, тамъ и сямъ разбросанныхъ по всему тексту и, съ перваго взгляда, какъ бы ненужныхъ.... Не были-ли писаны «Замѣчанія на Записки Манштейна для самаго дорогаго для Панинныхъ читателя, къ нимъ особенно близкаго: для великаго князя Павла Петровича?—Великій князь интересовался сказаніями иностранцевъ о Россіи; въ его Павловской библіотекѣ соединено, въ концѣ 1770-хъ и 1780-хъ годахъ, множество изданій о Россіи (Олеарій, Герберштейнъ, Корбъ, Мейерберъ, и многіе другіе). На письма лэди Рондо о Россіи написаны, какъ есть основанія думать—историкомъ Миллеромъ, интересныя замѣчанія и автографъ этихъ замѣчаній находиться въ дворцовой библіотекѣ Павловска (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 325—346); интересно что въ ту же библіотеку неизвѣстно когда и откуда поступила подлинная рукопись Записокъ Манштейна... И такъ, не для августѣйшаго-ли воспитанника гр. Никиты Панина писаны и «Замѣчанія» на эти Записки? А въ такомъ случаѣ кому, какъ не графу Петру Панину, очевидцу и участнику многихъ событій, описанныхъ Манштейномъ явиться въ виду тѣхъ доводовъ, которые привели мы выше, объяснителемъ и исправителемъ ошибокъ сказаній Манштейна?

Открывъ автора «Замѣчаній» въ лицѣ графа Петра Ивановича Панина, мы должны сказать, что, въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и полнаго историческаго значенія и интереса «Замѣчаній на Записки Манштейна», изданіе текста подлинной рукописи Замѣчаній безъ выпусковъ и искаженій, которыми страдаетъ текстъ этого историческаго памятника въ «Отечественныхъ Запискъ» Свиньина, является вполнѣ необходимымъ. Редакція «Русской Старины», издавъ полный текстъ «Записокъ Манштейна», оказала немаловажную услугу отечественной исторіи изданіемъ «Замѣчаній» на этотъ историческій памятникъ.

Драгоцѣнныя Записки генерала Манштейна, помѣщенныя, съ благосклоннаго соизволенія Владѣтеля ихъ подлинника Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, на страницахъ «Русской Старины»—значительно восполняются и исправляются «Замѣчаніями» гр. П. И. Панина, современника и сослуживца Манштейна на ратномъ полѣ, человѣка притомъ весьма замѣчательнаго и занимавшаго видный постъ въ ряду русскихъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка.

П. Н. Петровъ.

---

[1]) Въ біографіяхъ его разсказывается какъ онъ, генералъ-аншефъ Панинъ самолично стоялъ на часахъ у гроба умершаго въ опалѣ, въ 1772 г., бывшаго московскаго главнокомандующаго фельдмаршала графа П. С Салтыкова.